

Парадигма

18+

Сергей Тягунов

Сергей Тягунов

Парадигма

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тягунов С.

Парадигма / С. Тягунов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Магия – это мысль. Вера и слово – определяют реальность. Таковы основные парадигмы мира. Всё, что можно вообразить, существует и подчиняется твоей воле. Но что, если кто-то решит украсть магию? Что произойдет с хрупким балансом жизни, когда он подчинится безумному вору? Колдун, солдат, настоятельница храма и пропойца-царь – всем им предстоит найти ответы на эти вопросы.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Души из пепла	13
Глава первая. Хен	13
Глава вторая. Хара	22
Глава третья. Найват	33
Глава четвертая. Хен	45
Глава пятая. Хара	51
Глава шестая. Релин	56
Интерлюдия. Вор и ускользящая реальность	71
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Пролог

Он встал возле двери не в силах отдать приказ.

Под ложечкой ноет, будто после удара кулаком. Сердце тяжело бухает, отзываясь слабой болью в ребрах. По спине стекают крупные капли пота, отчего рубаха противно прилипает к коже. Ренай Камень бросил мимолетный взгляд на послушника, охраняющего темницу. Заметил ли тот, как он дрожит от страха, точно испуганный кролик? Вроде нет.

Парень в медном доспехе стоит в двух шагах от запертой темницы и смотрит куда-то перед собой

– Открывай, – приказал ему Ренай. Голос всё-таки предательски дрогнул.

Послушник, сделав вид, что ничего не произошло, достал из-за пояса связку, побрякал ею, ища нужный ключ, и подошел к массивной двери. *Что же он так долго возится?* Надо взять себя в руки. В конце концов, в темнице сидит обычный человек. Которому требуется гадить, жрать и спать. Отчего же тогда в груди этот колючий страх?

Наконец, послушник справился с ржавым замком. Тяжелая дверь противно скрипнула. В лицо ударила волна смрада – гремучая смесь из запахов засохшей крови, оставленной прошлыми обитателями, и застарелого пота. В темнице хоть глаз выколи. Ренай взял с металлического кольца на стене факел и вошел во тьму, стараясь не задеть плечами дверной косяк.

Пришлось пригнуться из-за низкого потолка. Пламя высветило каземат: серый песок под ногами, на котором тут и там виднеются черные пятна, небольшой наспех сколоченный стол и... узник, привязанный к стулу. Стараясь не смотреть в его сторону, Камень вставил факел в металлическое кольцо на стене темницы и принялся раскладывать на столе рабочие инструменты. Руки предательски подрагивают – достаточно сильно, чтобы начать злиться на себя. *Этот ублюдок всего лишь человек!*

– Назови свое имя, – приказал Ренай. Голос показался оглушительно громким.

Сверкнуло тонкое лезвие ножа. Подойдет в самый раз.

Хмурясь, он обернулся к заключенному. Тот растянул губы в ухмылке, словно это Камень сидит привязанный в каземате уже третью ночь. Его хитрые, кристально голубые глаза блеснули.

– Назовись! – рыкнул Ренай.

– Вор.

– Это не имя.

– Но так меня называют. Так себя назвал я, – спокойно ответил узник, продолжая широко улыбаться. Его бархатистый низкий голос убаюкивает – ни страха, ни агрессии, ни волнения.

Кивнув, Ренай продолжил:

– Откуда ты?

– Я приду из пустыни Пророка.

Вот опять!

– Придешь? – переспросил Камень.

– То есть пришел, конечно же, – поправил себя узник.

За бессонные ночи он растерял былое величие: борода скаталась, длинные волосы висят сосульками, лицо перепачкано в грязи, как у нищего, морщины стали глубже. Хотя стоит признать, этот хитрец умеет выглядеть высокомерно. Ренай понадеялся, что сегодня он-таки его сломает – не столько физически, сколько морально.

– И что же ты ворешь? – спросил Ренай.

Вор бросил на него хитрый взгляд. Его аквамариновые глаза как бы сказали ему: «ты сам всё знаешь». Ухмыльнувшись и не показав вида, Камень лишь пожал плечами. Несколько раз с ног до головы осмотрел узника. Истоптанные кожаные сандалии, которые давно уже пора

выкидывать, грязные хлопчатые штаны, потерявшая цвет льняная рубаха... И никаких опознавательных знаков. Ни татуировок, ни ритуальных шрамов, ни единого кольца на бороде. Узник может оказаться как из Великого Карлага, так и с далекого Тошатханского Союза.

– Веревки не жмут? – спросил Ренай.

– Бывало и хуже.

– Это когда же?

– Тебе правда интересно?

Ренай хмыкнул, встал над узником и осмотрел его кожу на плечах и руках, где бечевка должна жать сильнее. Лишь небольшие покраснения – ничего серьезного, хотя Вор столько времени просидел привязанным к стулу.

– У меня есть хорошие новости, – заявил Камень. – Сегодня тебя закуют в цепи.

К удивлению, узник серьезно кивнул.

– Я увижу еще архимага? – спросил он.

– Возможно.

– Мне нужно...

Ренай не дал договорить – вогнал ему нож по рукоять в плечо. Предстоит самая неприятная часть работы: надо подготовить узника к обеденному разговору с настоятелем храма. Тот должен понять – кара будет жестокой.

Вместо крови из раны вырвался ослепительный белый свет.

Такое чувство, будто его обернули холодным мокрым одеялом, а затем окунули в горный пруд, где даже в месяц Ясных Звезд вода покрывается тонкой коркой льда. И этот предательский страх. Перебирает мерзкими лапками под ребрами, норовя добраться до сердца. И никак не прогнать его. Навязчивые мысли бьются под тесным черепом: *«Это Вор! Это действительно ОН!»*

Даже разговор с архимагом не помог. Ренай тяжело выдохнул. Пытаясь успокоиться, оглядел, как всегда в такие трудные моменты, свои покои. Возле хлипкой двери стоит простая деревянная кровать, рядом с ней – миниатюрный столик, на котором красуется глиняный кувшин. На стене по левую руку висят крест-накрест мечи в ножнах. Собственно, больше ничего и нет.

Стул под ним скрипнул.

Прочь панику. Он по-прежнему остается Поющим, пусть и бывшим. Водя указательным пальцем по синим линиям татуировок на кисти, Ренай прикинул что к чему.

Вор вышел к каменной стене, когда солнце-око только-только лениво поднялось над верхушками кипарисового леса. Прислонился спиной к дереву в тени массивных ворот и принялся подбрасывать медную монетку. Послушники с полчаса затаив дыхание наблюдали: взгляд льди-сто-голубых глаз незнакомца пронизывал до костей, а кривая ухмылка будто нож, приставленный к горлу. Наконец, старший, мямля, спросил, кто он и что здесь делает. Стражи вздрогнули от белозубой улыбки визитёра, а тот – святая простота! – заявил, что пришёл забрать магию их Храма. Украсть её. Погнать бы наглого безумца после подобных заявлений, да вот только стражей прошиб холодный пот. Месяца не прошло, как сборщики фруктов наткнулись в джунглях на обугленные руины – где сотни лет высились золочёные шпили соседнего храма. Единственный выживший, обнаруженный подоспевшим Ренаем, корчился в тени почерневшего оплавленного алтаря, качался взад-вперёд, обхватив себя за плечи, и ничто не могло унять дрожи жилистых рук. Глаза дёргались под опущенными веками, а с губ капала слюна и слетали бес-связные фразы безумца...

Сам архимаг позже в ужасе делился с Ренаем тем, что школа действительно потеряла несколько серьезных заклинаний и последствия еще дадут о себе знать. От выжившего безум-

ного храмовника избавились, а о случившемся на время забыли... До того момента, пока незнакомец не появился перед воротами.

Кто он? Как попал? Никто не знал. Послушники доложили мастерам-магам, а те – архи-магу. Незнакомца связали и кинули в темницу.

Первым, кто поговорил с Вором, оказался Ренай. Скептически относясь к рассказам послушников, он отворил тяжелую дверь каземата и... В него словно что-то вошло, принялось копошиться в темных лабиринтах души. Ни одно потаенное воспоминание не укрылось от цепких мерзких лап. Части его естества принялись снимать, как кожицу с лука. Ренай даже не сразу понял, что обливается холодным потом и держится за грудь, пока узник, широко улыбаясь, смотрел на него.

Об это даже сейчас тяжело вспоминать.

Заинтересованный испугом своего помощника архимаг спешно спустился к незнакомцу, но Камня дальше порога не пустил. Сказал: хочет поговорить с глазу на глаз. И до глубокой ночи провел в темнице. Повезло, что в двери была небольшая круглая дырка, в которой можно было рассмотреть каземат. Вор не пытался освободиться от веревок, а архимаг всё время сидел на принесенном костяном стуле и мило улыбался.

Стоило настоятелю храма выйти из темницы, ноги его подогнулись. Ренай едва успел подхватить старца и дотащить до покоев. Глаза архимага ввалились, морщины стали глубже, кожа обтянула череп так сильно, будто вот-вот готова была порваться, точно старый пергамент. Все самые страшные опасения были верны! Узник действительно обладал невероятной мощью. И следовало как можно быстрее отправлять гонцов в Кулгер – к Пророку.

Почему Вор позволил себя связать? Западня? Но Камень обследовал все близлежащие территории и ничего и никого не нашел. Может, всё-таки ошибка? Нет, конечно же, всё по-настоящему! Но почему Вор не боится наказаний, не боится смерти, наконец?

И сегодня Ренай узнал ответ: потому что того нельзя убить. Вместо крови в его венах струится свет. Любая, даже самая серьезная рана заживает за несколько мгновений.

Погладив густую намавленную бороду, Камень тяжело выдохнул, пытаясь успокоиться. Напряг мускулы на руках. Витиеватые татуировки вздулись. В конце концов, он всего лишь воин храма. Бывший Поющий. Решения принимает архимаг. Вряд ли тот недооценивает всю серьезность ситуации. Что-нибудь придумает.

А пока замуруем Вора в стене до приезда дознавателей из Кулгера. Не сдохнет – так хоть помучается.

Стало чуть легче.

Рука отозвалась острой болью, словно кто-то её поджег. Ренай резко открыл глаза, вскочил с кровати. Его татуировки испускают ровный синий свет, достаточно сильный, чтобы прогнать ночную тьму и придать комнате мистический вид.

С губ срывается сияющая дымка. Стянув с себя холщовую рубаху, Камень осмотрел себя. Дрожащие пальцы заскользили по старым шрамам, портящим некогда безупречную карту татуировок. Однако колючий синий свет, несмотря на безумие происходящего, продолжает исходить из тела! Мелькнула мысль: это всё Вор! Это он что-то изменил внутри него и теперь...

Нет.

Ренай одернул себя. Узник здесь ни причем. Память услужливо подкинула воспоминания годичной давности. Он, как сейчас, вскочил посреди ночи от боли в руке. Осмотрелся. Татуировка на плече – одна из немногих не перечеркнутых шрамами – едва-едва теплилась, слабо горела синим свечением. Тогда Камень никому не рассказал о чуде.

Затем каждый месяц сияние становилось лишь сильнее. Ренай хмыкнул. Он давно смирился со своей незавидной участью – стать убийцей, дознавателем и ручным покладистым псом архимага. Он больше не Поющий. Восемнадцать лет подготовки ушли псу под хвост из-за

одного маленького шрама. Сила ушла, вытекла из души, как молоко – из разбитого кувшина. Хвала богам, что его вообще не выкинули на улицу, а оставили в храме.

И вот теперь он снова пылает! Великий Баамон, высший из богов, смилостивился над жалким рабом и вновь одарил своей милостью! Татуировки испускают синее свечение, несмотря на шрамы; где-то чуть ниже солнечного сплетения покалывает от переполняющей мощи, а в памяти просыпаются, казалось, давно забытые мантры.

Не обращая внимание на боль в руке, Ренай нерешительно встал в нескольких шагах от двери. Больше нет смысла скрывать его маленькую тайну от архимага. Но что делать? Сейчас ночь. Побеспокоить настоятеля в такое время – верх глупости. Решение озарило тут же: он спустится в зал для молитв служек и явит чудо тем немногим братьям, что сейчас читают священные мантры. А те уже обо всем расскажут архимагу. Больше не надо чувствовать себя изгоем и прятать глаза.

Воодушевленный, Ренай вышел из покоев. Узкий коридор встретил его абсолютной тишиной. В ноздри ударил вьевшийся в стены запах пота. Расставленные через равные расстояния факелы на колоннах словно потянулись к нему. Сияние татуировок разогнало последние прячущиеся в углах тени. Знакомые места преобразились. Горельефы героев древности провожают его заинтересованными взглядами. Каменные арки словно становятся выше, когда он проходит под ними.

Забыв об узнике, забыв обо всех проблемах, Ренай идет вперед. Эхо шагов громом разносится по коридорам. Поющий, на котором давным-давно поставили крест, вернулся! Вскоре показался гигантский вход в один из священных залов. До ушей докатился тяжелый монотонный гул, от которого завибрировали кости, а сердце болезненно сжалось. Улыбаясь, Ренай встал напротив циклопической мраморной арки в форме раззявленной пасти ящера.

Сотни Поющих сидят на коленях и синхронно, как одно существо, выплевывают в воздух священные мантры. Море человеческих голов и спин, украшенных витиеватыми татуировками, вызывает невольное восхищение. Факелы в зале не горят – но они и не нужны: чистый свет, идущий из шепчущих ртов, раскрытых глаз и сложных узоров на коже, разгонит даже самую чернильную тьму.

Ренай заставил себя двинуться дальше – пока еще здесь ему не место.

Он дошел до зала молитв послушников. И разочарованно скривился – никого нет. *Наплюй. Делай, что планировал. Если твое исцеление – воля богов, то утром священный свет не погаснет. Архимаг обязательно узнает.* Камень рухнул на колени, мраморные плиты под ним дрогнули. Это просторное место подавляет: пузатые колонны не обхватить и четверым, потолок утопает во тьме, а бесчисленные факелы, расставленные по стенам, не способны прогнать сумрак. Камень бросил взгляд сначала на массивный пьедестал, украшенный древними иероглифами, а затем – на скульптуру. Огромный шар-глаз Великого Баамона испепелил жгучей ненавистью.

Ренай закрыл глаза. Боясь нарваться на божественный гнев, неумело зашептал слова молитвы. Язык, непривычный к разговорам, ворочается неохотно, а звуки приходится буквально заставлять вытягивать из себя.

Боль в правой руке усилилась, растеклась жидким огнем от пальцев до локтя. Скривившись, Камень продолжил шептать молитву, однако резь под кожей стала острее, будто кто-то закопошился ржавым лезвием по мясу и сосудам. Суставы на глазах распухли, татуировки засияли ярче.

Продолжай.

Невидимое пламя разгорелось, медленно перетекая с плеча к груди. Отчего-то пульс в кончиках больных пальцев отдался сильнее, чем в остальном теле. Бум, бум, бум – точно бьют тяжелыми палками по барабану.

Не останавливайся...

Ренай всё же замолчал. Мысли крутятся лишь вокруг правой руки. Вдруг она сейчас откажет? Может, надо было пойти к архимагу? Если Вор-таки как-то повлиял на него тогда, в каземате?

Сейчас всё пройдет...

Сияние татуировок стало ослепительным – пришлось зажмуриться.

Восстановление невозможно без боли!

В этот момент сила, прячущаяся в нём, пробудилась со всей мощью. Грудь стиснули невидимые тиски. Из глаз и рта вырвались крючковатые лучи, закрутились у ног маленькими солнечными вихрями. Ренай попытался подняться, но что-то ударило в спину и опрокинуло на плиты. Правая рука с хрустом согнулась под неестественным углом.

Трясаясь от чудовищной боли, Камень начал умолять богов прекратить страдания. В виски впились мириады игл и с удовольствием мелких демонов поползли сквозь плоть – к мозгу. Перед мысленным взором закрутился калейдоскоп видений. Разрушенные города. Выжженные поля. Солнце-око, скрытое под тяжелыми черными тучами. Дождь, прожигающий кожу. Горы человеческих тел.

Вдруг всё прекратилось. Невидимая пробка в горле исчезла, в легкие вновь проник воздух. Тяжело и хрипло дыша, Ренай раскрыл глаза, поднялся. Священный свет исчез, татуировки больше не горят, правая рука висит плетью – похоже, сломана. В голове туман; мысли разлетаются испуганными попугаями, ни одну не поймать.

Что произошло?

В ответ плиты под ногами вздрогнули. За спиной раздался тяжелый грохот. Ренай решительно поплелся к выходу из зала. Потихоньку онемение в ногах исчезло, удалось перейти на бег. Коридор напоминает поле боя. На стенах змеятся трещины, с потолка сыплются камни. Тут и там на мраморных плитах можно разглядеть черные подпалины.

Под ногами что-то грохнуло, затем – еще раз и еще. Из-за угла выбежал послушник. Лицо искажает гримаса ужаса. Татуировки испускают ровное багровое свечение. Бедняга сделал шаг к Камню, когда из земли вырвалась искрящаяся белая лента и хлестнула его по животу. Он затрясся. Губы страшно исказились, глаза в одно мгновение выгорели, оставив после себя два черных провала. На пол послушник рухнул уже мертвым.

Ренай ускорил бег. Сейчас важно добежать до своих покоев, схватить меч и молнией кинуться к архимагу. Возле священного зала он всё же остановился. Холодная ящерка ужаса скользнула по спине. Показалось, вместо крови по его жилам потёк жидкий лёд. Мертвецы... десятки мертвецов. Взгляд то и дело падает на раскрытые в немых криках рты, на выжженные глаза и побелевшую кожу.

Уже у себя в покоях Ренай здоровой рукой выхватил со стены меч. От тяжести клинка напряглись мускулы, рот растянулся в волчьей улыбке. Да, с оружием спокойнее. Теперь на выход, на выход! Свернуть направо, быстро пробежать узкий коридор, нырнуть под арку...

Вход преградил мастер-маг – Шепчущий. Покачиваясь, будто пьяный, стоит на месте. Роскошный плащ, расшитый золотыми и серебряными нитями, перепачкан грязью и кровью. Алые пятна расплзаются на груди. Ренай было подскочил к нему, чтобы помочь, но остановился в трех шагах от него. Что-то не так, маг не ранен или... Додумать не успел: Шепчущий, безумно хохоча, бросился на него с кинжалом, Камень отпрыгнул.

– Стой! Не делай этого! – выкрикнул он.

Кривое лезвие просвистело у самых глаз. Затем, распоров рубаху, царапнуло грудь. Ренай отскочил назад, спину кольнул холод камней. Слишком узко. Нет времени думать – архимаг в опасности! Он замахнулся мечом, клинок с легкостью отрубил голову мастеру. Тело того сделало шаг назад и рухнуло на пол.

Морщась от боли в повисшей плетью руке, Ренай продолжил путь. После первого же поворота пришлось остановиться. На стенах висят зеркала в полный человеческий рост.

Каменная дорожка расширяется ближе к концу коридора и ведет к лестнице, ступени которой потрескались от времени – тут и там можно рассмотреть сколы. Мраморная арка со скульптурами крылатых демонов у её основания открывает вид на купол зала...

Ренай скривился. Он не узнал это место. Невозможно. Нет, точно какая-то ошибка. Он прожил в храме большую часть жизни, но никогда не бывал здесь.

Ноги сами понесли его вперед. Предательский звук шагов эхом разнесся по коридору. Сердце учащенно забилось в груди, отдаваясь в кончиках пальцев и в висках. Тук-тук-тук... Выставив перед собой лезвие меча, Камень бросил взгляд на одно из зеркал. Всего лишь его отражение: густая намавленная борода, лысина, изуродованная шрамами, хищный блеск глаз. Он боковым зрением уловил какое-то движение с правой стороны.

Ничего.

Но ощущение, будто кто-то следит за ним не ушло, наоборот – усилилось. Воображение дорисовало худых черных тварей, прячущихся за серебряными отражениями. Вот сейчас расслабишься, опустишь клинок, вздохнешь полной грудью и мерзкая когтистая лапа вскрыет горло... На нижних ступенях лестницы показался худой маг в черной накидке. Ренай мог поклясться: еще мгновение назад здесь никого не было.

– Ты видел настоятеля? – спросил он.

Шепчущий не ответил. По-птичьему склонил голову. По его рукам затанцевали змейки миниатюрных молний. В ноздри ударил запах паленой плоти.

– Мы должны найти его! – сказал Камень.

Опыт подсказал: маг не может колдовать без Поющих. Однако сегодня всё идет наперекос. Кисти худого слились с искрящимися энергетическими лентами. При желании таким «кнотом» можно в два счета снести противнику голову.

Обливаясь потом, Ренай шагнул назад.

– Вор затуманил твой разум! – крикнул он.

Смеясь, маг нырнул в зеркало и исчез.

Камень подставил клинок под удар сияющей ленты именно тогда, когда худой неожиданно появился слева. Сверкнуло, в глазах потемнело, затем плечо обожгло, а плоть зашипела. Доверяя чутью, Ренай отпрыгнул от врага, пригнулся. «Кнут» просвистел над головой.

Сумасшедший маг и не подумал ослаблять хватку – принялся лупить энергетическими бичами. В узком коридоре большинство ударов угодило по колоннам и стенам, но некоторые из них все-таки достигли цели. На груди и животе Камня зачернели страшные подпалины. От боли захотелось выть, рвать одежду на себе. Она сводит с ума, не дает вздохнуть.

Наконец, Шепчущий остановился, быстро нырнул в зеркало и исчез.

Не дай себя обмануть. Не расслабляйся. Урод играет. Бьет не в полную силу, выматывает тебя. Чтобы выпрыгнуть за спиной и начать всё по новой. До тех пор, пока твое сожженное тело не распластается на полу. Будь на шаг впереди. Как только ублюдох почувствует, что ты опасен, – убьет. Права на ошибку нет. У тебя есть один удар...

Лезвие после короткой схватки почернело и чуть погнулось. Меч, служивший верой и правдой больше двух десятков лет, пришел в негодность, теперь только на переплавку. А другого оружия нет. Ренай весело хмыкнул: он чуть не сдох, едва стоит на ногах, бой еще не закончен, а думает о клинке, будто других проблем нет...

Маг вылетел из ближайшего зеркала и закрутился юлой. Сияющие ленты, ударяясь о камни, высекали искры. Ренай вместо того, чтобы отпрыгнуть от них, наоборот подскочил вперед, перекатился через плечо. Взмах – почерневшее лезвие без труда отрубило руку с энергетическим бичом. Полный оборот, удар – и меч по самую рукоять вошел в грудь сумасшедшего мага.

Тот замер, непонимающе уставился себе под ноги. Из губ, пенясь, полилась густая кровь. Через два бесконечно долгих удара сердца он обмяк и кулем повалился на пол. Сияющие ленты

исчезли, оставив после себя запах горелой плоти. Ренай же двинулся к широкой лестнице – подальше от пугающих зеркал. Лишь на самой верхней ступени он позволил себе передохнуть. На теле нет места, которое бы не болит. После ударов «плетьюми» на коже – большие водянистые пузыри. Обугленная на животе рубашка прилепилась к ране.

Схватившись за мокрый от пота эфес, Ренай поднялся. Сейчас войдем в зал и... Взгляд приковало тело в центре гигантского помещения. Сначала увиденное показалось игрой воображения. Ведь это невозможно. Нереально. Но подленький внутренний голосок настоял – всё по-настоящему, взаправду. Распластавшись, архимаг лежит на полу. Стеклянные глаза устали в одну точку. Щеки ввалились, а морщины стали глубже. Рот открыт в безмолвном крике, костлявые пальцы сжаты в кулаках, кожа пугает неестественной белизной.

Хмурясь, Камень склонился над телом. Меч выпал из рук и со звоном ударился о мраморные плиты.

– Настоятель... – Голос дрогнул.

Пальцы Ренай заскользили сначала по страшной обуглившейся ране на горле старика, затем – по багровым разводам на сером холщовом балахоне. Видимо, архимаг наткнулся на сумасшедшего мага. И тот убил его сияющей лентой. Смерть не была быстрой, судя по вытекшей крови. Настоятель царапал ногтями камень под собой, пытался позвать на помощь... Никто не пришел.

Камень склонил голову, заиграли рифленые желваки. Надо было не убивать так быстро худого. Отрубить сначала кисти, дабы не смог ранить. А потом... Потом хорошенько врезать кулаком в нижнюю челюсть, повалить на пол. Выдавить глаза большими пальцами. Вскрыть тупым лезвием живот и вытащить бьющееся сердце. Такой конец заслужил Шепчущий. А он, Камень, ненароком подарил ему легкую смерть.

Опустошенный и подавленный, словно из него вытащили что-то важное, светлое, Ренай осмотрелся. Стены зала покрывают присыпанные пылью барельефы давно минувших событий. Вот изображения того, как Великий Бог Баамон раскрыл циклопическую пасть, дабы пожрать мир. Звезды – блеск его зубов. Солнце – небесный глаз. Вот древние люди сражаются на стене самого первого города против чудовищ. Вот Сипуун, бог-торнадо, сметает орды нежити...

Помимо барельефов взор цепляется за гранитные колонны, за огромные металлические диски, украшающие центр зала. Витиеватая золотая резьба змеится на треножниках, в которых ярко пляшет пламя. В просторном помещении нет места теням. Даже далекий купол можно рассмотреть в деталях.

Камень покачал головой. Он до сих пор не понял, где находится. В храме нет такого зала – и не может быть.

Пол под ногами ощутимо дрогнул, до ушей донеслись приглушенные крики. Ренай тут же схватил клинок и поднялся, не собираясь так легко сдаваться. Тяжелые двустворчатые ворота на другой стороне помещения со скрипом отворились, из тьмы прохода показались первые угловатые фигуры – толпа синхронно марширующих татуированных храмовников. Ничего не выражающие лица, вместо глаз – чернильные провалы; синие, как у мертвецов, рты выплевывают слова мантр.

Чудовищная какофония звуков оглушила Камня, заставила сердце биться чаще. Холодный липкий ужас проник в сознание. Привычный, выстроенный за долгие годы железной логикой мир рухнул. Каждый шаг Поющих, каждое движение, каждый звук разрывают душу. И оставляют после себя боль и нечеловеческую тоску.

Чудовищная река тел двинулась на него...

И вдруг – яркий свет. Два ряда татуированных отступили друг от друга, давая кому-то пройти. Испуская мощное белое сияние, Вор спокойно подошел к Ренаю. Он будто соткан из другой реальности – той, где нет смерти, нет болезней и разрушительных разочарований.

Соткан из света, только приглядишься – и сможешь восстановить истерзанную душу. Соткан из овеществленного милосердия. Его лица с печатью тяжелой грусти хочется коснуться.

– Хватит на сегодня сражений, – сказал Вор. Его бархатистый голос приятно убаюкивает, обещает скорый покой.

НЕТ!

Усилием воли Ренай подавил все чувства и бросился с мечом на бывшего узника.

Часть первая. Души из пепла

Глава первая. Хен

Геткормея, Мореш

– Мы, значит, уединились в комнате, – сказал Хен, оглядев слушающих. – Я весь такой нетерпеливый – аж вспотел. Ну, и готовый на всё. Она целует меня, а иногда даже покусывает так приятно за нижнюю губу. Член из штанов сам выпрыгивает. Она от страсти сбросила с меня медный обруч, рубаху и принялась за штаны...

Он выжидающе замолк. Парни, лежа на деревянных койках, таращат глаза на него. Всем интересно, кроме Лысого – тот сидит возле двери и лезвие ножа точит. Ну, на то он и Лысый! Нелюдь. С нормальными дружбу не водит.

Растягивая губы в самодовольной улыбке, Хен продолжил:

– В нетерпении я как схватился за её рубашонку да как дернул – аж пуговицы посыпались. А там – богами клянусь! – картина, от которой в глазах помутилось.

– Не томи уже! – воскликнул Рыжий, нервно теребя ус. От волнения он сел на койку.

– Братцы, там ужас! У обычной девицы что? Обычная грудь! Сочная или не очень, обвисшая или упругая... А тут – три сиськи!

По казарме прокатилась волна смеха. Трое из ребят даже в карты перестали играть, весело уставились на него.

– Врешь ведь, – не поверил Рыжий.

– Да как можно? У нас в деревеньке и не такие бабы водились – и всё из-за магов! Эти Золотые Посохи чего только не вытворяли в своих опытах.

Его всегда слушают до определенного момента. Захватить их внимание он может без труда, но после кульминации многие теряют интерес. Еще бы: его истории всегда отличаются... самобытностью, как говаривала маман. Поначалу врет складно, а потом как понесет – такая чушь выходит. Отсюда и прозвище – Болтун.

– И чего дальше-то было? – спросил Рыжий.

Их кровати стоят рядом – до ноздрей долетают запахи потного, давно немытого тела и ядреного перегара, от которого слезятся глаза. Вчера отряду выдали жалованье. Многие потратили его на пиво и распутных дев. А почему бы и нет? Армия в Мореше томится больше шести месяцев – тут со скуки скоро и блох в волосах начнешь считать.

– Дальше я не растерялся! Руками обхватил груди девицы, а третью сиську принялся ртом облизывать. Настродалась, бедняжка, намучилась! Но я-то не промах – всю ночь мы, значит, кувыркались. А на утро деваха едва-едва от меня ушла – ноги не сгибались! И подружкам своим магичкам потом рассказывала, какой я... хм, молодец.

Парни занялись своими делами. Кто в карты уткнулся, кто, жуя кровяную колбасу, продолжил хлебать из бутылки дешевое вино, кто спать лег. Лишь Рыжий внимательно слушает. Дурак!

– Здорово, когда в твоей деревне маги обитают, – пробормотал он.

– Ну... неплохо, – уклончиво ответил Хен.

– А что сам-то магом не стал?

– Из-за чрезмерно длинного члена!

Понимая, что его больше никто не слушает, Болтун встал с койки и направился к скобоченной двери казармы. Духота страшная, пот ручьем льет, да и вонища от трех десятков мужиков никуда не выветривается. Большое помещение заставлено кроватями и маленькими

наспех сколоченными тумбами, постоянно приходится пробиваться через группки людей. В первые недели было совсем тяжело: не сразу и вспомнишь, где спал вчера.

Рука легла на поясной мешочек. Всё добро – звенящие монетки – с собой. Даже когда по нужде ходишь, не расстаешься с ним – иначе никак. Охочих до чужих денег полно, тем более легче легкого что-нибудь свистнуть в казарме.

Хен остановился возле выхода, разглядывая Лысого. Тот, сидя на чурбане, бойко точит чуть кривое лезвие ножа о камень, на лбу выступили большие капли пота, кончик языка ходит из одного уголка губ в другой. Помыться бы ему, а то несет как от немытой жопы. Впрочем, и одежду бы не помешало постирать: на рубахе чернеют жирные пятна грязи и обеденной похлебки.

– Наверное, твой нож уже и сталь перерубит, – заметил Хен, улыбаясь.

Лысый хмыкнул, продолжая точить нож.

– Ты вообще в свободное время чем-нибудь занимаешься?

Молчание.

Скривив губы и удивляясь собственной настырности, Хен помахал пальцами у лица мужика. Тот вскинул голову, зло бросил:

– Что тебе надо?

– Да ничего такого...

– Так иди себе дальше – не мешай.

И снова – вжик, вжик, вжик лезвием по точильному камню.

Хен толкнул дверь и вышел. Разгоряченную кожу остудил приятный теплый ветерок, ноздри обволокли запахи полевых трав и легкой вони города – странное и жгучее сочетание. Казармы прижимаются к разваливающимся стенам города. Только здесь ощущается смрад отхожих мест и одновременно ароматы розмарина, можжевельника и пионов.

Вздыхнув полной грудью, Хен побрел вдоль стены казармы. Солнце скрылось за крышами домов, вечернее небо окрасилось в алые и фиолетовые оттенки, тяжелые косматые тучи движутся в сторону далекого Изумрудного моря. Город, это ненасытное и беспокойное существо, погружается в спокойный сон. Закрываются последние ларечники, загораются свечи в окнах домов.

У стены одной из казарм, держась за руку пьяного товарища, сблевал новобранец.

– Распустил я вас, – раздался голос за спиной.

Вздрогнув, Хен обернулся. Привалившись спиной к деревянному столбу, стоит шогрый-капитан. Кожаные сапоги до колен, парусиновые черные штаны, необъятных размеров белая рубаха – за всё время обучения никто так и не видел его в доспехе. Длинные кучерявые волосы спутаны, отчего командир кажется безумным; длинные пальцы поглаживают густую бороду с редкими седыми нитями.

Хен отдал честь.

– Вольно, солдат, – сказал он. – Вольно. За вином, небось, пошел?

– Я просто гуляю.

– Охотно верю, – ехидно заметил капитан. Его глаза неестественно ярко блеснули.

Да он же пьяный!

– Ну я... – попытался было отвязаться от главного Хен.

– Постой со мной, солдат. Хочу вот поговорить. Как тебя зовут?

– Хен... то есть Хенас, господин.

– Откуда ты?

– Да я практически местный. Из одной ближайшей деревушки. Вы, наверное, даже и не слышали.

– Ага, можешь не продолжать, – сказал капитан и отхлебнул из костяной фляги. – Ненавижу Мореш – глухомань проклятая. Сам-то я из столицы, но, похоже, не любят меня боги.

Хен смущенно пожал плечами.

– Для тебя, наверное, Мореш кажется крупнейшим городом. Центром мира, хе-хе! Вот только это не так. Торчу тут вместо того, чтобы маршировать с основной армией из Кипневмеи – видите ли, надо собрать и подготовить новобранцев из мелких городов к великой войне! – Капитан зло сплюнул. – Идиотизм. Ты, парень, мне веришь: я доспех с самого прибытия в этом захоластье не надевал! Зачем? Чтобы вас, остолопов, впечатлить?

Хен ощутил, как тысячи невидимых игл стали колоть тело.

– Пусть идет всё в пекло! – воскликнул капитан. Его лицо побагровело. – Сколько тебе лет?

– Девятнадцать...

– Когда-нибудь меч в руках держал? Ну, до того, как оказался в военном лагере?

– Нет, уважаемый.

Злой смех эхом прокатился по казармам.

– Про что я и говорю, парень! Вас, увальней, ничему не научить за шесть месяцев. А великому царю подавай шогрий-пехотинцев! Фланги защищать! Боги, даруйте разум нашему правителю!

– Господин, я бы хотел пойти...

– Ты, парень, – не унимаясь, продолжает капитан, – такой думаешь: через месяц-другой в Мореш явится многотысячная армия во главе с нашим владыкой! Новобранцы вольются свежей кровью... Затем, обойдя, конечно, и другие крупные города по пути, переход через Костяную степь и пустыню... А там и Немат уже. Быстрая победоносная война – и всё, ты, парень, богатый и в сиянии славы, возвращаешься в свою деревню. Но этого не будет.

Хен поежился. Хорошее настроение как ветром сдуло. И чего ему не сиделось в казарме?

– Ладно, ты, видимо, слишком глуповат, чтобы понять, о чём я толкую, – заявил господин и махнул рукой с флягой. Красные, точно кровь, капли вина упали на песок. – Завтра днём ваша беспечная жизнь закончится, парень. Приезжает сам гушарх-капитан! Герой войны, увенчанный славой! И всё такое прочее, хе-хе... Будет смотреть, чему вы научились, бестолочи...

Капитан умолк, скептически оглядел парня, точно увидел огромную кучу дерьма, и взмахнул рукой.

Радуюсь свободе, Хен быстро направился к казарме.

Чуть не вляпался!

От удушающего дневного зноя, кажется, камни на мостовой вот-вот жалобно треснут. Солнце-око жарит спины. Солдаты обливаются потом, то и дело злобно поглядывают на тех счастливых, что стоят в тени стены и массивных городских ворот. Доспехи скрипят, каждое движение вызывает боль в тех местах, где ремни крепятся к бронзовым пластинам. Сегодня утром новобранцам впервые за шесть месяцев выдали снаряжение, не потрудившись уточнить размер и комплектацию парней. Поэтому строй солдат представляет жалкое зрелище: у некоторых толстяков выпирают необъятные, поблескивающие от пота животы, худые вынуждены сгибаться под массивными доспехами.

Хен облегченно вздохнул. В отличие от многих ему повезло и со снаряжением, и с местом. Тень, падающая от ворот, хорошо защищает от палящего солнца – стой себе с серьезным видом, прижимай к левой руке круглый щит и наблюдай. Единственное, что омрачает его настроение – лысый, стоящий рядом с ним в строю. Несмотря на поблескивающий бронзовый доспех, несет от того по-прежнему, как от стада диких козлов. На шее причудливыми узорами чернеют разводы грязи.

Шеренги солдат в три ряда выстроились до рынка. С того места, где стоит Хен, они пропадают из вида уже на улице ремесленников – у выстроенных трехэтажных домов с прямыми

квадратными крышами. Впечатляюще. Парень никогда не видел столько солдат в одном месте. Гушарх будет доволен. Возможно, даже повысит жалование новобранцам.

Пальцы Хена легли на мешочек с деньгами на поясе.

– Хорошее мое представление устроили, да? – спросил он у Лысого.

Тот, как всегда, даже не посмотрел в его сторону.

– Представляю лицо этой высокопоставленной шишки. Как увидит эту толпёнь, так обосрется от радости!

– Заткнись, парень, – процедил сквозь зубы Лысый.

Поправив постоянно скатывающийся шлем, Хен сказал:

– Знал я одного такого же засранца как ты. У него потом отвалился член, жопа обросла мехом, а на лбу появился рог.

Глаза Лысого полыхнули огнем злости, а потому Хен решил помолчать – на некоторое время.

Тунолар-капитан, одетый в черный мундир, украшенный красными нитями, возвышается напротив ворот, держа в обеих руках полторный меч, и ждет прибытие гушарха. Когда герой войны въедет в город, капитан согласно церемонии вручит клинок и покажет подготовленную армию новобранцев.

Лицо тунолара после вчерашнего выпитого вина опухло и покраснелось. Руки заметно дрожат.

Наконец, на стене низко и протяжно протрубили рога. По рядам солдат прокатились взволнованные шепотки. Помощники капитана, прибывшие вместе с ним из столицы, выпрямились, окинули сердитыми взглядами стоящих за ними солдат. Им предстоит встретить у дороги начальство с развевающимися на шестах царскими штандартами. Хен всмотрелся в один из них. На черном шелке, развеваемомся на знойном ветру, красуется золотое око – символ самого Великого Баамона.

Гушарх-капитан въехал на грозном черном коне вместе с пятью царскими эвпатридами, чьи лица скрывают вычурные золотые маски. Его красный плащ величественно ниспадает на круп лошади, из-за левого плеча торчит длинная рукоять меча, вложенного в простые кожаные ножны, тяжелый черный доспех маслянисто поблескивает, тут и там на плечевых и грудных пластинах видны вмятины, забрало в виде искаженного болью лица приподнято. *Ну и рыло.* Чуть скошенный влево нос – видимо, был когда-то сломан. Щеки изуродованы шрамами, тонкие губы, пустой, как у мертвеца, взгляд – не таким себе представлял героя войны Хен.

Знатные эвпатриды, едущие чуть позади гушарх-капитана, облачены в серебряные доспехи, украшенные таким количеством драгоценных камней, что рябит в глазах. Синие плащи едва касаются седел, низко накинутые капюшоны придают угрожающий вид, короткие мечи-гладиусы – ритуальное и бесполезное оружие – бьются о бедра.

Лошади остановились в двух шагах от капитана, протягивающего полторный меч. Гушарх, улыбнувшись кончиками губ, вперил тяжелый взгляд в него, брать клинок он не спешит. Почему? *Что-то идет не так.* Словно в подтверждение мыслей тунолар нервно дернул плечами, обернулся в сторону помощников, словно ища поддержки.

Затем всё произошло очень быстро: герой войны схватился за рукоять своего меча, клинок со звоном высвободился из ножен, остро блеснул. Взмах – и лезвие снесло голову капитану.

Сердце Хена замерло.

Тело тунолара сделало шаг назад и, выронив из рук ритуальное оружие, повалилось на камни, кровь огромной густой лужей растеклась под ним. Отрубленная голова покатила по мостовой и ударила о стену казармы.

«Я... Что?.. Почему?..» – мысли заметались во вдруг ставшем тесном черепе.

Также молча гушарх оглядел ряды новобранцев, лицо исказила презрительная гримаса.

– Отдых для вас закончился, – хрипло сказал он.

Когда взгляд его голубых глаз остановился на Хене, ноги того чуть не подогнулись.

Его так и подмывает побежать в сторону леса. Дубы покачиваются в каких-то двух тысячах шагах от стены – всего ничего. Если разбежаться и, виляя, по вычищенной равнине рвануть под спасительные кроны деревьев, то шанс спастись есть. Пока лучники и приехавший из самой бездны гушарх-капитан опомнятся, его и след простынет, а там и до родной деревеньки недалеко.

Дрожа, Хен обернулся. Новобранцы в несколько рядов торчат у самой стены. Вид у них как у побитых собак: лица в грязи, черные синяки с кровоподтеками уродуют подбородки – следы от ударов латных перчаток эвпатридов, – плечевые пластины жалобно висят на кожаных ремнях. Однако же глаза у всех горят радостью. Еще бы! Ведь это не они дрожат в меченой сотне!

Раздался тяжелый удар, Хен бросил взгляд на очерченный круг. Герой войны без труда увернулся от неумелого выпада новобранца, врезал кулаком бедняге в нижнюю челюсть и припечатал тяжелым щитом тому грудь – смачно хрустнули ребра. Еще один показательный бой. Белобрысый паренек корчится в грязи и надрывает горло от боли. К нему подскочили двое помощников эвпатридов, схватили за локти и оттащили подальше от круга.

Хен скривился, представив, что он скоро вот так же будет страдать. Уже прошло десять показательных сражений, и ни один не закончился без переломов. Как тут устоишь против ветерана нескольких войн? Тот ловко уходит от ударов и делает немыслимые выпады мечом – бывшие крестьяне и городские голодранцы не чета ему.

Хен поежился. Погода испортилась: тяжелые свинцовые тучи нависают над равниной, резкие порывы ветра бросают в лицо песок, от которого противно скрипят зубы. Очередь сокращается – скоро и он войдет в круг. Почему эвпатриды из всего пятитысячного войска выбрали именно его? Зачем на глазах всей армии устраивать этот балаган? Зачем согнали за городские ворота? И ведь не убежишь: оказалось, вместе со знатью явилась личная гвардия лучников, пехотинцев и экзекуторов героя войны.

Может, мне повезет – и обойдусь переломом руки. Ну, или ребра покрошат. Зато у лекарей отлежусь. Наверняка, как только основная армия царя явится в город, знать поставят на место. И накажут за смерть тунолара.

Легче не стало. К тому же злит мысль, что вот Лысый и Рыжий не попали в злополучную сотню. Сейчас, наверное, радуются, как он тут страдает, да еще и на глазах всей армии новобранцев. Ему здесь не место! Произошла ошибка!

Гушарх-капитан, ослабившись, тыкнул в очередного несчастного из меченой сотни. Качая головой, толстяк попытался было вжаться в толпу, но остальные вытолкнули его в круг. Один из гвардейских лучников натянул лук, тяжелый бронзовый наконечник стрелы уставился в хмурое небо. Если жирдяй только рыпнется, попытается выбежать из круга... Но тот, чуть ли не плача, стоит в двух шагах от гушарх-капитана; второй и третий подбородки дрожат от рыданий, лицо покраснелось, островерхий шлем скатился на ухо. Пластины доспеха плохо закреплены и свободно болтаются от любого движения, прямоугольный щит опущен, клинок касается земли.

Герой войны встал в боевую стойку, толстяк в испуге зашагал назад. Словно загнанный зверь, он бросает испуганные взгляды на товарищей, глупо ожидая поддержки. Но остальные молчат, понурив головы. Наконец, гушарх сделал выпад, острие клинка едва задело живот и оставило после себя длинную царапину. В следующее мгновение жирдяй сделал то, что никто от него не ожидал, – ударил щитом в лицо ублюдка.

Чавкнуло, закованное в тяжелый черный доспех тело повело в сторону. Еще чуть-чуть – и герой войны бы распластался в грязи. Лишь чудом ему удалось устоять на ногах. На его

лице вдруг отразилось безмерное удивление, быстро сменившееся яростью. Последовал шквал ударов.

Стук сердца.

Щит новобранца распался на две части.

Еще стук.

Толстяк закричал, понимая всю безвыходность положения.

Стук...

Лезвие по рукоять вошло ему в живот.

Он так и застыл – ошарашенный, бледный и дрожащий. Серая грязная рубашка окрасилась алым, кровь ручейками полилась по бедру, по ноге и ботинкам, растеклась лужей в вязкой грязи. Колени дрогнули. Плача, жирдяй распластался, рука потянулась к командиру.

– П-п-прошу... х-х-хватит...

По-волчьи скалясь, гушарх проткнул мечом грудь несчастного, с силой провернул клинок – до тех пор, пока надсадный тяжелый хрип не затих.

Кишки Хена точно обхватили ледяной рукой, стало трудно дышать. И без того бешено стучащее сердце ускорило, перед глазами заплясали кровавые мухи. Он мысленно заставил себя не смотреть на труп, но всё равно не смог отвести взор. Глаза мертвеца остекленели, а губы приобрели синий оттенок. Кровь продолжает хлестать из ран, алая лужа подползла к ближайшему новобранцу, и тот неловко сделал шаг назад.

Имя... Какое у него было имя, великие боги?! Я же его знаю. Да, знаю. Вчера он слушал, как я рассказывал байку. Его кровать находится у самого окна...

Как звали новобранца, Хен так и не вспомнил. Между тем, он почувствовал на себе чей-то взгляд. Гушарх-капитан. Таращится на него. Губы растянуты в широкой улыбке, перепачканный клинок направлен в его сторону.

– Ты. – Хриплый низкий голос прозвучал как приговор. – Иди сюда.

Гвардейцы убрали тело из круга.

– Я... я не могу, – начал Хен. – Я...

– Живо! – заорал гушарх.

Одеревеневшей рукой Хен вытащил из ножен меч, крепче ухватился за щит и направился вперед. От тяжелого медного запаха крови живот протестующе заурчал, к горлу подкатил тяжелый ком. Обед едва не вылез наружу, в лицо ударил порыв ветра, на коже выступили мурашки.

Хен не успел понять, когда гушарх вдруг оказался перед ним. Небо и земля поменялись местами. Затем он впечатался во что-то твердое. Голова словно треснула, из глаз брызнули звезды, а затылок обожгло. Боль, расплываясь, перетекла к вискам. Ожидая смерти, Хен застонал. Треклятый меч выпал из рук.

– Унесите это отребье, – приказал гушарх своим людям. Голос донесся словно сквозь толщу воды. – Следующий!

Утром Болтун едва дотащился до кровати. Руки и ноги нестерпимо горели от бесконечных тренировок. В голове крутилась лишь одна мысль: «если так будет продолжаться дальше, то я сдохну». Спасительный сон сомкнулся, как черная вода...

Через пятнадцать дней гушарх заставил новобранцев карабкаться по старой полуразрушенной стене. Камни сыпались под пальцами, обдавая лицо серой пылью, ноги так и норовили соскользнуть с выемок. Никаких канатов, которые бы спасли от падений, не было. Тут и там постоянно раздавались крики тех, кто срывался и ломал кости. Лекари не поспевали уносить раненых. Вдобавок ко всему гушарх приказал своим людям кидать на осаждающих тяжелые валуны и лить горячее масло.

В тот злополучный день по прикидкам Болтуна две сотни новобранцев навсегда остались калеками.

Горизонт на равнине окрасился румянцем чахоточного. Тяжелое раскаленное солнце медленно опускается по небосводу, прогоняя редкие черные облака. Стая большекрылых птиц, разрывая тишину пронзительными криками, улетает как можно подальше от ока Великого Баамона, ведь скоро на землю опустятся сумерки и ночные демоны выползут из нор в надежде полакомиться свежей плотью.

Лезут мысли, точно крови сгустки, – больные и запекшиеся. Отчаянный крик так и норовит вырваться из глотки, дабы достучаться до сердец богов. Приходится сжать губы и терпеть. Новобранцы рядом с ним нервничают не меньше, несмотря на последние тяжелые дни бесконечных тренировок. Хлюпают носами, хмурятся... Кто-то нервно касается окованного бронзой деревянного щита за спиной, кто-то проверяет застежки шлема, кто-то стучит пальцами по эфесу меча. Взволнованные и настороженные, точно дикие звери.

Лучники выстроились в линию в двух сотнях шагов от плотного строя новобранцев. Ждут приказа. Гушарх-капитан, сидя на грозном черном, как смоль, коне, весело наблюдает возле своих людей. Его доспех с такого расстояния отбрасывает зловещие блики.

– Чтоб ты обосрался, выпердыш ведьмы, – прошептал Хен.

Сзади хихикнуло.

– Не разевал бы ты лучше рот, парень, – спокойно сказал Лысый, по иронии стоящий рядом с ним.

– А то что? Ты мне ночью горло перережешь? Уже пустил струю в штаны.

– Дело не во мне, – отмахнулся тот. – Кто-нибудь из наших в надежде спасти свою шкуру разболтает капитану – и висеть тебе на стене.

Перед мысленным взором тут же встала картина: десятки мертвецов болтаются в петлях на воротах. Тела вздулись, разнося по казармам и городу отвратительные миазмы, глаза выклевали вороны. Ни одному из дезертиров не удалось сбежать. Каким-то образом следопыты гушарха находят всех. И кара для них ужасна: прежде, чем накинуть веревку на шею, экзекуторы долго и с упоением издеваются над несчастными. Крики разносятся по всей округе. Горожане даже жаловались местному управляющему, но тот ничего не смог решить. Оно и понятно: чуть что – и не сносить головы. Эвпатридам лучше не перечить.

– Да всё равно сдохнем, – бросил Хен.

Лысый ухмыльнулся, повернулся в его сторону:

– Возможно, ты и прав.

Болтун покачал головой. Все пятьсот новобранцев наверняка догадались, зачем новый капитан согнал их на расчищенное поле за городом.

– Не против, если я заберу твои сапоги? – как ни в чем не бывало спросил Лысый.

– Ты о чем? – не понял Хен.

– Ну, если умрешь.

– А зачем они тебе?

– На вид сапоги кажутся крепкими. Да и размер подходящий. Мои-то разносились.

Губы Болтуна растянулись в широкой улыбке. Он с удивлением понял: ему стало легче и страх угас.

– Хорошо, забирай, – сказал он. – Но если помрешь ты, то твой нож, получается, – мой?

– По рукам, – ответил Лысый.

Гушарх выдвинулся на коне из ряда лучников, вытащил меч из-за спины, клинок зловеще блеснул в свете угасающего заката. Заметив условный знак, новобранцы, которых поставили руководить остальными, принялись отдавать приказы:

– Построиться! Живо-живо-живо!

Толпа забурлила. Многие выхватили полторные мечи и щиты. Хена сплющили с обеих сторон, плечи сдавили доспехи других солдат – да так, что перехватило дыхание. Он едва не выронил оружие. Шлем сполз на правый глаз, мешая разглядеть происходящее. Приказы старших повторились. А затем сменились новыми:

– Закрыться щитами!

Превозмогая страх, Болтун вскинул над собой окованный бронзой кусок дерева, пальцы впились в кожаный ремешок. Остальные проделали то же самое. Повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием солдат. Хен сплюнул. Он может лишь смотреть себе под ноги и красоваться спинами впереди стоящих. Возможно, и к лучшему. От вида того, как гвардейцы натягивают луки, ему бы поплохело.

Ожидание затянулось. Одни бесконечные мгновения сменяются другими бесконечными мгновениями. Взор выхватил жучка, каким-то чудом выжившего от сотен сапог. Ползет себе по своим делам и даже не знает, что ему грозит.

– Когда уже все закончится? – взмолился Хен, поправляя свободной рукой шлем.

Именно в этот миг послышался свист стрел. Несколько тут же угодили в щит, острые наконечники пробили дерево и застыли в нескольких пальцах от лица. От удара кисть онемела.

– Держать строй! – закричали старшие.

Новобранцы, точно подкошенные, принялись падать, до ушей донеслись крики.

Успокойся! Не думай ни о чем. Ты жив. И с тобой ничего не случится. Боги не дадут умереть. Главное, не паниковать. Вспомни штурм стены. Надо просто взбираться вверх. Хвататься за выемки и подтягиваться. Нет ничего проще. Только не подпускать страх. Крики ничего не значат. Ты не сдохнешь...

Убеждения помогли. Вернулось самообладание. Обливаясь холодным потом, он насколько смог осмотрел щит. По всей поверхности угрожающе змеятся трещины. Плохо дело. При очередной атаке есть шанс остаться без защиты. Демоны бы побрали оружейников! Цена их ошибки – жизни. Никчемные жизни тех, кто по своей дурачности записался в армию ради, как им казалось, легких денег.

До ушей донесся легкий свист... Вторая волна стрел собрала куда большую жатву. Солдат, стоящий перед Болтуном, дернулся, щит на глазах развалился – и его шея и грудь сразу же оцетинились перьями. Раскрывая и закрывая рот, точно рыба, выброшенная на берег, новобранец опустился на колени.

Мужчины вскрикивают, замертво падают в утопанную от сотен ног грязь. Земля надрывается в предсмертном вопле, нехотя принимая страшный дар – горячую кровь.

Болтун бросил ненужный меч под ноги, вцепился обеими руками в щит. Последовало несколько тяжелых ударов, которые расползлись онемением от кистей до локтей. В этот раз стрелы не пробili дерево и бронзу.

Строй сомкнулся: новобранцы, ступая по мертвецам, закрыли стоящих за спинами. Горячая волна благодарности растеклась в груди Хена. Он, наверное, впервые почувствовал чью-то поддержку. На миг все солдаты стали единым, закованным в прочную броню, существом. Сердца забились в едином ритме, исчезли желания и обиды.

Стрелы свистят, отскакивают от бронзовых поверхностей. Град, приносящий смерть...

Наконец, всё стихло. Ожидая подвоха, новобранцы продолжают закрываться щитами, непонимающе смотрят друг на друга. Под их ногами корчатся раненные. Хен нервно засмеялся, заставил себя успокоиться, прекратить, но не смог. К его удивлению стоящие рядом с ним широко заулыбались. Даже Лысый оскалится, хотя одна из стрел угодила ему в плечо. Усиливающийся смех прокатился по строю.

Рожки затрубили отбой.

Сняв с руки ремешки и отбросив подальше щит, Болтун сел на землю. Из него словно высосали все силы, только сейчас пришло осознание, насколько же он устал. Каждая часть тела

отдается глухой болью, трясет так, что зубы стучат, судороги сводят икры. Старшие бегают по рядам, находят раненых и подзывают лекарей – уйти с поля нужно как можно быстрее: следующие пятьсот неудачников должны получить свою порцию унижений. Им придется сражаться под покровом ночи, а это еще страшнее.

На всё наплевать. Сейчас бы только добраться до кровати...

Толпа переполошилась. Многие принялись показывать пальцами на ворота. Хен сосредоточился. Сердце замерло. Черные жирные клубы дыма клубятся над стенами – там, где выстроены казармы. Танцуют гигантские языки пламени, точно разверзлись врата Сеетры. Болтун вскочил и рванул к городу, наплевав на приказы старших. Ветер засвистел в ушах.

Нет-нет-нет-нет!

Последние пять дней гушарх-капитан запрещал брать на тренировки свое жалованье. И с привычкой новобранцев таскать с собой монеты боролся жестко – отнимал заработанное и избивал до полусмерти. Приходилось прилагать невероятные ухищрения: кто-то пришивал внутренний карманы на рубахах (всегда заканчивалось плохо), кто-то закапывал добро, кто-то отдавал местным городским банкирам под грабительские проценты, а кто-то даже прятал кошельки в нужниках. Болтун же придумал, как ему показалось, самый простой, но гениальный способ сохранить деньги: в оружейной нашел на полу плохо подогнанную деревяшку, под которую ночью, пока никто не видит, то и дело прятал монеты.

Но теперь казармы горят.

Хен проскочил ворота. Лицо обдало волной жара – пришлось даже зажмуриться. Пламя полыхает так высоко, что кажется облизывает вечеряющее небо, воздух рябит мерцающими струйками, деревянные стены и крыши, объятые огнем, трещат и плюются оранжевыми светляками. В ноздри ударил запах гари. Вокруг пожарища толпятся горожане, гвардейцы и новобранцы – никто не бежит с ведрами воды.

Гушарх, держа в руке горящее бревно, возвышается над людьми, наблюдает.

Хен понял всё сразу: пока он с остальными корчился под градом стрел, капитан явился в город и поджег казармы. Зачем? Почему? В этом нет смысла.

К горлу подкатил предательский комок. От слез мир расплылся яркими кляксами. *Всё напрасно. Деньги за шесть месяцев пропали. Я не смог... Прости, сестренка.*

Глава вторая. Хара

Миокмея, Великий Карлаг

– Еще не надоело у нас? – спросил Метин, отпив из бокала с вином. – Слышал, в Геткормее бывают месяцы, когда становится невероятно холодно. И выпадает... как его...

– Снег, – подсказала Хара, шагая чуть позади него. – Он встречается лишь в Яграте – и то не всегда. В остальном же у нас во многом похожий климат, тгон.

Торговец воскликнул:

– Вы мне льстите! – Голос его, теплый и бархатистый, обволакивал, как шерстяная накидка. – Я совсем не похож на тгона. У меня нет ни хорошей родословной, ни огромных богатств. Мои возможности, к сожалению, очень скромны, Арах!

Он назвал её имя наоборот, пытаясь тем самым запутать злых духов, как принято в Великом Карлаге. Лесть на лесть, всё как всегда.

Пригубив из костяного бокала сладкое вино, Хара сказала:

– Хочу признаться, мне нравится у вас в городе, Метин. В Миокмее нет этих бесконечных толп людей, нет умирающих нищих, нет мерзкого смрада, идущего из бедных кварталов – сказка, одним словом. Да и посмотреть у вас есть на что: вчера не смогла себе отказать в удовольствии посетить ваш зверинец. Чудесное место! Гориллы, леопарды, попугаи и... жирафы? Я верно назвала? Эти милые существа с длинными шеями?

Их шаги эхом разносятся в открытой галерее. Внимание привлекают вычурные балюстрады, увитые лианами с красными, желтыми и сиреневыми цветками; на серых мраморных плитах под ногами блестят узоры, сделанные из золота и серебра; изящные статуи героев древности провожают их высокомерными взглядами. Ноздри щекочут запахи меда и корицы, до ушей доносятся звуки накатывающих на берег волн – море всего в квартале от особняка.

– Всё верно, госпожа, – сказал Метин. – Люблю жирафов – водится за мной такая слабость.

Он, остановившись, едва склонил голову. Хара оглядела его в который раз, запоминая мельчайшие детали. Белая шелковая рубашка-юбка со сложно шнурованным воротником, черный жилет, расшитый золотыми нитями, и мешковатые серые шаровары, которые в Геткормее побрезговал бы надеть даже крестьянин; жилет расстегнут, полы болтаются; кожаные сандалии нарочито испачканы мраморной пылью – дань местной моде.

Метин в отличие от остальных торговцев неестественно худ. Спина прямая, как древко копья, пальцы длинные, тонкие, на них переливаются алмазные перстни, ладони мягкие, розоватые, никогда не державшие ничего тяжелее ручки или шелка, – и это всё выдавало в купце знатное происхождение, несмотря на его заверения... Хара мысленно хмыкнула. Перевела взор на лицо и...

Как всегда, не смогла ничего разглядеть, кроме размытого пятна.

– Чем вы так любуетесь, госпожа?

– Вами, Метин. Никогда не видела столь статного мужчину. Будь я чуть помоложе, наверняка бы потеряла сон от любви.

Торговец хохотнул, дернул головой. Черные вьющиеся волосы легли на плечи.

– А вино? – спросил он. – Вам оно тоже понравилось?

– Несомненно стоило проплыть пол мира, чтобы попробовать его! Надеюсь, расскажите о торговце, изготавлиющем столь чудесный напиток...

– Это из личных запасов, госпожа. После удачной покупки я, конечно же, прикажу своим людям, дабы вам передали несколько амфор. Я польщен вашей оценкой...

Харе уже порядком надоел бесконечный обмен любезностями, но торговля в Великом Кулгере начинается всегда одинаково – приходится улыбаться и изображать учтивость. Хвала

богам, что не надо торчать на солнце – в галерее прохладно и хорошо, а то с этих южан станется. Никаких манер: видите ли, обожают решать дела под палящими лучами!

Пожалуй, ты слишком вжилась в роль, милая.

– Приступим к делам? – спросила Хара.

– Конечно, госпожа! Пройдемте! Не буду томить вас.

Они вошли в просторный зал. Куполообразный потолок поражает воображение искусной мелкой росписью, от которой захватывает дух: причудливые красные птицы с длинными хвостами летают над миниатюрными человечками с копьями, гривастые львы охотятся на стада газелей, черные грифы гордо парят в лазуревых небесах. И эти чудеса освещают факелы, расставленные по всему внутреннему основанию купола, подпираемом черными гранитными колоннами и столбами. Здесь нет места тьме. На плитах под ногами змеится черная запутанная вязь, от которой, если долго всматриваться, начинает кружиться голова.

В лицо подул приятный холодный ветерок. Торговец бодро зашагал к своим слугам в белых хитонах. Те выстроили в длинную шеренгу детей-рабов и принялись ходить между ними.

– Вам удивительно повезло, госпожа! – принялся нахваливать товар Метин. – Самые сильные, самые проворные! И никем не испорченные, что очень важно в нашем деле! Сможете продать по самой большой цене. Все будут в восторге, я гарантирую!

Рассеянно кивнув, Хара остановилась в нескольких шагах от шеренги. Дети действительно выглядят ухоженными. Все коротко пострижены – и девочки, и мальчики. Умыты, на коже нет синяков или следов болезни. Штаны и простые жилетки, надетые на голые тела, выстираны – ни пятнышек крови, ни грязных разводов.

– Также хотел бы напомнить, госпожа, как в нашей стране относятся к рабству в последнее время. Цены, надо отметить, взлетели до небес. Боюсь, если я не предприиму решительных мер, то мои дела... хм, могут ухудшиться. Поэтому вынужден сообщить, госпожа, что я не смогу продать этих рабов по прежней цене.

Хара скривилась.

– И сколько же я должна заплатить?

– Четыре золотых таланта с каждого.

Брови удивленно поползли вверх.

– Но это же в два раза больше, чем обычно!

Метин пожал плечами.

– Такие нынче времена, госпожа. Простите меня. Не я диктую правила.

– Похоже на грабительство, мой старый друг.

Увидеть бы сейчас твои лживые глаза!

Она подошла к ближайшей девочке-рабыне, придирчиво рассмотрела маленькие ладошки, тонкие кисти, закованные в кандалы, узкие плечи... Затем её пальцы заскользили по миниатюрному личику. Хара попыталась мысленно представить, как выглядит нос малышки, рот, глаза. Но образ в голове не сложился.

– А можно ли снять с них цепи?

– Вынужден отказать, госпожа. Меры предосторожности никогда не бывают лишними. Эти рабы еще не обучены хорошим манерам.

– Метин, я не смогу купить всех. Кого мне выбрать?

Заметив её недовольное выражение, торговец ответил:

– Простите за словоохотливость, но я бы хотел рассказать одну нашу сказку. Думаю, после неё вы сможете определиться.

– Вы уверены, что сейчас подходящее время? – спросила Хара.

– Конечно! Для хороших историй всегда есть время.

Торговец передал кубок слуге, сложил руки на груди. Хара же перешла к мальчику-рабу, вместо лица увидела размытое серое пятно. Хотя отметила его характерную черту – на локте левой руки чернеет родимое пятно в форме подковы. Хороший знак.

– Тогда рассказывайте, – разрешила она.

– Один бедный юноша был влюблен в дочь царя, – начал торговец. – Днями и ночами он мечтал о ней. И вот он обратился к камню-богу: «как мне завоевать сердце красавицы?» Камень-бог ответил: «если ты добудешь мне шкуру горного козла, то я сделаю так, что принцесса влюбится в тебя!»

Слушая, Хара останавливается напротив рабов, проверяет волосы, изучает зубы и кожу.

– Юноша нашел козла, но тот взмолил о пощаде и пообещал показать труп убитого собрата – шкуру-то надо добыть! Дал наказ: парень должен сорвать гори-траву.

Мальчишки и девчонки покорно терпят унижительную проверку.

– Юноша нашел гори-траву, – сказал торговец. – Но растение взмолило о пощаде и попросило найти холодной воды... Так бедняк и выполнял поручения козла, растения, ручья и прочих, пока принцессе не выдали замуж за сына богатого купца...

Хара остановилась перед последним рабом. Тот оказался значительно выше и крепче остальных сверстников.

– И в чем мораль? – спросила она.

– Она проста, госпожа: нельзя позволять другим управлять твоей судьбой. Иначе твоя мечта никогда не осуществится.

– Вы бы, мой друг, могли бы сразу перейти к главному вместо того, чтобы рассказывать мне сказки.

Хара по голосу поняла: торговец улыбнулся.

– Любая идея лучше всего запоминается в виде интересной истории.

Проверив лицо последнего раба, она отшатнулась.

– Вы хотите расстроить меня, Метин?! Что с этим мальчиком?

– Поверьте, госпожа: он сам виноват в своих бедах. Например, вчера ранил одного из моих слуг глиняной тарелкой и попытался сбежать. А неделю назад поджег дом. Вы представляете? – Торговец покачал головой. – Совершенно бездарный экземпляр. К тому же с опасной меткой на лбу.

Хара нахмурилась.

– В чем мальчик провинился?

– Убил двоих прошлых хозяев. В первый раз его клеймили и отрезали мизинец на правой руке. Во второй – избивали до полусмерти и бросили в... хм, простите за подробности... в глубокую яму с помоями. К сожалению, у нас запрещено убивать рабов, хотя я бы давно уже лишил жизни... Хозяева дарили ему кров и еду. Он должен был благодарить их и богов за столь щедрую милость.

Повисла тяжелая тишина. Хара, обдумав услышанное, спросила:

– Зачем же вы тогда его купили? И как подобрали?

– Сегодня столько вопросов от вас, госпожа, – ответил он, смеясь. – Но будь по-вашему: мальчик держался без еды ровно четыре дня до того, как я не явился к его последнему рабовладельцу и не выкупил несчастного за половину медной монеты. Признаться, хочу совершить отличную сделку с купцами из Нокронга.

Брови Хары поползли вверх.

– Не думала, Метин, что вы готовы отдать раба этим потрошителям.

Купец пожал плечами.

– Торговля диктует свои правила. И, кстати, не рекомендовал бы вам стоять рядом с ним. Мало ли.

Она проигнорировала его совет, быстро провела пальцами по лицу илота. Успела ощутить чуть вздувшуюся кожу на лбу и длинные царапины на щеках прежде, чем мальчик отшатнулся. Остальное и так видно: на груди краснеют едва затянувшиеся шрамы от розг, на локтях – черные синяки.

– Право слово, госпожа! – воскликнул торговец. – Он не стоит вашего внимания. Ни один геткормейский господин, разбирающийся в любовных утехах, не пожелает себе столь непокорного и опасного зверька. Давайте уже выберем достойный товар, который в скорое время отплывет на роскошном корабле к могучей из могучих империй! Сегодня даже не буду торговаться – так я соскучился по вам.

Боги бы побрали твою идиотскую красноречивость, выкормыши иллюхи.

Сладким голосом она сказала:

– К сожалению, я смогу взять лишь восьмерых, Метин...

Над городом выплыл золотой рог луны. В черном небе глядят, как капли на озере, звезды. Редкие посеребренные тучи бегут к городскому порту. Нет ничего приятнее после тяжелого дня, чем ощущать легкие касания ветра на лице. Внутренний жар стихает, сменяется пустотой. Быстрые, мечущиеся мысли утихают, ум вновь становится ясным. С запахами меда и вина приходит хорошее, приподнятое настроение.

Хара позволила себе еще постоять у окна и полюбоваться ночным городом. Всё-таки Великий Карлаг – удивительная страна, несмотря на свою непроходимую дремучесть. Каждая улочка, каждый район освещены так, будто от этого зависит судьба самого мира: факелы в кольцах здесь везде. Стоит одному из них хотя бы начать чадить, как тут же появляется стражник и меняет его – закон царя исполняется неукоснительно.

Дома удивляют разнообразными пиками на куполообразных крышах. Если кто-то из богов решит спуститься с небес в Карлаг, ему предстоит нелегкая задача найти клочок земли, где бы не было шансов напороться на острую верхушку. Некоторые здания знати соединены канатными лестницами. Ходить по ним – сущий страх: деревяшки под ногами раскачиваются даже от легкого ветра, так и норовишь сорваться с высоты. Однако местным богачам нравятся канатные лестницы. *Лучше бы канализацию провели.* Простой народ в городах Карлага ютится в трехэтажных глиняных домиках, где в одной комнатушке порой живут по две семьи. Грязь, вонь, болезни – настоящая клоака для цивилизованного человека. И от того противнее, что у Метина пришлось врать и нахваливать эту проклятую страну.

– Слава богам, я сюда больше никогда не вернусь, – сказала Хара, поправив серебряный обруч на лбу. – Ты даже представить не можешь, как сильно я устала – будто всю душу высосали. Метин – мерзкий человечиска, способный пойти на чудовищные преступления ради выгоды.

– Настоятельница, не стоило брать этого мальчика, – не стал ходить вокруг да около Дживат. – Он опасен.

– Опять ты за свое...

Она развернулась.

Неброская одежда охранника ярко контрастирует с богатым местным убранством. От пушистых ковров, на которых искусно вытканы абстрактные геометрические фигуры, на стенах и на полу рябит в глазах, а от безвкусной мебели – столы с золотыми узорами, стулья с золотыми спинками, шкафы с золотой резьбой на дверях – к горлу подкатывает тошнота. Словно хозяин гостиницы еще в недавнем прошлом был нищим. Впрочем, что еще ожидать от карлагцев, кроме варварской тупости?

И как же приятно посмотреть на Дживата! Одет просто, но со вкусом: серая тканная рубаха-юбка, доходящая до колен, геткормейский широкий пояс, подчеркивающий тонкую

талию, да кожаные сандалии. Бронзовый обруч на лбу слабо поблескивает в свете десятков подоженных масляных чаш, расставленных в углублениях стен.

– Я думаю, сейчас не самое подходящее время, – сказала Хара, зевнув. – Скоро, пожалуй, лягу. Сегодня был тяжелый день.

– Настоятельница, вы знаете, как всецело я доверяю вашему чутью, но мы не можем так рисковать. – Голос у Дживата удивительно низкий, грудной. – Вы видели клеймо на лбу мальчика? Мне кажется, купец нас обманул! Такие знаки выжигают отнюдь не за убийства. Точнее – не только за них...

– Ты преувеличиваешь.

Она легла на большие подушки у окна. Спина оперлась о мягкую перину, руки опустились на шелковую ткань. Подушки тут же обволокли её, приняли форму тела.

– Я несколько не преувеличиваю угрозу, госпожа! Я просто боюсь за вашу жизнь. В любой момент мальчик может потерять контроль и...

– Прекрати, – перевела тему Хара. – Всё скоро закончится. Можешь поверить в подобное?

Охранник тяжело вздохнул, провел ладонью по размытому пятну лица.

– Считаю дни до нашего отплытия, – признался он. – В этот раз всё идет наперекосяк. Вы только вспомните, как мы едва не нарвались на триремы у берегов Зигира! Если бы не дул попутный ветер, то вряд ли бы нам удалось уйти... А этот дурацкий налог в порту Миокмеи? Видите ли, у них новые правила! – передразнил охранник. – Теперь еще и этот мальчишка... Боги испытывают нас.

– Возможно, пытаются показать, что мне не стоит больше этим заниматься, – заметила Хара. – Я сама устала, Дживат. Десять долгих лет плаваю туда-сюда к дикарям. И зачем? Ради чего? Намного было бы проще отправить сюда своих помощников и купить столько рабов, сколько позволяют средства нашего храма... Но нет! Вместо этого я сама каждый раз плыву на другой конец мира и неубедительно играю пресытившуюся купчиху! Смех – да и только!

– Детишки хорошие, здоровые, – похвалил Дживат, улыбаясь. – Из них получатся хорошие служители. Двоих можно будет отправить на учебу к Золотых Посохам!

– К сожалению, не всех удалось купить. Метин поднял цену, будто чувствуя, что я пришла к нему в последний раз. Хитрый лис!

Хара потянулась было к графину с вином на столике, когда в парадной раздался тяжелый грохот. Через несколько мгновений показался молоденький охранник Нияй, плюхнулся на колени.

– Беда, настоятельница!

По спине скользнуло холодом.

– Что такое?

– Мальчик с клеймом сбежал!

– Говори же яснее, Ифоотра тебя дери! – воскликнул Дживат.

Паренек затараторил:

– Я вместе с Зелом отвел детей в комнату возле конюшен, настоятельница. Там темно – хоть глаз выколи! Пришлось потратить время, пока не зажег тарелки с огненным маслом. Потом Зел по одиночке принялся снимать кандалы с рук и с шеи... Всё как всегда. Работа-то монотонная! От оков освобождаешь, на стопу крепишь гирьку с цепью, чтобы не убежали...

Дживат процедил:

– Или ты перейдешь к делу, или я сниму с тебя шкуру, ослиный ты дурак!

– Я же рассказываю, командир! Последним пацан с клеймом был. Я, значит, слежу, чтобы ничего такого не случилось, рука лежит на эфесе. А Зел только цепь снял, как этот мелкий ублюдок резко вывернул ему руку – да так, что хрустнуло! Зел, крича, скатился по стене... Когда я пришел в себя, пацан на улицу выбежал и скрылся в переулке.

Командир охранников грязно выругался и едва не сплюнул под ноги.

– Ничего вам, остолопам, доверить нельзя! Ведь чувствовал же: надо собственноручно говнюка заковать! А теперь его пойдешь разыщи! Ты хоть понимаешь, дурак, чем это грозит настоятельнице? Деньги ты ей вернешь? Хочешь, чтобы я разыскал с твоего жалования? Будешь до конца жизни у меня нищим ходить!

Хара хмыкнула. Будь на месте клейменного обычный раб, Дживат уже бы обежал вместе со своими людьми весь город, но вместо этого намеренно тратит драгоценное время на бесполезные препирательства. Пора взять ситуацию в свои руки.

– Хватит разговоров, – спокойно сказала она. – Нам нужно отыскать мальчика – и как можно быстрее. Вряд ли он далеко сбежал. К тому же улицы хорошо освещаются. Поэтому, Дживат, возьми всех охранников, кроме Зела, и прочеши местность. Говорю сразу: без мальчика мы в путь не отправимся. Приложи максимум сил.

Кивнув, командир направился к выходу. У порога Хара бросила:

– Я пойду с вами.

– Это может быть опасно, настоятельница, – обернувшись, сказал он.

– Как-нибудь переживу. И чтобы ни один волосок с головы мальчика не упал!

Дживат и его люди разбежались по переулкам. Она и не думала гоняться наравне с другими охранниками, поэтому, приказав Нияю идти вместе с ней, направилась по центральной дороге, не надеясь встретиться с рабом. Остается только ждать. Хара в который раз мысленно прокляла богов за то, что не может рассказать детям-невольникам об их истинной судьбе. Они-то считают её недалеким купчихой, которая собирается подороже продать живой товар богатым купцам, охочим до сладких утех.

Придется терпеть, дорогая. Обо всем расскажешь в Геткормее – сейчас же нельзя рисковать. Ну разболтаешь ты им всё – и станешь такой доброй мамочкой, но, во-первых, они все равно не поверят и будут обозлены – не в первый раз путешествуешь, а во-вторых, вдруг кто-то из местных узнает правду? Меня повесят на глазах у всего честного народа. Нет, я не могу, надо отыгрывать роль, а клейменный найдется.

Их шаги повторяло громкое эхо, дробило по узкой улице и возвращало странно искаженным. Дорога, вымощенная мрамором, пуста – несмотря на яркое освещение, все горожане попрятались в домах. Можно лишь заметить вдали стражника, поджигающего потухшие масляные светильники. Ни тебе ночных пьянок, ни сомнительных бродяг, проворачивающих свои темные делишки – скука! В Геткормее даже в самом захудалом городишке жизнь кипит в темное время суток.

Вдохнув влажный воздух, Хара расправила плечи. В проклятущих шароварах всё время кажется, будто ноги голые. Одежда дикарей, но иначе нельзя: в долгих путешествиях платья непрактичны и неудобны, к тому же местные женщины носят просторные штаны и длинные рубахи – пытаются походить на мужчин.

– Только не забывай про легенду, – напомнила она Нияю.

Тот лишь быстро кивнул. Храбрится, пытается выглядеть орлом – плечи расправлены, голова гордо вскинута, брови нахмурены. Однако это всё показное, на нем ощутимо висит тяжелым ярмом вина.

– Не переживай ты так – всё будет хорошо.

– Да... госпожа, – дрогнувшим голосом сказал он.

Ладонь юного охранника легла на эфес меча, болтающегося в ножнах на поясе.

– Я не виню тебя.

В ноздри ударила волна отвратительного смрада. Из-за угла вылетела тень, набросилась на спину Нияя. Вскрикнув и едва не распластавшись на дороге, Хара отскочила. Клейменный

мальчик вцепился в шею охранника и, грозно крича, высоко вскинул руку. В его ладони что-то ярко блеснуло.

– Нет, не надо! – выкрикнула настоятельница.

Чавкнуло. Острое прямое лезвие ножа по рукоять вошло в горло Нияя. Кровь бурным потоком полилась из раны, пачкая одежду и плиты. Раб откинулся назад и повалился вместе с молодым охранником в пыль. Скованная ужасом, Хара попыталась закричать, но легкие будто заткнули пробкой. Взгляд застыл на страшной картине: охранник дергается, хрипит, хватается побелевшими пальцами за эфес ножа, тогда как клейменный безумно хохочет.

Через несколько мгновений Нияй затих.

Перемазанный чужой кровью раб вскочил, повернулся в её сторону. Его грудь быстро поднимается и опадает. Чужая кровь вперемешку с грязью стекает с плеч, оставляя темно-бурые разводы на коже. Длинные пальцы сжимают костяную рукоять кинжала. Хара за долгое время мысленно поблагодарила богов за проклятие – нечеткое пятно лица не дает рассмотреть в деталях его выражение.

– Прекрати, – как можно спокойнее сказала она. – Опустит оружие. Не усугубляй ситуацию... Ты все равно не сбежишь.

Мальчишка не ответил.

Он шагнул к ней... И вовремя подоспевший Дживат врезал ему по макушке тяжелым эфесом меча. Клейменный кулем с мукой рухнул на дорогу – живой, но без сознания.

К Харе подскочил один из охранников, и она благодарно оперлась на его локоть.

Кажется, этот бесконечный день сулит еще очень много бед...

Геткормейский торговый корабль не причалил ни на следующий день, ни через десять. В порту ходили байки о том, что имперцы наткнулись у берегов Оранеша на морских чудовищ и потонули под ударами огромных склизких щупалец. Кое-кто болтал о зигирских триремах, способных догонять с помощью новых парусов даже самые быстроходные корабли Геткормеи. Разумеется, правду не знал никто.

Ожидание выводило из себя. Хара после инцидента с клейменным не выходила из съемной виллы, погрузившись в меланхолию. Её приглашали знатные торговцы, а один раз гонец передал ей письмо от самого Метина, в котором тот сокрушался о случившемся и в качестве жеста доброй воли предлагал заменить неугодного раба на другого, более послушного. Настоятельница отделалась лишь учтивой отпиской. С каждым днем её настроение становилось мрачнее.

По всем договоренностям корабль уже должен был оказаться в порту. Что могло произойти? В чудовищ она не верила, как и в мифические быстроходные триремы из Зигира. Значит... случилось что-то из ряда вон выходящее. Либо царь приказал на время остановить морскую торговлю, либо империя объявила войну. Иногда Хара смеялась над собой – напридумывала себе всякого! Может, корабль застрял где-нибудь у границ Оранеша, и капитану пришлось вынужденно латать посудину.

Наконец, Хара устала ждать. Она взяла с собой большую часть охраны, *всех* детей-рабов – как признак своего невероятного богатства! – и отправилась в порт. День выдался пригожий: в голубых небесах блистает солнце-око, такое чистое, умытое, радостное, горланят вечно голодные чайки, к ним прибавляется гомон толпы, всюду мельтешат грузчики с огромными тюками на спинах, от ярких разнообразных одежд купцов рябит в глазах. А на пирсах показываются на волнах тяжелые и легкие корабли – из Тошатханского Союза, из Аккарата и из Великого Нокронга.

Хара обернулась, окинула взором своих рабов. После её покупки они выглядят еще ухоженнее, чем у Метина: утонченные шелка подчеркивают дороговизну живого товара, кожа украшена пятнами золотой краски, лица зарумянены, на металлических ошейниках блестят

драгоценные камни – еще один намек на её богатство. Она нахмурилась лишь тогда, когда посмотрела на клейменного. Его кисти и лодыжки в отличие от остальных сковывают тяжелые оковы – мальчик едва поспевает за остальными.

В памяти всплыла недавняя сцена: парень-охранник лежит в луже собственной крови, а над ним возвышается, точно демон из страшных сказок, сбежавший раб – угловатый и сутулый. С лезвия ножа срываются алые рубины-капли...

– Я с вашего позволения уже назначил встречу, – отвлек её от тяжких мыслей Дживат. – Следуйте за мной, госпожа.

– Как думаешь, я правильно сделала, что взяла с собой илотов? – с сомнением спросила Хара. – Вокруг столько жадных глаз.

– Я считаю, всё нормально, нам так быстрее удастся договориться.

Они направились к самому широкому и малолюдному пирсу, рядом с которым покачиваются на волнах два корабля – торговый и боевой. Если купеческое суденышко не представляет интереса – беспалубное, длиной в один плефр, с одной мачтой, с крутоизогнутыми штевнями и комичными решетками из прутьев для ограждения груза, – то охранная бирема внушает уважение. Кедровый корпус влажно поблескивает, таран, напоминающий изогнутый коготь медведя, грозно возвышается над водой, на балюстраде красуются отполированные щиты. У Хары брови поползли вверх, когда она насчитала около сорока весел у биремы – только богатый человек может позволить себе содержать и такую большую команду, и такую посудину размером с кита-ревуна.

– Их хозяин торгует янтарем, – ответил на её удивление Дживат. – Они крайне редки в этих краях, поэтому местные готовы отдать много золота за камушки.

У самого края пирса, прислонившись спинами к огромным деревянным ящикам, стоят пятеро крепких мужчин в одних тканых повязках, прикрывающих бедра. Их до черноты загорелая кожа выделяется на фоне белого мраморного причала. «Охрана», – тут же смекнула настоятельница. Возле них на грубо сколоченной табуретке сидит сутулый бородач. На его руках – бесчисленное число деревянных четок; от любого, даже слабого, движения они приятно звенят. Большая борода заплетена в три косички, перехваченные золотыми кольцами. Лысина блестит. Одет купец в широкие шаровары цвета отполированной кости, безразмерную рубаху с короткими рукавами по тону. На ногах – кожаные сандалии.

– Однако, вы проделали огромный путь из Союза, – вместо приветствия сказала Хара.

Со своими людьми и рабами она согласно этикету остановилась в пяти шагах от незнакомцев.

Бородач едва заметно кивнул.

– Вы тоже далековато от родины, – ответил он сильным голосом. – Сразу хочу извиниться, что нам пришлось назначить встречу у моих кораблей. Не люблю выходить в город и нюхать этот вездесущий смрад улиц.

– Как же вы торгуете? – сдержанно спросила Хара.

– Мои люди уведомляют местную знать, что корабли с янтарем прибыли в порт, а дальше всё идет по заведенным схемам. Порой я даже не выхожу из своей палатки. И скажу вам, госпожа – оно и к лучшему, меньше проблем. К тому же не доверяю я местным: ненавижу их привычку называть мое имя наоборот.

А он умеет складно говорить.

– А как же вас зовут? – спросила Хара.

– Рашай Ветер.

Она открыла было рот, чтобы представиться, но купец поднял руку и заявил:

– Ваше имя я знаю, госпожа. Тот доходяга, которого вы по иронии судьбы называете своим стражем, рассказал мне о сложившейся ситуации.

– К сожалению, обстоятельства требуют от меня решительных действий.

– За вами не вернулись, да? – бородач хохотнул. – Как вернетесь на родину, пообещайте мне, что отрубите голову кормчему вашего корабля!

– Вы нам поможете? – не стала ходить вокруг да около Хара. К тому же от жары её начало мутить. – Как видите, моих людей и... хм, товара не так много.

– У меня есть двадцать восемь свободных мест на биреме, госпожа. А для вас мы поставим отдельный шатер у кормы.

– Очень благородно, Рашай.

– Если ваш доходяга не наврал о вашем богатстве, я в накладе не останусь.

– Грубо звучит.

Бородач пожал плечами.

– Как есть, – сказал он.

Один из его людей смачно плюнул в воду.

– Сколько вы хотите за то, чтобы перевести всех нас до Союза? – спросила Хара. – И в каком городе высадите?

Потянувшись, купец встал с ящика, наигранно принялся поглаживать бороду.

– Думаю, десяти золотых талантов хватит. Вполне приемлемая цена, госпожа. Ведь мне придется кормить-поить ваших стражников и ваш молоденький товар. И я должен что-нибудь с этого заработать... А что насчет места остановки... Хм, Икзугир вас устроит?

– Я заплачу вам тринадцать золотых талантов, – сказала Хара.

Покачав удивленно головой, Рашай заявил:

– Впервые вижу торговца, который пытается дать больше, чем надо!

– Просто хочу быть честной. К тому же вы пообещали мне отдельную палатку.

Пренебрегая правилами хорошего тона, торговец решительно направился к ней. Дживат было сделал шаг, чтобы закрыть собой хозяйку, но Хара положила ладонь ему на плечо и покачала головой. Затем, добродушно улыбаясь, вышла навстречу. *Одной проблемой меньше, милая. Можно выдохнуть. Видят боги, я так устала за эти дни.*

Но что-то изменилось в миг: бородач купец резко остановился, весь напрягся, пальцы сжались в кулаки.

– Вы... да как... как посмели?

Лихорадочно думая, что же пошло не так, Хара попыталась разрядить зарождающийся конфликт:

– Рашай, я не понимаю, о чем вы. Простите меня, если как-то задела. Пожалуйста, объяснитесь. Возможно, вас оскорбило поведение моего охранника. Уверю: больше такое не повторится!

На его побагровевшей шее выступила черная, точно сытая пиявка, вена.

– Стерва, ты в своем уме? За кого меня принимаешь? Смерти моей захотела, а? Думаешь, я бы не заметил?

– Я же сказала: успокойтесь!

– Да засунь свои «успокойтесь» куда поглубже! Наша сделка отменяется.

За его спиной оказались охранники. Неизвестно как, но в их руках появилось оружие – топоры и гладиусы.

– Я заплачу вам за оскорбление, – сказала Хара. – Пяти золотых талантов достаточно?

Дживат отвел руку, готовясь в любой момент схватить эфес висящего на поясе меча.

Только не усугубляй.

– Мне не нужны твои деньги, глупая женщина, – ответил Рашай. – Я позволю уйти тебе и твоим людям безнаказанно, но чтобы не видел вас ближе чем на сотню шагов от своих кораблей! Вы там в империи уже окончательно свихнулись, раз покупаете рабов, лишившихся души! Не боитесь проклятия богов? Великий Баамон не будет терпеть подобные унижения.

Да что такое?!

Хара нахмурилась, холодея от страшной догадки.

– Если вы боитесь клейменного мальчика, – делая большие паузы между словами, принялась говорить она, – то обещаю: во время путешествия его даже не увидите – он будет со мной, илот не представляет опасности, уверяю.

Хмыкнув, торговец махнул своим людям, развернулся и пошел по деревянному трапу на бирему.

Хара растерянно посмотрела на Дживата.

Раз за разом ситуация повторялась. Она вместе с охраной подходила к капитанам кораблей, договаривалась о цене, и всё шло хорошо до того момента, пока купцы не бросали взор на клейменного. Они менялись в лице – некоторые бледнели, точно видели демона, некоторые, как Рашай Ветер, разражались бранью и кидались с кулаками на Хару. Деньги – их главная ценность и мерило жизни! – переставали интересовать их. Торговцы бросались непонятными и пугающими словами: «лишенный души», «гнев Сеетры» и «опустошение». Хара пыталась разобраться, уточняла и спрашивала, что же их так пугает, но так ничего и не добилась.

Через некоторое время она поменяла тактику. Отправила клейменного раба вместе с тремя стражниками к себе на виллу, а сама продолжила обход капитанов кораблей. К удивлению, вести о проклятом мальчике разлетелись по порту с поразительной скоростью. И сколько бы ни врала, ни обещала золотых монет, ни просила и ни умоляла, слышала лишь одни отказы. В мгновение ока она превратилась в изгоя, точно это у неё на лбу было выжжено клеймо. Давненько Хара не чувствовала себя такой беспомощной.

Вскоре солнце, раскаленное и тяжелое, коснулось ровной глади моря. Небеса окрасились в цвет расплавленной меди. Порт умолк, толпа грузчиков, торговцев, рабов и стражников растеклась по вечерним улицам города. Легкий ветер принес с собой блаженную прохладу. Хара остановилась со своими людьми у деревянной стены склада. Надо было еще утром купить паланкин и не вылезать из него даже под предлогом смерти. Или на худой конец приобрести веер. Ноги подгибаются от усталости, а горло горит огнем. Но сильнее всего стучит в висках и в затылке. Тупая боль не дает сосредоточиться, мысли разбегаются, точно испуганные крысы.

– Госпожа, позвольте мне дать совет, – прошептал Дживат, отведя Хару чуть дальше, чтобы никто не смог из их людей подслушать разговор.

Выглядит он неважно: рубаха-юбка перепачкана в пыли, под мышками чернеют пятна пота. Даже обруч, кажется, потускнел.

– Говори.

– Сегодняшние события показали, как нам надо поступить с рабом.

– Предлагаешь его убить?

Глава стражи лишь пожал плечами.

– Сначала можно попробовать продать, госпожа. Но, думаю, он заслуживает смерти. Или вы уже забыли, как умер Нияй? Я могу собственноручно покончить с мальчиком. Перережу горло – и дело с концом. Он даже не успеет почувствовать боли.

– Нет, – решительно сказал Хара.

– Но...

На неё накатила волна злости.

– Я сказала: нет! Мне кажется, Дживат, ты слишком вжился в роль обычного наемника! Или ты забыл, кто мы на самом деле?

Стражник вздрогнул, склонил голову.

– Простите, госпожа, – виновато сказал он.

Хара тяжело вздохнула, злясь на себя за неожиданную вспышку ярости.

– Это место высосало из меня все силы, – пожаловалась она. – Послушай, Дживат, мы с тобой через многое прошли, и я никогда не сомневалась в твоих боевых способностях – ты

очень важен для меня. Но мы не можем убить или продать мальчика. Пойми: боги послали его нам не просто так. Мне кажется, я должна вывести его из этих варварских мест. Он изменится, вот увидишь! Нам не дано понять волю высших! – Она понизила голос до шепота. – Я, как настоятельница храма, обязана пройти все испытания до конца. Ты не меньше меня знаешь, что именно вера наделяет нашу жизнь смыслом. И я верю: мальчик нужен нам.

– Но он убийца, госпожа. Его душа уже черна. Нияй не заслуживал такой смерти. В конце концов, если бы я не успел вовремя, клейменный убил бы и вас!

– Убив раба, ты бы очернил и свою душу.

Дживат положил ладонь на грудь

– Я готов пойти на такой риск.

– Зато я не готова! Подумай сам: что знал мальчик в этой жизни, кроме побоев и унижений? Боги не просто так отправили его в мои руки! В конце концов, Дживат, не забывай, что ты тоже поклялся следовать священным заповедям. Я запрещаю тебе убивать клейменного! И разговор окончен. Теперь мы сделаем всё возможное, дабы доставить мальчика до храма. Мы перевоспитаем его. Сделаем хорошим человеком. Вспомни свое детство.

Пролетевшая над их головами чайка противно вскрикнула.

Помолчав несколько долгих мгновений, Дживат спросил:

– Какие у нас дальнейшие планы, госпожа?

Хара оперлась спиной о стену склада и едва не сползла на землю.

– Купим лошадей и повозки. Отправимся в Оранеш. В этой стране купцы за деньги готовы и собственную мать продать. Наймем корабль – и домой.

У нас всё получится. Боги не дадут в обиду. Я верю... Верю!

Глава третья. Найват

Храм Певцов Смыслов, Оранеш

Тяжелые темно-багровые тучи, едва не задевая брюхами длинные верхушки кипарисов, медленно ползут в сторону моря, изредка громыхают. Кажется, будто сейчас все они разразятся стеной дождя, но не простой – кровавой. Алые капли польются по серой хвое, начнут стекать по гнилым стволам, и здешняя мягкая, как плоть утопца, земля впитает их, утолит многовековую жажду. Но пока всё спокойно. Грозный солнечный шар хмуро выглядывает из-под туч, наблюдая за тем, как здешние места превращаются в пыль и прах. Воздух даже по здешним меркам чрезвычайно влажен – словно дышишь водой.

Путник уверенно шагает по узкой тропе вперед. Низко надвинутый капюшон серой хламиды скрывает его лицо, на старом изношенном хитоне расплзаются пятна пота, а один из верхних ремешков на правой сандалиии порвался и раскачивается из стороны в сторону в такт движению, словно маятник. На плече висит полуторный меч в простых кожаных ножнах; искусный костяной эфес портит трещина.

Тропинка пошла в гору. Взгляд то и дело цепляется за почерневшие стволы кипарисов, сочащиеся из многочисленных трещин черной вязкой жидкостью, за пожухлую траву, присыпанную пеплом. Хотя откуда здесь пепел? Еще одна загадка. Вокруг царит абсолютная тишина: ни гомона птиц, ни шороха диких зверей. И запах... Чудовищный гнилостный запах, от которого тяжелеет в желудке. Лес мертв – и вряд ли когда-нибудь восстановится.

Оказавшись на вершине небольшой горы, путник остановился, переводя дух. Храм тут же привлек его внимание. Видеть его среди моря бескрайних кипарисовых деревьев кажется неестественным, кощунственным. Каменные стены, защищавшие прежних обитателей, развалились, тут и там зияют провалы, словно здесь прошло страшное циклопическое существо. Три серых шпиля тянутся к багряным небесам, все окна на них пугают бездонной чернотой. Сам храм будто вот-вот сложится в себя, поднимая облака пыли. Давно умершее существо. Истлевшее тело. Мумия. От былого величия остались лишь воспоминания.

Задумчиво пожевав губы, путник направился к развалинам.

Перед покосившимися распахнутыми воротами скопилась большая алая лужа. Сев на корточки, Найват опустил указательный палец в жидкость, затем поднёс его ко рту – какой же едкий противный запах! – и облизал кончиком языка. Горчит и шипит одновременно. Не кровь. Конечно, же не кровь! Откуда она здесь возьмется, если с момента *тех* событий прошло не меньше года? Глупости. Но тогда что это?

Найват нерешительно посмотрел на большую входную арку. Даже при мимолетном взгляде чернильная темнота, клубящаяся в ней, заставляет сердце стучать чаще, а воображение – рисовать картины одна страшней другой: склизких худых чудовищ, жаждущих вкусить свежей плоти, ходячих мертвецов и призрачных демонов... Разумеется, в храме ничего этого нет – лишь давящая тишина и пыль.

Мне давно уже не десять лет. Глупое ребячество!

Рядом с храмом Найват кажется муравьем. Циклопичность здания поражает. Не одно поколение строителей вложили свой талант в это место. А сколько рабов отдали жизни – не счесть! И тем ненавистнее мысль, что лишь один человек смог всё уничтожить.

– Мастер, я бы не советовал заходить в храм, – раздался низкий голос из тьмы арки.

Найват нахмурился. Сердце успело стукнуть не меньше десяти раз прежде, чем на свет вышел незнакомец. Его правая рука висит плетью; она наполовину меньше левой – съжившаяся черная культия с маленькой ладошкой и миниатюрными пальчиками. Лицо и шею покрывают синие татуировки-иероглифы. Растрепанная борода с редкими седыми нитями придает

его обладателю несколько бандитский вид; намашенная по монастырским традициям лысина жирно блестит; глубоко посаженные глаза неестественно тусклы.

– Кто ты? – спросил Найват.

– Ренай Камень, мастер, – без единой эмоции произнес незнакомец.

– И что же ты здесь делаешь?

Татуированный пожал плечами.

– Живу.

Глупый вопрос. Конечно, он тут живет.

– Ты ведь тот единственный спасшийся, да?

Кивок.

– Мне рассказывали о тебе, – сказал Найват.

Он ожидал хоть какой-то реакции от татуированного, но тот лишь продолжил тупо тарашиться на него.

– Я из Кулгера. Меня зовут Найват, я священный исполнитель воли Пророка и Шепчущий. Мне пришлось потратить немало времени, чтобы добраться до этих мест. А ты Поющий? Мрачная улыбка исказила губы однорукого.

– Нет, мастер. Я большую часть жизни был охранником архимага. Когда-то – да, мог бы стать Поющим, но... – Он провел указательным пальцем по многочисленным шрамам на лице. – Мне рано пришлось отказаться от пустых мечтаний. Мои татуировки – всего лишь краска, застрявшая в порах кожи.

Найват тяжело вздохнул.

– Я буду жить в этом храме какое-то время. До тех пор, пока не разберусь в случившемся – и ты мне поможешь.

Не просьба – приказ. Но Камень проигнорировал его тон, мрачно оглядел с ног до головы. Несмотря на духоту, он одет в теплый кафтан-халат коричневого цвета и грязные шаровары. За спиной торчит рукоять полторного меча.

– Как прикажете, мастер. Ваш ранг не позволяет мне препираться.

Растянув губы в широкой улыбке, Найват сказал:

– Тогда позволь войти. Я бы хотел до первых сумерек осмотреться в главном священном зале...

– Возвращайтесь обратно, пока не поздно. Вы ни с чем не сможете разобраться – эти места навсегда прокляты. Будь я на вашем месте...

– Но ты не на моем месте, – резко перебил Найват, по-прежнему любезно улыбаясь.

К его удивлению татуированный кивнул, развернулся и махнул рукой.

– Идите за мной, мастер. Я вас предупреждал, но вы не послушались.

Он скрылся во тьме. Слегка обескураженный Найват последовал за ним. Стоило ему войти в арку, как в лицо пахнуло сыростью. Поначалу он ничего не видел, но затем глаза привыкли к темноте – и удалось разглядеть высокую плечистую фигуру, идущую впереди, низкий потолок и стены, выложенные из больших обтесанных камней. Еще через некоторое время они оказались в просторном помещении. Здесь горит несколько факелов в металлических кольцах на узких колоннах. Света, конечно, маловато – над головами по-прежнему царит черная мгла, – но его достаточно, чтобы в деталях рассмотреть стены.

Найват едва не ахнул. На всех гладких поверхностях красуются сложные иероглифы, плавно переходящие один в другой. Сотни, тысячи маленьких черточек, закругленных закорючек и овалов. Изучить всё будет очень не просто. А ведь он оказался лишь в самом первом помещении! Едва сдерживая волнение, Найват подошел к колонне, пальцы заскользили по выжженным магией иероглифам.

– Это прекрасно, – прошептал он.

– Не сомневаюсь, – скептически хмыкнул татуированный.

– И это всё действительно появилось за один день?

– Да. Когда я очнулся после всего случившегося, храм... хм, преобразился.

– Вы только взгляните!

– А вы из тех, кто мало обращает внимание на людей, да? – без тени ехидства заметил однорукий. – Впрочем, иного от священного исполнителя я и не ожидал.

Хмыкнув в ответ, Найват продолжил осмотр иероглифов. Хоть бросай все вещи здесь и садись изучай, уму непостижимо сколько всего здесь! Логограммы он сразу узнал – такими уже не пользуются больше двух сотен лет, однако в храмах по-прежнему преподают умершие языки. Модели и структуры, нанесенные на стены, принадлежат скорее всего геометристам: слишком много упоминаний о симметрии и связях между фигурами. Но...

– Давайте осмотрим следующие помещения, – вырвал из мыслей Ренай.

Распахнув двустворчатые двери, окованные бронзовыми пластинами, он взял с кольца на стене горящий факел и двинулся дальше. Под ногами запружинил ковер – когда-то ярко красный, а сейчас блеклый. В абсолютной тишине собственное дыхание показалось неестественно громким.

– Кажется, я не справлюсь один, – прошептал Найват.

– Уже сдались, мастер? – спросил однорукий, держа факел высоко над головой. – Но ничего страшного. Не вы первый, не вы последний. Буквально три месяца назад из столицы приходили четверо Поющих, изучали тут всё. Быстро сдались, к сожалению.

– Не хватило знаний?

– Нет. Храм прогнал их.

Танцующее пламя выхватывает из мрака колонны и статуи героев древности. На ковре трудно не заметить небольшие куски камней, отколовшиеся с потолка. Найват покачал головой. Его шаги и шаги однорукого вздымают небольшие облачка пыли.

– В монастыре больше никто не живет?

– Только я один, мастер.

Они переходили из одного зала в другой, петляли по узким коридорам с высокими потолками, нарушали покой пустых молелен, скрипели ступенями на бесконечных лестницах. Где-то крыша обвалилась, и в зияющие провалы заглядывало багровое солнце; где-то одного факела не хватало, дабы хоть немного разогнать чернильный мрак; где-то проход был перекрыт поваленными статуями, отчего приходилось искать другие пути. Всюду на гранитных плитах и камнях выделялись логограммы. Пахло прахом, будто где-то рядом хранили в открытых гробах мертвецов. Казалось, сама реальность в храме менялась, уводила в места столь жуткие, что сознание разбивалось на десятки, сотни, тысячи осколков. Это было сложно объяснить. Оно чувствовалось легким покалыванием в кончиках пальцев, оно – в мурашках, бегающих по коже.

Наконец, обследовав наиболее важные помещения, Найват и татуированный спустились на третий этаж.

– Вот ваши покои, мастер. Ночной горшок я вам принесу чуть позже. Если проголодаетесь, постучитесь ко мне – я живу напротив вас.

Хлипкая дверь протяжно скрипнула. Найват заглянул в открывшийся проем. Комнатка мелковата, всё довольно аскетично – узкая кровать в левом углу, деревянный стул, стол на трех ножках, шкаф, собранный из досок. Два окна в форме замочных скважин открывают вид на мертвый кипарисовый лес: хотя бы днем будет светло, а то так легко перепутать себя с кротом.

– А откуда вы берете еду? – зайдя в покои, спросил Найват. – Когда я добирался до храма, то не увидел и не услышал ни одной живой души.

– Да всё просто, мастер: наши братья из Шоргира привозят раз в два месяца. Зерно, крупы, вино... Без их помощи я бы давно умер.

– Ты бы мог уехать отсюда.

Татуированный махнул здоровой рукой.

– Глупости. Мне здесь хорошо. – Он резко сменил тему. – Господин, отдохайте. Я пока ужин приготовлю.

Найват кивнул, твердо посмотрел в стеклянные глаза однорукого.

– Завтра утром нам предстоит долгий разговор, Поющий.

– Конечно, мастер.

Проснулся резко – словно кто-то толкнул в бок. Инстинктивно выхватил нож, лежащий рядом с ним. Но никого возле его расстеленной циновки не оказалось. Тяжело вздохнув, Найват хохотнул. После трудного дня мерещится всякое. Дурость. Он поднялся, дошлепал до окна, ежась от холода. Полная луна застыла над лесом, её холодный свет серебрит кипарисовые деревья, отчего те походят на кривые острые зубы чудовища. Абсолютная тишина давит на нервы, даже собственное дыхание кажется оглушительно громким.

Не в силах больше смотреть на безрадостную картину Найват обулся, подошел к не зажженному факелу, вставленному в металлическое кольцо, щелкнул походным огнивом. Блеснула яркая искра; обработанная маслом ткань тут же загорелась. Гордо заплясали язычки пламени. Взяв факел, он распахнул хлипкую дверь и... обомлел. От его покоев и до самого конца длинного коридора на полу, борясь с пляшущими тенями, горят толстые свечи. Кто-то очень сильно постарался, чтобы устроить такое представление. Хмурясь, Найват подошел к двери, ведущей в комнату татуированного, и толкнул её. Факел осветил заправленную кровать, стол и висящие на стене ножны; однорукого нигде нет.

Очевидно, это провокация. Повестись на неё? Или же вернуться к себе и лечь спать, сделав вид, что ничего особенного не приключилось?

Он направился в конец коридора. Стены, выложенные из грубых и неотесанных камней, влажно блестят, словно их намазали маслом. Черепа, вмурованные в потолок – пережиток жестокой древности, – провожают его провалами черных глазниц. Под сандалиями хрустят камешки. Многие из свечей уже растеклись мутными лужицами, огоньки в них едва трепещут, чадят, источая приятные запахи.

У самого выхода, ведущего в просторный зал, мелькнула чья-то тень.

– Ренай! Стойте!

Найват рванул вперед. Что этот однорукий хочет сделать? Испугать? За кого он принял священного исполнителя? Всё сильнее злясь, Найват выбежал из коридора, затем резко остановился. Проклятье! Свечи и тут расставлены по полу, но их недостаточно, чтобы разогнать мрак – татуированный может прятаться в любом угле, за любой колонной!

– Прекратите это! – Многократное эхо его голоса разнеслось по залу. – Вы ведете себя как ребенок!

Может, он попытается на меня напасть? Вероятно, его рассудок повредился после всего случившегося. Я пытаюсь проанализировать ситуацию, понять логику его поведения, а её нет.

Пальцы привычно потянулись к эфесу меча за спиной, но нащупали лишь воздух – оружие он оставил в своих покоях.

Вдруг раздались тоскливые, плачущие голоса, от которых по спине побежали мурашки. До странности заунывные и противоестественные они сковали его, стали усиливаться, растекаться по залу. Испуганный и подавленный разум завопил об угрозе, но сделать ничего не получилось – ноги превратились в гранитные колонны. Из глубины сознания поднялась холодная волна ужаса.

А затем тьма расступилась...

Сон. Всего лишь дурной сон. Но отчего тогда так бешено бьется сердце, а руки – дрожат?

После ночного кошмара он чувствовал себя неудобно, вздрагивал от любого случайного шороха. Конечно же, в коридоре не было свечей, а стены не блестели маслом. Татуированный громко храпел у себя в покоях. Всё хорошо. Пытаясь абстрагироваться от кошмара, Найват взял с собой несколько книг, уединился в ближайшем зале и принялся изучать иероглифы. За работой дурной сон поблек.

Рельефы на стенах, появившиеся после освобождения Вора, оказались ничем иным, как древней научной библиотекой заклятий, которая требовала скорейшего изучения. Вероятно, удастся раскопать что-нибудь интересное и в дальнейшем это можно будет использовать на татуировках Шепчущих. Найват обрадовался тому, что вчера оказался прав: логограммы действительно намекают на связь со школой геометристов. Категории, о которых говорится в писаниях, относятся к абстрактно-философским системам. Симметрии, сложные фракталы, теоремы, требующие сложных доказательств... Вот только есть несколько проблем. Во-первых, тексты часто противоречат друг другу, а следовательно они не породят физическое явление... Во-вторых, философские описания на стенах тут и там прерываются страшными мифами и запутанными сказками.

...Киуль'Арат.. Жаатра простирает длань до края мира... Узорчатые симметрии... Вой Алого Пса, жаждущего пожрать луну и звезды... Граница плоскости является абсолютном... Последний оплот человечества... Точки – суть касательные...

Найват, скопировав иероглифы в записную книгу, тяжело вздохнул. Вопросов у него появилось больше, чем ответов. Стоит только зацепиться за одну логическую цепочку, как ту же смысл ускользает и заменяется невнятной историей о чудовищах и славных спасителях человечества.

– Как спалось, мастер? – раздался за спиной голос Реная.

Обернувшись, Найват растянул губы в широкой улыбке и ответил:

– Спасибо, хорошо.

Татуированный сел напротив него, положил на пол дымящуюся миску с какой-то бурдой.

– Я приготовил рагу, – сказал он. – Мне кажется, вам нужно хорошо питаться, а то выглядите... хм, несколько худощаво.

Закрыв записную книжку, Найват обреченно оглядел стену, испещренную иероглифами.

– Поняли что-нибудь? – спросил однорукый.

– Возможно...

– Вы вчера хотели поговорить.

– Да, о случившемся. Я, конечно, знаком с историей о том, как храм пал, но все это – от третьих лиц. Ты же был непосредственным участником событий.

Татуированный ухмыльнулся.

– Как вы витиевато выражаетесь, мастер. С трудом понимаю, о чем говорите. Да, я видел, как Вор уничтожил мой дом. Уничтожил мою веру. Собственно, это будет очень короткая история. В один из дней Вор сам появился у ворот монастыря, рассказал, кто он. И я лично связал его и запер в темнице. Помню, как было страшно всем моим братьям, ведь мы видели в какие руины превратился другой храм Певцов Смыслов – одни дымящиеся руины. Не хотелось повторить подобную судьбу. Архимаг послал гонца в Кулгер, чтобы Пророк как можно скорее отправил к нам людей.

Найват отложил записную книжку, взял миску и принялся есть. Рагу на вкус немного горчит, к тому же пресно.

– Я ведь выполнял и функции дознавателя, – после небольшой паузы продолжил однорукый. – Вот тут-то и начинается самое интересное, мастер. Я ножом проткнул руку Вору. И знаете что? Вместо крови из раны заструился свет! – Он скрипуче засмеялся. – Вор был бессмертным. Я перерезал ему горло, протыкал сердце мечом – всё напрасно. Именно тогда я понял, что мы все обречены.

– Как он выглядел? – спросил маг.

Покачивая головой, татуированный ответил:

– Обычный человек, такой легко затеряется в толпе, знаете ли. Только взгляд странный, пронизывающий, будто в самую душу смотрит. А еще... у него странная манера речи.

Брови Найвата удивленно поползли вверх. Эти сведения не фигурировали в отчетах.

– Какая?

– Странная. Мне сложно сказать, мастер. Вор частенько путался во временах, будто язык оранешцев для него неродной – возможно, он это делал намеренно, не знаю. Той ночью он устроил настоящее светопреставление, я такого никогда не видел. Все мои братья в один миг будто с ума посходили: бросались на меня, пытались убить.

– Почему на тебя?

– Не знаю, мастер. Мне было не до того. Во-первых, магия Вора что-то сделала с моей рукой – она перестала слушаться. Во-вторых, я пытался спасти архимага. Но он уже был мертв. Я увидел Вора, идущего мне на встречу. Такой, знаете, источал яркий свет, будто солнце. Словно принадлежал другому миру, не нашему. Я бросился на него с клинком и потерял сознание. Когда очнулся, и Вор, и мои братья пропали. На стенах появились эти богомерзкие иероглифы, а лес в ближайшей округе иссох.

Обдумывая услышанное, Найват кивнул. Положил пустую миску на пол.

– Любопытная история.

– Мне так не кажется, мастер, – без единой эмоции сказал татуированный.

– Я видел трещины на стенах, поваленные колонны... Как это произошло?

– Прежде, чем Вор вырвался из темницы, храм знатно тряхнуло. Отсюда и обвалившаяся крыша, и прочие разрушения.

Что-то он не договаривает.

– Ренай, – впервые он назвал его по имени, – вот ты сказал, что твои братья пытались напасть на тебя? Ты ведь кого-то убил, верно? Но где тела?

– Я же сказал: как только очнулся, в монастыре никого не было. Даже тел. Только знаки на стенах.

– А почему выжил только ты? Как считаешь?

Татуированный скривился, будто укусил кислый плод.

– Сам не знаю, – признался он. – Ни проходят и дня, чтобы я ненавидел себя за это. Кое-кто из моих братьев заслуживал жизни куда больше, чем простой охранник архимага.

Найват замолчал. История, которую рассказал одорукий, даже в деталях совпадает с донесениями других священных исполнителей, что до него изучали оскверненный храм. Однако не покидает чувство, будто на самом деле всё было не так. Надо попытаться разобраться самому. С чего вдруг татуированный расскажет правду? *Потому что он отдал жизнь служению Певцам. Между мной и им не должно быть тайн. Стоит ли ему доверять? Верить ли его словам? Наверняка тут есть связь с Вором.*

Окинув потолок, через множество дыр которого прорываются солнечные лучи, Найват сказал:

– После... хм, инцидента никто не захотел отстраивать храм. Из страха?

Ренай хохотнул:

– Не только, мастер. Вы все время забываете, что на много стадий вокруг нет ни единой живой души. Дикие звери сбежали – лес-то скрючило. Монастырский сад сгнил. Я пробовал сажать некоторые овощи, но всё без толку. Сама земля мертва. Если бы не помощь извне, давно бы умер. Это хорошая сделка, мастер: ближайшие к нам храмовники привозят сюда еду и питье и тем самым очищают свою совесть, а я делаю вид, что они поступают правильно.

Найват поднялся.

– Ладно, хватит разговоров. Отведи меня в главный молельный зал.

Нестройный хор голосов не смолкает, но слов не разобрать – заунывная противоестественная какофония. Звуки слегка приглушает входная деревянная дверь. Мужские и детские голоса доносятся из коридора, неразборчиво умоляют, требуют, кричат, зовут, просят. Порой дверь несильно дрожит, будто кто-то смертельно раненный лежит на полу и стучит ослабевшей ладонью по бронзовой окантовке: «открой-открой-открой...»

Найват держит перед собой длинный полуторный меч, готовый в любой момент атаковать. Лунный свет, врывающийся через раскрытые окна, преобразили комнатку до неузнаваемости. Вроде всё на своих местах, но что-то не так. Будто находишься в совершенно чужом и пугающем месте. Он приказал себе успокоиться. От волнения сердце бешено заходится дробью ударов, в висках сильно стучит – перед глазами пульсируют красные точки.

Шаг.

По двери перестали колотить.

Еще шажок...

Хор голосов стал тише. Показалось? Из косяков двери полился желтый свет, отбрасывая по комнате гигантские тени.

Шаг. Осталось совсем чуть-чуть.

Градины пота скатываются со лба, жгут кислотой глаза. Клинок едва-едва подрагивает в руках.

Рука легла на металлическое кольцо, медленно потянула на себя. Дверь без шума открылась. Первым делом бросились в глаза ряды горящих свечей на полу, уходящие в правую сторону коридора. Стены блестят от прозрачной слизи, тут и там растекаются черные разводы. Сглотив застрявший комок в горле, Найват выглянул из комнаты. Возле статуи Жаатры молится на коленях фигура в сером плаще. На голову накинута капюшон, а потому лица не разглядеть. Голые по локоть руки пугают неестественной белизной, на стопах вздуваются страшные кровавые волдыри.

– Ренай! – позвал маг.

Нет, это не татуированный. Слишком худой, слишком угловатый, слишком сутулый. Чужак. В нос шибанул сладковатый гнилостный запах, расползся в глотке, на языке появилось неприятное онемение.

– Кто вы такой? – спросил маг.

Его словно подтолкнула в спину невидимая рука, и он направился к худому. Тот повернул голову в его сторону – лицо скрывается во мраке капюшона – и застыл, стоя на коленях и опираясь ладонью о склизкую стену. Найват, чувствуя на себе оценивающий взгляд, нахмурился, пальцы крепче сжали рукоять меча.

– Кто вы такой? – повторил он вопрос.

Фигура в плаще вновь уставилась на свечи перед собой, принялась неразборчиво шептать. Голос слился с хором других, невидимых голосов. Боясь какого-нибудь подвоха и готовясь в любой момент применить клинок, Найват обошел худого, направился дальше. Все ведущие в покои двери по обеим сторонам коридора открыты, и в каждой комнатенке молятся на коленях странные незнакомцы в великанских плащах.

Мне нужно найти Реная.

Цепляясь за эту мысль, Найват оказался в просторном зале. Из каменных щелей в полу и на стенах струится красный свет; тьма прячется лишь на потолке, у основания купола; у многочисленных полукруглых арок на другом конце помещения толпятся люди. Найват вздрогнул. Их черные провалы глаз пялятся на него, синие губы кривятся от непонятных слов, эхом разносящихся по всему храму. Одежды давно превратились в бесформенные лохмотья.

С трудом, преодолевая невероятные усилия, удалось перевести взор на резной трон, стоящий на гранитном возвышении в самом центре зала. Положив руки на массивные подлокот-

ники, сидит на нем старик в выцветших одеяниях. Кожа на лице сморщенная, густые седые усы и борода ниспадают на грудь, копна белых волос перехвачена железным обручем. Его глаза – горящие, будто две звезды, серые, проникающие в самое нутро.

Архимаг!

Наиват сделал шаг назад, когда дверь за спиной с шумом захлопнулась. Хор голосов усилился, стал оглушающе громким – даже собственных мыслей не слышно. Толпа у арок упала на колени.

По-птичьи склонив голову, старик поднялся с трона, принялся спускаться по гранитным ступеням – медленно, не отрывая взор от жалкого человечка у входных дверей. Его тело начало менять формы: руки и ноги непомерно удлиннились, кожа усохла, приобрела сероватый оттенок, нос ввалился, рот раскрылся в безумном немом крике.

Обруч звонко рухнул на плиты, рассыпался ржой.

Тень существа легла на Найвата. *Он же в четыре раза выше меня!* – мелькнуло понимание. – *Голова практически трется о потолок... Боги!*

Ладони чудовища вспыхнули алым пламенем, и в воздухе из бесчисленных огоньков соткалось неправдоподобно длинное копье, оканчивающееся с двух концов широкими серповидными лезвиями. Люди с пустыми глазницами запели новую песню – протяжную, волнующую, страшную, – от которой по спине пробежал обжигающий холод, сперло горло, а в затылке запальсировала боль.

Высокая тварь кинулась в атаку.

Наиват блокировал первый удар, увернулся от второго, отпрыгнул. Весь мир сжался до небольшого круглого участка, на котором он отбивался, изредка переходя в наступление. Его клинок свистел со скоростью молнии, перехватывая серповидные лезвия. Звенело железо, кожу обжигали высекающиеся искры. Тварь не знала усталости, обрушивалась на него с нечеловеческой выдержкой и силой, – и вскоре кисть, державшая меч, онемела от тупой, пульсирующей боли.

Когда кончик копья оцарапал грудь, Найват, крича, прыгнул под ноги чудовищу, вогнал тому клинок в живот. Противно чавкнуло. Из раны, будто желе, медленно потекла черная, блестящая кровь.

Всё кончилось. Получилось. В последний момент, но удалось...

Обтянутый пергаментной кожей череп повернулся в сторону Найвата, бездонные черные провалы вместо глаз уставились на него.

Так они и застыли – человек и странное существо. Оценивая друг друга. Выжидая подходящий момент. Найват практически сразу понял, что нанесенная рана не причинила вреда. Стекающая черная кровь ничего не значит. Стоит только двинуться, хотя бы шевельнуть бровью, как серп, поблескивающий алым, обрушится на его шею... Лезвие копья едва дрогнуло, Найват тут же отпустил эфес меча и кувырнулся вправо. За его спиной раздался скрежет металла.

Тварь с застрявшим в животе клинком молчаливо выпрямилась, хрустнула плечами; одна из длинных седых прядей легла ей прямо на лицо.

Наиват замаялся. Ему негде спрятаться. Все входные двери заперты, к поющим безглазым не подойти, если, конечно, недорого жизнь. Как долго удастся убежать от чудовища? Кто быстрее устанет? И может ли вообще *это* устать?

Раскачиваясь, тварь направилась к нему...

– Мастер, вы выглядите уставшим, – сказал татуированный.

Наиват проигнорировал его замечание, продолжая переписывать логограммы в записную книжку. В висках пульсирует, каждая мелочь раздражает, а злость на весь окружающий мир, клокоча в груди, разрастается все сильнее.

– Опять кошмар приснился?

Не силах больше сдерживать себя маг размахнулся и бросил карандаш в Реная. Тот ловко увернулся. Книжка выпала из рук, с глухим стуком шлепнулась на плиты.

– Это всё ты! Ты!

– О чем вы говорите, мастер?

– Подсыпаешь что-то в мою еду?! А может, в воду?! Эти галлюцинации... Я не верю тебе! – все сильнее вскипая, заорал Найват.

Татуированный вскинул здоровую руку в примирительном жесте.

– Успокойтесь, – тихо сказал он. – Я же вас предупреждал, что не стоит заходить в храм – это место проклято. И я не виноват, клянусь! Может, если бы вы рассказали о своих снах, то удалось бы...

– Иди в пекло! – бросил Найват.

Он сполз по стене, устало вздохнул. Ярость быстро стихла, накатило чувство вины. Одно-рукий присел рядом, положил ладонь ему на плечо и сказал:

– Сны станут лишь кошмарнее, мастер, и скоро грань между ними и реальностью сотрется. Но, скорее всего, вы умрете раньше.

Найват нахмурился, сжал кулаки.

– Это угроза?

– Нет. Вы знаете, что приключилось с теми, кто первыми пришли в храм после катастрофы? – Его голос охрип. – Их было двадцать: два Шепчущих и восемнадцать Поющих. И все они повредились рассудком, мастер.

Хищно ухмыльнувшись, Найват обвел глазами молельный зал. Массивный пьедестал в центре треснул, рядом с ним валяется отколовшийся от скульптуры глаза Великого Баамона кусок – зрачок уставился в потолок, пыль толстым слоем лежит на его гладкой поверхности. Большая часть колонн обвалилась. Багровые лучи солнца пробиваются через маленькие круглые оконца на идеально ровном горизонтальном потолке. В колпаках света кружится и оседает пыль. Умиротворение и тишина.

– Ты тоже видишь кошмары? – спросил Найват.

– Да.

– Почему же еще жив и не сошел с ума?

Татуированный положил ладонь на эфес меча, торчащий из-за спины.

– Я отличный воин, – сказал он. – И так легко не сдамся. Но рано или поздно твари победят и тогда...

– Ты умеешь обращаться с оружием. Хм... Все-таки у тебя удивительная судьба, Ренай. В детстве ты должен был стать Поющим, но случайный шрам перечеркнул всё. Затем ты стал телохранителем архимага. Кто же научил тебя сражаться?

– Я пять лет прожил в Кулгере, мастер. Там меня и натаскивали. – Он посмотрел на почерневшую руку. – Видели бы вы меня до того, как я стал калекой. Без ложной скромности скажу: я лучше всех владел двумя клинками. Однажды сам Пророк посетил зал, где проходили мои тренировки. До сих пор помню, как он, хмурый и серьезный, сложил руки на груди и наблюдал за тем, как я выделял разные пируэты и сражался сразу с пятью учителями. О-о-о, это было потрясающе! К концу тренировки Пророк уже не хмурился – улыбался и походил на мальчишку! Я был горд.

Кивнув, Найват дотянулся до записной книжки, расправил помятые страницы. И как теперь работать без карандаша? А запасные писчие принадлежности лежат у него в покоях.

– Вы хоть немного продвинулись в работе? – спросил татуированный.

– Нет. Видимо, я переоценил силы. Исследования идут слишком медленно. Некоторые из иероглифов мне неизвестны, а на их расшифровку нужно время. Если бы не проклятые

кошмары, я бы смог разобраться! И это меня выводит из равновесия. Просыпаюсь разбитым, в голове туман.

– А можно еще один вопрос? Если не хотите, можете не отвечать.

Найват махнул рукой.

– Задавай.

– Почему с вами нет Поющих? Что делает маг без своих людей? К тому же, судя по вашей выправке, вы занимаете в Кулгере высокое звание. Зачем вас отправили в такую даль? И без охраны?

Маг расхохотался. Эхо заметалось от стены до стены.

– Ты задал больше одного вопроса! Но я отвечу. Пророк крайне обеспокоен действиями Вора – за последние два года школа ослабла. Не сильно, конечно, но достаточно, чтобы забить тревогу. Некоторые наши заклинания перестали срабатывать. И я тот человек, который лишился большей части своих возможностей из-за Вора, поэтому я уговорил Пророка отправить меня сюда. Поющие мне не нужны, так как в них нет необходимости. И охрана мне не нужна – я неплохой воин.

– Мы с вами, мастер, очень похожи.

Однорукий растянул губы в широкой, искренней улыбке. В его глазах впервые появились задорные огоньки.

Неожиданно Найват резко вскочил, вслушался. Ужас горячей волной расплзся под ребрами, сердце забилось испуганной птицей. *Не может быть... Невозможно... Я... Мне всё снится?* Он обернулся к однорукому. Тот испуганно посмотрел на него, на лбу заблестели бисеринки пота.

– Ты слышишь? – спросил Найват. Его голос показался чужим и далеким. – Скажи, что ты слышишь!

– Да, мастер...

Слабый протяжный гул доносится откуда-то сверху – приглушенный и низкий, будто в горах при близком камнепаде. От этих звуков внутреннее естество кричит, умоляет поскорее убежать, скрыться, спрятаться, зарыться в самую темную нору – и замереть там, перестать дышать. Найват попытался отогнать дурные мысли и найти логическое объяснение происходящему. Частенько от простых страхов легко избавиться: в темноте храма не прячутся чудовища, потому что их там нет. Раны, нанесенные во снах, не появляются в реальности. Призраков не существует – это противоречит всем философским трактатам. Но сейчас страх плотным липким коконом обхватил его. Иррациональный ужас не удалось прогнать.

Храбрясь, Найват на негнущихся ногах направился к выходу из зала, туда, откуда доносятся звуки, звуки из сна, звуки, которые вырываются из мертвенно-синих губ людей с чернильными безднами вместо глаз.

– Мастер, смотрите! – крикнул Ренай и махнул рукой на освещенный багряным светом кусок стены.

Из щелей каменных булыжников, испещренных иероглифами, потекли слабые струйки крови.

Всё прекратилось так же быстро, как и началось. Найват обежал верхние этажи, заглядывал в каждую дверь, словно надеясь увидеть толпу безумцев во главе с седым чудовищем. Разумеется, никого он не нашел. Устав, вернулся в молельный зал и принялся ощупывать испачканные алой жидкостью стены. Это не могло быть ничем иным как хитроумным представлением! Всё ради того, чтобы испугать его, лишить рассудка, ослабить. Не на того напали!

Найват, обмакнув пальцы в бурую лужицу в углу, поднес к носу. В ноздришибанул странный тяжелый запах. Кровь, никаких сомнений. Но откуда? В щели между каменными булыжниками не пролезет даже острие ножа! Маг поднялся на ярус выше – в пустую залу, где жили

служки. Ползал по полу, искал потайные ходы. Тщетно. Мозги лихорадочно работали, выстраивали разнообразные теории. Начиная от отравленной еды и заканчивая скрытым трубопроводом в стенах, по которому злоумышленники и пустили ранее запасенную кровь.

Опыт подсказал, что простое решение чаще всего является верным. И потому Найват спустился в подземные кладовые, принялся заглядывать в мешки с зерном и вяленым мясом. Всего лишь щепоть какой-нибудь гадости – и сон и явь перемешиваются. Таким образом можно объяснить низкий гул и кровь из стен. Но, если ему все померещилось, почему не пропали алые подтеки на камнях? Однорукий! Это он всё подстроил. Найват прокрутил в голове события сегодняшнего дня. Утром выпил стакан воды и без энтузиазма съел тарелку вчерашнего холодного рагу... который приготовил и принес Ренай. Когда всё завертелось в молельном зале, кто был рядом? Ренай! Но...

Он же был испуган, как и я. Подстроил? Сомнительно. Галлюцинация на двоих? Странно.

Найват решил, что для начала выведет заразу из организма. Поголодает два-три дня. А пить будет... Проклятье! Вода, вероятно, тоже отравлена! Как поступить? Кипятить её, конечно же: высокие температуры убивают дрянь, как написано в трактатах целителя Хезмерля Тощего. И больше не прикасаться к местной еде – только свои сухари и вяленое мясо.

Татуированного придется связать. Теперь даже испражняться будет под присмотром. Нельзя давать никаких возможностей вновь подсыпать галлюцинаторных веществ.

А насчет сна...

Найват пожегился. Лишь о мысли, что кошмары повторятся, сердце сжимала невидимая ледяная рука.

Я не умру. Главное – не терять ясный рассудок.

На третий день маг все-таки уснул у себя в покоях, сев в углу и привалившись спиной к стене. Забытье сомкнулось над ним, как черная вода.

Идеально ровная дорога устремляется в бесконечность. Над ней по обе стороны смыкаются высокие, уходящие в гнойно-зеленые небеса стены ущелья. Кажется, будто с каждым пройденным шагом они все сильнее приближаются к нему, сдавливают. Вот уже плечами чувствуешь, как холодный влажный базальт царапает плечи, вот еще чуть-чуть – и придется идти боком в слабой надежде выйти из странного места. Воздух здесь спертый и сухой, как в давно не проветриваемом помещении, буквально заставляешь себя дышать. До ушей доносятся вкрадчивые шепотки, точно слабое дуновение ветра.

Найват иногда поднимает голову, чтобы разглядеть за плотными зелеными облаками солнце, но ничего не находит. Где он? В какой части мира? Неужели в священных горах Юшмадр? Или в Заветных горах? А, может, каким-то образом нелегкая занесла его на остров Эраль? Но неужели там небеса другого цвета?

Вдруг серые базальтовые стены стали прозрачными, точно стекло. И вот тогда настоящий страх охватил Найвата. Как осы, попавшие в янтарь, в породе застыли монстры. Птицеподобные твари с неестественно длинными конечностями, оканчивающимися загнутыми когтями, и длинными шеями – их лица устремлены в небо; ящеры, чьи тела покрывают страшные коросты, пасти раззявлены в молчаливом вое. Некоторые чудовища напоминают бесформенные нагромождения лап и мышц. Есть и обычные люди: многие из них сжимают в руках двуручные мечи и секиры. Тела закованы в мощные пластинчатые доспехи. Напуганные, отошавшие и... печальные. Объединяет воинов одно – у всех нет глаз.

Проглотив тяжелый ком в горле, Найват двинулся дальше, старясь смотреть на дорогу, а не на стены. Враждебность этого места давит на нервы, не отделаться от ощущения, что за каждым движением следят тысячи жадных тварей. Сколько ни старайся убедить себя – всего

лишь кажется, шалит разыгравшееся воображение, – ничего не помогает. Что-то изменилось и в восприятии: реальность разделилась на части – вот-вот тонкое базальтовое стекло треснет, – и тысячи тысяч голодных чудовищ накинута на него – порвут кожу, выпьют кровь, обглодают и сожрут кости.

Успокойся!

Взор то и дело цепляется за странные силуэты по обеим сторонам. Эти силуэты движутся вместе с ним – невообразимо странные, отталкивающие, наполненные яростью и нечеловеческой злостью... Во всем виноват Вор! Уже не верится, что он человек. Нет... Бог! Или кто еще страшнее. С ним не удастся справиться. Никогда-никогда не удастся! Ведь он умеет менять реальность, находит противоречия в картинах мира школ и переписывает под себя. Только глупцы бросят ему вызов.

Хватит! Держи себя в руках!

Путь преградило чудовище. Седые пряди падают на лоб, длинные борода развеивается на несуществующем ветру, на серой рубашке-юбке чернеют пятна то ли от черной крови, то ли еще от какой-то гадости. Длинные многосуставчатые пальцы сжимают копьё. Бывший архимаг встал в боевую стойку. Лезвия-полумесяцы угрожающе сверкнули.

Наиват в один миг вытащил из-за спины полуторный меч.

Десять дней его мучили кошмары. Снова и снова приходилось сражаться с длинной тварью-архимагом в странном ущелье. Голодовка не помогла. Его глаза ввалились, под ними чернели круги от недосыпа, лицо осунулось, на лбу прорезалось несколько глубоких морщин.

На одиннадцатый день Найват принял решение...

Они остановились на вершине холма и, не сговариваясь, оба посмотрели на храм – с такой дали выглядящий маленьким и неопасным. Стены, башни и пристройки в ярком свете солнце-ока отливают багровым.

– Мы еще сюда вернемся, – сказал Найват. – Но сначала обратимся за помощью к ближайшей к нам школе. Пусть выделят Поющих.

– Да, мастер, – покорно согласился однорукий.

Ренай легко согласился покинуть монастырь, но с одним условием: его руки и ноги не будут скованы путами. Он не предатель и никак не связан с кошмарами. Найват ему поверил. Впрочем, в последнее время его голова работает не так хорошо, как раньше – мысли вечно затянуты туманом.

– Нужно еще узнать, что случилось с ушедшими от тебя храмовниками. Возможно, они расскажут что-нибудь важное.

– Вряд ли, мастер. Думаю, их тела давно предали огню. – Татуированный странно посмотрел на него, словно чему-то не верил. – Будьте осторожны.

– Никакие кошмары меня не остановят. Я знаю, что за всеми этими дешевыми трюками с кровью из стен стоят всего лишь заклинания. Нужно просто воссоздать ту систему магии, которую построил Вор. Долго дурить меня у него не получится.

– Как скажете, мастер.

Наиват растянул губы в широкой улыбке.

– Наконец-то кошмары закончатся, – облегченно сказал он.

Однорукий покачал головой. Его низкий безжизненный голос страшно прозвучал в тишине:

– Храм не отпустит. Теперь он будет с вами всегда. Пока рано или поздно не убьет. Убегать бесполезно, ведь ваша душа уже сожрана им. И неважно как далеко вы окажетесь от него. Кара неминуема.

Глава четвертая. Хен

Геткормея, леса близ Мореша

– И что дальше было с этим магом? – спросил Звон, подкинув в костер еще поленьев.

Ухмыляясь, Хен хитро обвел глазами команду. Сегодня удачный день: все слушают с интересом, задают всё новые и новые вопросы. Никто даже не вспоминает про Тощего, который ушел погадать в кусты да так и не вернулся.

– Ну, слушайте внимательно! В общем, этот колдун был весь из себя сурьезный, как бабка моя, когда у нее цыплят лисы крали. Худющий, под глазами такие мешки, будто и не спит совсем. Короче – настоящий Золотой Посох, а не какой-нибудь вшивый алхимик. И татуированные ученики у него такие же: кожа да кости, страшно посмотреть. Наши девчонки постоянно им жрачку носили да на сеновал звали...

Костер приятно потрескивает, язычки пламени танцуют на поленьях, а сизый дымок поднимается к верхушкам дубов. Лес готовится к предстоящей ночи и потому затих – ни тебе пения птиц, ни шуршания в кустах. За плотной листвой не видно ни звезд, ни луны.

– А татуированные молчат, на баб даже не смотрят. Это я потом узнал, что им колдун языки отрезал, дабы не выболтали чего важного.

– Ври да не завирайся! – воскликнул лежащий на боку Рыжий. – Как же тогда маг колдовать будет, если его помощники только бляеть и умеют.

Хен пренебрежительно махнул рукой, откусил кусок черствой лепешки, сказал, жуя:

– Ну... это... ты ф... пут... ешь...

– Чего? – не понял Рыжий.

Проглотив, Хен ответил:

– Говорю, ты путаешь! У магов школ-то много! И не везде татуированные говорить что-то должны! Некоторым только думать надо!

– О чем?

Сидящий рядом с ним Толстяк пнул локтем его в плечо:

– Пусть дальше рассказывает! Наплевать на этих помощников.

Растянув губы до ушей, Хен продолжил:

– Этот маг, парни, особые опыты делал! – Он наставительно поднял указательный палец. – С трупами копошился, мышей мучил, жаб потрошил – и все ради того, чтобы понять, как живые существа устроены! Мол, почему у этого кузнечика кровь желтая, а у собачки какой – красная? Загадка... Днями и ночами колдовал в полях, рисовал на земле непонятные знаки... А я всё видел, сидел в кустах и следил. Впрочем, когда вы у меня гостевать будете, порасспрашивайте местных: они тоже видели.

Слушая, Звон снял с вертела прожаренную мясную тушку и принялся резать её на толстые ломтики. По левую сторону от него лежат уже освежеванные кролики.

– В общем, – продолжил Хен, смачно рыгнув, – этот маг кое-что открыл, некое таинство превращения неживого в живое, которое обещало перевернуть весь привычный уклад мира! Как только все бы узнали о его положительных результатах, то сам царь снял бы со своей божественной головы золотую корону и в слезах бы отдал её колдуну!

Парни заулыбались. Кроме Лысого – тот перебирает в ладонях ягоды, которые вчера насобирал Тощий. Брови нахмурены.

– Заперся этот маг с учениками в амбаре, что стоит рядом с домом, который арендовали у наших Золотые Посохы. И не видел их никто целых семь дней! На восьмой маг вышел...

Хен замолчал.

– Ну, – сказал Мирт, глядя козлиную бородку.

– Не томи уже! – бросил Рыжий.

– На восьмой день маг вышел... И вместо лица у него красовался зад!

Команда разразилась смехом. Бедняга Звон едва не выронил вертел с нанизанным кроликом, Толстяк, закрывая ладонью глаза, противно захрюкал, а Рыжий, трясясь, полностью лег на землю – хохочут все, кроме Лысого.

– Здоровенная такая мужская жопа! – воскликнул Хен, помахав ладонями перед собой. – Волосатая и прыщавая! Наши местные, как только увидели его, тут же принялись ржать и показывать пальцами! А бедняга мычит, ничего сказать не может. Ученики его смущались, равно как и остальные маги. Вскоре того несчастного отправили обратно в Эшкиат, откуда он и прибыл..

Довольный собой он, ухмыляясь, прислонился спиной к стволу дуба, сплюнул в траву.

Когда хохот чуть затих, Лысый хмыкнул и заявил спокойным тихим голосом:

– А наш Тощий-то сожрал срань-ягоду.

Снова взрыв смеха. Любой деревенский в курсе: маленькие гроздья красных ягод, растущие на пышных низкорослых кустах, есть нельзя – иначе у тебя расстроится желудок. А если с ними переборщить, то вообще можно стать частью Плаща Смерти Сеетры. Хен всё утро наблюдал за тем, как парнишка тайком то и дело бросал в рот красные ягодки, но никому ничего не сказал, пусть будет уроком – да и весело же!

Кусты возле Звона зашевелились, из них показался ошалелый Тощий. Глаза безумные, нижняя губа дрожит, кожа бледная как у трупа, штаны спущены. Хен раскрыл рот от удивления. На несколько бесконечно долгих мгновений повисла абсолютная тишина, нарушаемая лишь скрипом деревьев. Вся команда уставилась на голого паренька.

Тот обиженно затараторил:

– Я-штаны-спустил-сходил-по-нужде-думаю-пора-возвращаться-лист-ближайший-сорвал-и-подтер-а-потом-как-защипало-я-закричал-но-никто-не-пришел...

Дальше его никто не стал слушать. Кто-то повалился на траву и принялся кататься от смеха по земле, бить кулаками. Кто-то, став красным, как спелый помидор, обхватил голову руками. Кто-то, смахивая слезы с глаз, согнулся над костром. Хен сам не смог удержаться и его едва не разорвало от хохота. Съеденный кролик попросился обратно.

Ошарашенный Тощий, не рассчитывавший на такую реакцию, обиженно натянул штаны и, мямля, убежал обратно.

Отсмеявшись, Мирт, их командир на время задания, бросил Рыжему:

– Верни пацана. Тот дурак, конечно, но будет обидно, если попадет в неприятную ситуацию. К тому же скоро темнеть начнет. И расскажи ему, наконец, что можно жрать в лесу и чем подтираться! Не хватало еще из-за него отстать.

Вскоре все успокоились и начали готовиться ко сну. Оставшееся мясо распихали по мешкам, проверили оружие и обувь, помолились Великому Баамону, дабы тот ночью не проглотил мир. Первым в дозор поставили Хена, но он не стал жаловаться – спать все равно не хочется, да и череп пухнет от мыслей.

Стемнело. Мрак настолько плотный, что кажется, будто его можно потрогать. Стало зябко, даже шерстяной плащ не греет. А костер как назло затих, одинокие язычки пламени облизывают последние черные головешки. Подкидывать дрова командир запретил, хотя Хен и не понял почему. Где-то рядом охнул филин.

Парни посапывают прямо на голой земле, кутаясь в плащи. На утро кости заломят так сильно, что станет трудно ходить. Но лучше уж так, чем жить в палатках. После пожара гушарх – пусть демоны сожрут его души! пусть бог-обезьяна Ифоотра насыт на черные доспехи! пусть член отвалится! – приказал всем новобранцам поселиться за городской стеной. И дни напролет он только тем и занимался, что мучил солдат, убивал. Каждый вечер повозки, груженные мертвыми телами, катили в сторону леса...

Из темноты вышли Рыжий и Тощий. Последний молча лег у кустов, скрючившись в позе зародыша. Тело его сотрясает от дрожи. Мужчина же, кивнув Хену, накиннул плащ на Тощего, что-то шепнул ободряющее и сам повалился спать. Бодрствовать остались Мирт и Лысый – оба начищают клинки до блеска.

Перед мысленным взором возникла картина горящих казарм. Вот яростное и ревущее пламя сжирает сухие деревянные стены и крыши, вот гушарх в блестящем черном доспехе молчаливо взирает на происходящее – и никто-никто не пытается потушить пожар, все лишь смотрят. Через несколько дней Хен посетил пепелище в слабой надежде отыскать припрятанные деньги. И ничего не нашел. Столько месяцев труда ушли впустую! Теперь вообще неизвестно, будут ли что-то платить!

И какие дальнейшие действия? Бежать? Еще ни одному дезертиру не удалось скрыться от следопытов капитана. Один, двое, десятеро – не важно, их всех приводили обратно и прилюдно вешали. А тела, источая мерзкие запахи и распухая, гнили на стенах днями и ночами в назидание остальным...

– Ты чего грустный? – оторвал от мыслей севший рядом с ним Мирт. – О девках мечтаешь?

– Как думаешь, почему гушарх такой? Я вот всё не могу понять одну вещь: если наш прошлый тунолар-капитан знал о суровых нравах Черного, то почему даже не попытался что-либо изменить? Он же стоял пьяным перед ним!

– Насколько я знаю, – сказал Мирт, бросив в рот сухие листья зверотравы, – характер Черного изменился недавно. Среди солдат ходят разные слухи, поэтому однозначно ответить тебе не могу: то ли у него жена умерла при родах, то ли он сошел с ума после того, как поговорил с пленником из пустыни, то ли курит наркотические травы – не знаю. Но раньше Черный таким не был.

Хрустнула ветка где-то неподалеку, Хен боязливо оглянулся.

– Завтра мы выйдем из леса и доберемся до места, – сказал Мирт, вздохнув. – Хорошо отдохнули, да? Ни тебе тяжелых тренировок, ни избиений, ни безумных испытаний. Все живы и здоровы. Кроме Тощего, конечно. – Он хохотнул. – У того зад еще долго будет гореть. Это же надо додуматься!

– Будем первыми? – спросил Хен.

– Ну, нам дали пять дней, а мы справились за три – так что... да, будем. Хотя и не стоит загадывать раньше времени. Знаешь, я вот немного тревожусь.

– Из-за чего?

Мирт сплюнул траву.

– Сам посуди: обычно нам давали сложные, я бы даже сказал, безумные задания. Всегда лилась кровь, и кто-то погибал: то нас обстреливали, то бросали на конницу, то обливали горячим маслом. Делали всё, чтобы мы поскорее сдохли. А тут такое: делят на пять команд и отправляют в лес. Мол, просто доберитесь раньше всех – да это же увеселительная прогулка какая-то! Не-е-ет, парень, нечисто что-то тут.

Командир принялся поглаживать густую черную бороду, в которой уже появилось несколько седых прядей – Мирт старше остальных новобранцев.

– Думаешь, нас ждет на месте сам Черный? – спросил Хен.

– Не. Скорее всего, встретим пехотинцев из личной гвардии гушарха.

– Зачем их вообще выставлять на границах рощ? Глупость какая-то!

Закончив точить меч и спрятав оружие в ножны, Лысый громко зевнул, пустил газы и улегся спать.

– Слишком много дезертиров в последнее время, – ответил на вопрос Мирт. – Особенно после заявления Черного, что все деньги новобранцев теперь будут у него. Люди не доверяют ему, поэтому эвпатридам пришлось изгольнуться. Но скоро всё изменится.

Брови Хена удивленно поползли вверх.

– Это почему?

– Скоро нагрянет многотысячная армия царя, парень. И мы все отправимся уничтожать пустынных. Станет полегче, уверяю.

Вновь где-то поблизости ухнул филин.

Командир хлопнул ладонями по коленям и сказал:

– Ладно, разболтались мы. Мне надо немного поспать. А завтра... завтра наша блаженная жизнь закончится – будем вновь месить дерьмо и грязь.

Утром они вышли из рощи: массивные дубы расступились, впереди, насколько хватало глаз, зазеленело травянистое поле, шапки листвы и скрюченные ветки сменились голубым небом над головой. После стольких дней, проведенных в лесу, команда неуютно ежилась и вертела головами.

Пытаясь разрядить гнетущую атмосферу, Хен начал:

– А вы задумывались над тем, сколько одинаковых прозвищ у нас? Я знаю минимум троих Рыжих, шестерых Тоших, десять Лысых и, наверное, сотню Толстых! Представьте, как какой-нибудь гушарх-капитан решит разделить солдат на фаланги, в которых будут только одни Щербатые, одни Болтуны и одни Коротышки!

Никто даже не улыбнулся. Впереди, у нитки дороги, показались три черные палатки. Хен насчитал девятерых харист-пехотинцев – все при полном параде, в бронзовых кирасах, в кожаных юбках и в сапогах до колен. У каждого на поясе висят ножны с коротким прямым мечом и глухой шлем с наносником.

– Глядите, а мы не первые! – Рыжий махнул рукой в сторону пехотинцев.

И правда: у палаток сидит команда Одноглазого. Парни перепачканы в грязи, хохочут, передают по кругу флягу.

– Нашли более короткий путь! – в сердцах бросил Мирт. – Вон какие рожи черные! Видать, через болота срезали.

– По-любому смухлевали, – заметил Звон.

– Просто повезло, – сказал Толстяк, тяжело дыша.

Они направились к харистам. Те удостоили их хмурыми взглядами и ехидными улыбками. Один из них – два длинных белых шрама на лбу и щеках, массивная челюсть, нос-картошкой – двинул к ним на встречу. Его серебряный обруч на голове ярко поблескивает в солнечном свете.

– Здравствуйте, господин! – поприветствовал Мирт.

– Кто такие? – без единой эмоции спросил солдат.

– Серая команда. Думали, будем первыми, а нас уже, оказывается, опередили!

Мирт растянул губы в широкой улыбке.

Пехотинец никак не отреагировал.

– Умершие или раненые есть? – сухо спросил он.

– Нет, господин.

Пока капитан и харист разговаривают, Хен посмотрел на пришедших первыми – и нахмурился: те больше не смеются, поднялись с травы, лица вмиг посуровели, ладони легли на эфесы коротких мечей.

Что происходит?

В воздухе повеяло недобрым холодом. Некоторые из команды Одноглазого подошли к солдатам.

А затем блеснули клинки и полилась кровь. У харист-пехотинцев не было ни единого шанса спастись: они не воспринимали новобранцев как угрозу, а потому не ожидали удара

в спину. Хен застыл как изваяние: вот одного из солдат схватили за плечи, острый клинок расчертил на его шее кровавый рот, вот в ухо другому вонзили остро заточенное шило...

За несколько мгновений всё закончилось – восемь бездыханных пехотинцев лежат в траве, истекая кровью.

Харист, который разговаривал с Миртом, резко обернулся, вытащил меч из ножен. Убийцы тут же окружили его.

– Бросай оружие и выживешь, – приказал широкоплечий мужчина в грязной серой тунике – Одноглазый.

Не проронив ни слова, харист бросился в атаку.

Не успел он сделать и двух шагов, как на него накинудись новобранцы, повалили и закололи – яростно, с веселыми криками, словно попавшего в капкан волка. Хен насчитал у того не меньше двадцати рваных ран на руках и ногах.

– Вот так мы поступим с каждой мразью, что мнит себя выше нас! – заявил Одноглазый и тыльной стороной ладони убрал крупные капли пота со лба.

Хен встал возле Мирта, остальные из команды оказались рядом.

– Можете расслабиться – мы вам ничего не сделаем, – сказал предводитель другой команды, однако не спешит убирать короткий меч в ножны. По клинку к гарде медленно стекает кровь.

– Зачем вы это сделали? – спросил Мирт.

– Чфах! У нас не было иного выхода, брат! Мы собираемся бросить эту проклятую армию – пусть этот обоссанный демонами гушарх командует пустотой! Я не хочу подышать из-за больного ублюдка, чфах! Ты же сам знаешь, как тяжело нам сейчас живется. Монеты когда в последний раз видел? Вот и я о том же, я больше не могу!

Люди Одноглазого поддержали его одобрительными криками.

– Ты не ответил на мой вопрос, – заметил Мирт.

– А ты за одно с этими плешивыми собаками, что ли? – бросил тощий паренек с редкой свалывшейся бородкой.

– Чфах, нам уходить надо, – сказал Одноглазый. – Вы с нами, доходяги?

– Вы могли бы просто связать пехотинцев, а вместо этого обрекли и себя, и нас на долгую и мучительную смерть! Вы лучше меня знаете, что еще никому не удалось сбежать от Черного!

Откинув голову, Одноглазый залиvisto засмеялся:

– Мы все продумали, брат: действуя сообща, доберемся до Красной речки, перейдем её вброд, а там разойдемся. Ни один пес не учует наш след, чфах!

Мирт скривился, покачал головой:

– Не стоило убивать стражу. Теперь гушарх бросит все силы, чтобы найти вас. Ты понимаешь? Твой план не сработает – и бежать бессмысленно. Долго ли сможете прятаться в лесах? Рано или поздно вернетесь домой... И вас схватят.

Хен захотел убедить себя, что перед ним стоят враги, кровожадные убийцы, не знающие пощады, но не получилось. В грязных, оборванных людях он видел отражение своих страхов.

– Чфах, то есть ты согласен и дальше лизать зад гушарху? – спросил Одноглазый. – Будешь, точно псина, выполнять любые его приказы? – Он оглядел Лысого, Рыжего, Звона, Тощего. – У вас дряной командир, парни! Предлагаю в последний раз: идите со мной.

Повисла тяжелая тишина. Все напряжены, ладони лежат на эфесах мечей, воздух загустел и наполнился тревогой.

– А если мы откажемся? – спросил Мирт.

– Чфах! Тогда мы...

Лысый точным уверенным движением бросил кинжал в Одноглазого. Тот замер, коснулся дрожащими пальцами торчащей из шеи рукояти оружия. Кровь брызнула изо рта.

Началась резня.

Хен сел на бревно, бросил меч в траву и обхватил руками голову. Тело сотрясает нервная дрожь, в солнечном сплетении будто копошится крыса, мерзко скребется когтями, в горле засел мерзкий ком. Сейчас бы оказаться где-нибудь за много-много стадий отсюда – неважно где. Чтобы закричать во всю мощь легких, чтобы упасть на землю и расплакаться, чтобы не видеть всего этого кошмара. Но приходится быть здесь.

У нас не было другого выхода.

Он поднял голову. Мертвецы валяются у черных палаток – там, где произошла схватка. Кровь повсюду, обагрывает шеи, животы, ноги, стекает на зеленую траву. Лица кривятся в беззвучных криках, в них боль и отчаяние.

Лысый и Рыжий ходят от тела к телу, ищут ценное.

В двух шагах от Хена скрючился труп Одноглазого; слабый ветерок треплет его длинные волосы, чуть ниже подбородка торчит рукоять кинжала.

Вдруг легла чья-то тень, раздался тяжелый вздох.

– Ты как? – спросил Мирт, сев рядом. Голос его донесся словно издалека. – Не ранен?

Хен пожал плечами.

– У тебя шок, это пройдет, парень, – командир взъерошил свои волосы. – Тяжелый день, да? Хорошо, что мы отделились лишь испугом...

– Зачем? – перебил Хен и посмотрел в льдистые глаза Мирта.

Увидел там целую гамму чувств – грусть, сожаление и... страх.

– Не понял тебя, парень.

– Зачем их было убивать? – Каждое слово приходится буквально вытягивать из себя. – Не было другого способа?

– Ты должен благодарить Лысого: если бы он не нанес удар первым, то... Сам понимаешь. Команда Одноглазого не оставила бы нас живых.

Хен кивнул, сжал кулаки – до боли, до хруста, ссутулился; на плечи будто взвалили тяжелый булыжник.

– Парень, мне жаль, что тебе пришлось участвовать в этом, – сказал Мирт, нахмурившись, – но иначе нельзя было поступить. Будем надеяться, что Черный не решит нас повесить за ребра. Объясним ему суть конфликта и... Ну, не чудовище же он, должен понимать?

В небе закружилось воронье. Солнечный шар застыл в зените, отчего тени практически исчезли.

– Лысый молодец, – повторил Мирт, убеждая себя. – Сам бы я не смог первым ударить...

– Во всем виноват гушарх, – уверенно сказал Хен. – Эти бы люди не стали убегать, если бы их не приперли к стенке. И мне их жаль. Последний месяц над нами только и делают, что издеваются. Я ненавижу Черного.

– Понимаю... Нам остается только принять это всё. Ничего не изменить – мы уже на войне, парень, просто еще здесь, дома, но на самом деле – нет. Наверное, путанно говорю, да?

Хен покачал головой, отвечать не стал. Так они молча и сидели, думая каждый о своем...

Глава пятая. Хара

Великий Карлаг, джунгли

Уже на третий день путешествия затылок начал нестерпимо ломить от такого количества зелени перед глазами. Хара поймала себя на мысли, что отдала бы половину монет лишь бы сменить ненавистный вид. Все эти дурно пахнущие растения, колючие кусты и пугающие высотой деревья – лучше сразу убейте! К тому же не отделаться от ощущения, будто в листе за тобой кто-то следит. Именно поэтому она предпочитает морские путешествия: водная гладь настраивает на мудрые рассуждения, дарит свободу; соленые брызги и слабый бриз приятно остужают лицо. Здесь же, в джунглях, душно до звона в ушах, а в голове ни одной дельной мысли.

Но хоть на дороге ничего не растет, трава боится её и обходит стороной. Пусть местные и недолюбливают магов, но благодаря им по джунглям можно свободно передвигаться. Страшно представить, как бы пришлось с боем прорываться через непроходимую стену зелени, никакие кони и тележки не прошли бы...

Кобыла досталась смиренная: идет куда скажут, ест что дают – никакой спеси. К тому же красавица: белая, точной снег в начале года, с густой холкой, мускулистая, хотя и с ногами-спицами. Будет жаль расставаться в Оранеше.

У её охранников лошади не такие статные, темно-буланые в яблоках. Глупые и строптивые твари. Столько головной боли от них за последние дни: то повозку-клетку не хотят тянуть, то до крови укусят кого-нибудь из её людей, то попытаются скинуть всадника.

Хара вытерла шелковым платком пот со лба. *Попробуй отвлечься от ненавистной жары, милая.*

– Наш мир проглотил Великий Баамон, – начала она, окинув взглядом детей в повозке-клетке. – Звезды – блеск его зубов. А солнце – небесное око.

Никто из детей даже не шелохнулся, не повернул голову в её сторону, но это нормально. Она знает, что они хотя бы слушают – уже хорошо. Конечно, страх еще не прошел, нужно гораздо больше трех дней, чтобы ребята начали доверять ей. Однако Хара постарается объяснить, кто она, куда они направляются и где будут жить. Разумеется, не сразу – детей нужно подготовить.

– Никто не знает, как выглядит верховный бог. Некоторые народы представляют его как огромную многоглазую обезьяну, некоторые – как человека, а некоторые вообще сомневаются, что у Баамона есть физическое обличье. Истина скрыта. Известно одно: некогда бог сожрал вместе с нашим миром чудовищ. Огромные мерзкие твари боролись друг с другом и охотились на людей, получая огромное удовольствие от издевательств.

Она обтерла платком лоб, щеки и подбородок. Приметила, как одна из девочек – худенькая Яла – как бы невзначай подвинулась поближе к решетке.

– У нашего верховного бога три сына и одна дочь: Виистеп, великий змей, обитающий в небесах, от дыхания которого рождаются облака, Сипуун – смерч, созданный для уничтожения чудовищ, Теетоп – многоликий бог, у него на одной голове лицо седобородого старца, морда лошади, морда слона и верблюда, и Жаатра, Бронзовая Царица, посланная людям, чтобы она управляла нами, как пастух – овцами.

Она замолчала, давая время переварить услышанное. Взгляд упал на клейменного: на руках и ногах тяжелые оковы, соединенные между собой массивными цепями, на голове – холщовый мешок. Паренек сидит в углу клетки; остальные ребята стараются его избегать, даже коснуться боятся. Его одежда уже грязная и потрепанная, хотя перед тем, как отправиться в путь, Хара лично купила всем новые рубахи-юбки.

Вспомнив зачем пришлось надеть мешок на голову клейменного, она тяжело вздохнула. Знак на лбу привлекает слишком много внимания. Чего стоит тот случай у городских ворот в Миокмее: стражники долго не хотели выпускать «лишенного души» и предлагали «собственноручно избавить хозяйку от бессмысленного груза». Половина золотого таланта их, конечно, в этом переубедила, но, чтобы избавиться от будущих неприятностей, Хара решила спрятать клеймо.

– И вот вы сейчас думаете: каким образом связаны мои слова про Великого Баамона, его божественных детей и проглоченных мерзких чудовищ? – спросила она, стараясь не думать об опасном звереныше. – Вы ничего не понимаете, всё вам кажется бессмысленным, да? Но вот что я скажу: иногда самые мало-мальски несвязанные события переплетаются самым невероятным способом и рождают потрясающие сказки и легенды. Советую послушать, сейчас пойдет речь о храбром мальчике Лурчине.

Дживат, поглаживая холку кобылы, как бы случайно приблизился к Харе, остальные охранники прислушались. Лишь дети продолжают делать вид, будто её слова их ничуть не интересуют: кто-то наблюдает, как муравьи ползут по решетке клетки, кто-то дожевывает лепешку, доставшуюся на дневном привале.

Поблизости заголосили попугаи.

– Давным-давно, в эпоху, когда люди еще не расселись по всей земле, на деревушку, где жил мальчик Лурчин, напали чудовища и перебили всех её жителей – детей, мужчин, женщин, даже стариков. Лурчина эти мерзкие твари не стали убивать, решили оставить себе. Но тем ужаснее стала его судьба: каждый день от бедняжки отрывали кусочек плоти и жадно сжирали! В первую ночь отгрызли один палец на руке, во вторую – другой, в третью содрали кожу.

Один из малышей попытался что-то спросить у девочки-рабыни, но та лишь раздраженно отмахнулась. Хара мысленно улыбнулась. Детям интересна её история.

– Не смог Верховный Баамон видеть, как страдает Лурчин, – продолжила она. – Созвал сыновей, дочь, приказал спасти Лурчина и привести в великий Миттурат – город в горах. Первым на помощь отправился Виистеп, Мудрый Змей – под покровом ночи атаковал логово чудовищ. Ох, как страшен был его рык тогда, какое сильное пламя вырывалось из его глотки! Но ни одна проклятая тварь не погибла: монстры лишь разбежались по норам! Мальчика же, раненного и изможденного, спасли! Посадил его Мудрый Змей себе на спину и полетел к горе Юшмандр – туда, где жил его брат, бесчувственный Теетоп.

Хара замолчала, повернула голову назад. Её крытую повозку тащат три лошади – да и то с трудом. На четверть скрытые в чавкающей грязи колеса тяжело скрипят.

– А что дальше случилось? – нетерпеливо спросила одна из девочек-рабынь.

Хара ответила:

– Великий Змей оставил Лурчина на самой высокой вершине гор и улетел. Затем в дело вступил Теетоп Многоликий: вернул мальчику пальцы, вылечил от ран. Однако у бога был один серьезный недостаток – он не обладал чувствами. Его не трогали чужие страдания, он не любовался закатами, не злился и не радовался. В общем, немногим отличался от валуна.

Клейменный пошевелился, повернул голову в сторону Хары. Неужели тоже слушает?

– Как только выполнил приказ Великого Баамона, он перенес мальчика подальше от своего дома и бросил, – продолжила она. – Не подумал, что чудовища, спасшиеся от гнева Виистепа, унюхают след жертвы и любой ценой решат вернуть её. В этот раз Лурчин смог несколько дней убежать от преследователей. Да, ему было страшно, колени тряслись, а сердце билось испуганной птицей, но он не хотел вновь оказаться в лапах мучителей. К тому же судьба ему благоволила.

Представив страшную картину, рабыня Яла сжалась, точно испуганный щенок. *Милая малышка! Я бы отдала бы всё богатство, чтобы вновь видеть так, как видят все нормальные люди.*

– Вскоре его, усталого и измученного, нагнали чудовища, – сказала Хара. – Взяли в кольцо. Казалось, шансов спастись не было, но запахло жасмином, низко запели горы и налетел сильный ветер. Откуда ни возьмись появился огромный смертоносный смерч – третий и последний сын Баамона, Сипуун. Он разорвал мерзких тварей в мгновение ока, не тронув, конечно же, Лурчина. Бог-смерч подхватил с помощью ветра мальчишку и понес к единственному на тот момент городу людей.

– Ура! – воскликнул один из рабов.

Сейчас, когда дети в одной одежде и с одинаковыми прическами, их очень сложно узнавать, но путь, похоже, предстоит долгий, еще будет время всех запомнить.

– Три дня и три ночи Сипуун летел с Лурчином к Миттурату, – перешла к заключительной части Хара. – И, наконец, когда вдали показались высокие шпили башен, бог-смерч опустил мальчишку на землю, а сам бесследно исчез в ближайшем ущелье. Лурчин, не веря своему счастью, добрался до больших городских ворот, где его и встретила Жаатра, Бронзовая Царица, первая предводительница людей. Она поселила мальчишку у себя в замке.

Когда она закончила рассказывать, наступила тишина, нарушаемая лишь гомоном птиц, чавканьем копыт по грязи и скрипом колес повозок. Рабы замерли, уже большинство смотрят в сторону Хары, ожидая услышать еще историю из глубокой древности, когда монстры кишмя кишели на материке, а боги жили среди людей и помогали им.

– Мораль этой сказки такова, дети...

Клейменный засмеялся – громко, зло, с надрывом. Он прислонил голову к решетке; тело затряслось, как у лихорадочного; оковы на руках и ногах зазвенели. Его скрипучий, режущий уши смех чуть заглушает холщовый мешок, но все равно звучит издевательски громко.

Едущий рядом с повозкой-клеткой охранник ударил кулаком по решетке:

– А ну заткни пасть!

Маленький звереныш, продолжая хохотать, даже не обратил на него внимание. Хара подняла руку, приказывая своим людям никак не реагировать на злую выходку. Она справится сама.

– И что же тебя так рассмешило?

– Ты, сука!

Услышав грязное ругательство в сторону настоятельницы, двое из охранников потянулись к мечам, висящим на поясах. Дживат рыкнул, и те тут же убрали руки с эфесов. Он повернул голову в сторону Хары, та растянула губы в широкой улыбке, пытаясь дать понять, что всё под контролем. Хотя после ответа звереныша уверенности поубавилось.

– Тебе бы стоило почистить рот, раб. Но я же понимаю: ты пытаешься меня спровоцировать. Хочешь, чтобы я начала злиться. У тебя ничего не получится.

– Да мне насрать, стерва! В твоей пустой башке гуляет ветер, это даже доказывать не надо. Поэтому не старайся выглядеть умнее, чем есть на самом деле!

– Тебя так разозлила сказка? Не понравилась? Или не веришь в богов?

– Я хочу, чтобы ты ножом отрезала себе уши и сиськи, а потом трахнулась с десятью толстыми мужиками! – Клейменный показал пальцами неприличный жест. – Такие суки, как ты, не должны долго жить! Твой удел – сдохнуть в выгребной яме!

Хара промолчала. *Сейчас этот гаденыш оскорбил тебя на глазах твоих людей. Осуди его.*

– Я ведь могу перестать кормить тебя, раб, – заметила она. – И поить.

Звереныш хохотнул.

– Мне плевать.

– И не боишься сотни ударов плетью? Например, мой охранник Зел может поквитаться с тобой. Помнишь, как сломал ему руку, когда попытался удрать из моего дома?

– О, это тот тупой остолоп! – воскликнул мальчик. – Было за радость сделать ему больно. Но я его еще пожалел, мог бы и убить, но торопился...

Хара приказала остановиться. Скрип колес повозок прекратился, всхрапнули лошади. Охранники демонстративно делают вид, что деревья и летающие над головой попугаи им гораздо интереснее, чем конфликт настоятельницы и звереныша-раба. Только Дживат позволил себе повернуть кобылу к клетке-повозке. Он никак не выдает свое волнение – спина прямая, голова гордо поднята, ладони лежат на коленях, – но Хара уверена: сейчас у него внутри всё кипит от гнева. Стоит ей только взмахнуть рукой, и с мальчиком будет покончено.

Остальные дети-рабы прижались к прутьям решетки. Кто-то побелел от страха, кто-то принялся нервно тереть ткань рубахи-юбки.

– А может, вообще отдать тебя на растерзание моим стражникам? – продолжила вслух размышлять Хара. – Как думаешь, что они с тобой сделают? Побьют? Не-е-ет, это кажется слишком... простым. Ты ведь знаешь, насколько изобретательны могут быть воины в желании отомстить?

– Пугай дальше своими смешными угрозами, стерва!

Хара пожала плечами.

– На самом деле я ничего тебе не сделаю, раб. Можешь дальше лаять и кусаться – мне всё равно. Ты слишком мал и глуп, чтобы представлять серьезную опасность.

– А вот твои убудки с этим не согласны!

– Твоя жизнь изменится. Запомни мои слова.

Она хотела было уже пустить кобылу вперед, когда клейменный вдруг бросил:

– Как хорошо играть роль доброй купчихи и не вспоминать о родных.

– Что? Что ты сказал?

Она замерла, по спине пробежался холодок. *Звереныш слишком хорошо говорит для двенадцатилетнего раба, всю жизнь не знавшего свободы. Тут замешан Метин?*

– Ты их забыла, бросила, а они, между тем страдают... точнее – страдали, – клейменный громко захохотал. Его голос вдруг изменился. – Ара, нам нечего есть. Наши дети... Я принял решение: сегодня вечером отправлюсь в лес вместе с Наином. А потом, когда уйдем достаточно далеко, убью его. У нас будет мясо, Ара! Наш сын все равно умрет. Он хилый, с первых дней только и болел!

Хара не сразу поняла, что перестала дышать. Пальцы намертво впились в переднюю луку седла.

– Густая похлебка, стерва. Очень вкусная и жирная! – воскликнул звереныш. – О! Твои остолопы ведь не знают, да? Никто не знает! Даже там, куда ты нас везешь. Для них ты просто добрая тетушка, хе-хе-хе.

– Ты... лжешь.

Клейменный резко вскочил, подполз поближе к Харе, вцепился руками в прутья. На его костяшках пальцев чернеют разводы грязи. Звякая, на кистях качаются цепи.

– Да ну? Плохая сука... Врущая сука...

В голове, как крыса в тесной клетке, забилась мысль: *«откуда он знает?»*

– Госпожа, нужно уговорить раба, – сказал Дживат.

Хара отрицательно помотала головой.

– Я не знаю никого с именем Ара.

– Братья и сестрички очень переживали, когда их золотце убежало, – затараторил звереныш. – Искали в лесу, облазили каждую улицу в городишке. Ничего. Наверное, золотце пошло купаться на ближайшую речку и утонуло, хе-хе-хе. Но в глубине души они поняли: золотце убежало. Ведь тяжело жить в бедности, хе-хе. Гораздо лучше стать подстилкой и ночной услугой для торговца, отправляющегося продавать коровью кожу в крупный город.

Ложь! Ложь! Ложь! Хара едва не выпала из седла, лицо исказила кривая ухмылка. Всё происходящее в один миг стало напоминать кошмар. То, что она глубоко спрятала в себе и решительно забыла, всплыло. И кто ей об этом рассказывает? Вшивый раб! Маленький вонючий убийца! Очень давно, когда она только-только поселилась в обители, Хара каждый день боялась, что вот сейчас к ней подойдет настоятельница или близко приближенная к ней и раскроет её страшный секрет. Но летели месяцы, годы, а тайна оставалась тайной. Ровно до этого момента.

Мысли логически! Не иди на поводу эмоций! Рабу рассказали о твоей прошлом, поэтому он сейчас и лезет из кожи вон, чтобы сделать больно, уязвить. Наверняка здесь замешан Метин.

– Твои рассказы про веру никого не убедят, – сказал клейменный. – Дети сдохнут, как сдохли те, кого удалось тебе спасти. Поведать об их судьбе, стерва? Я мно-о-огое знаю!

– Давай, поведай нам, – согласилась Хара.

Звереныш на несколько мгновений замолчал, ласково провел пальцами по решетке. Хотя его лицо скрывает холщовый мешок, появилось отчетливое ощущение – раб растянул губы в широкой улыбке.

– Скоро всё закончится, – он резко переключился на другую тему. – Для всех, толстуха. Мир затопят реки крови, а из небес полетит огненный дождь. Ничто не остановит надвигающуюся беду. А я буду радоваться, хохотать и плясать на ваших трупах. О, я жду не дождусь, когда наступят эти сладкие времена. Боги не спасут вас, хе-хе-хе.

Неожиданно для самой себя Хара засмеялась. Не рассчитавший на такую реакцию клейменный застыл, обнимая металлические прутья.

– Что смешного, сука?

– Твоя ограниченность, мальчик. Кажется, я поняла, кто ты такой. Метин разыскал какие-то лживые слухи про меня и накормил тебя ими. На какую реакцию он рассчитывал, а? Что я забьюсь в истерике? Или перережу себе горло ржавым кинжалом? Болван! Я ни услышала ни единого слова истины. Можешь и дальше пытаться меня задеть, мальчик. Что он тебе пообещал? Свободу? Нет, вряд ли. Быструю смерть? Это тогда ты в городе к купцу сбежал?

Хара расслабленно выдохнула, расправила плечи и отпустила верхнюю луку седла. Все-таки Метин как-то замешан в этой странной истории. На миг она поверила, что с ней разговаривал не изувеченный болью и тяжелой жизнью мальчик, а чудовище. Демон. Никому не удавалось узнать о её прошлой жизни столько сведений.

– Молчишь? – спросила Хара, не скрывая издевки в голосе. – Я же попросила поведать тебя о судьбе моих, как ты выразился, учеников. Давай! Я слушаю.

Звереныш не ответил, встал в центре повозки-клетки, прячась в тени. Кобыла Дживата испуганно всхрапнула, дернулась, едва не скинув седока. Остальные лошади тоже забеспокоились. Несмотря на жару, налетел порыв ветра, холодный, резкий как пощечина. Хара нахмурилась, в ноздри ударил запах гнили.

Джунгли смолкли – ни криков зверей, ни шелеста листьев.

– Твоя вера слаба, толстуха, – заявил клейменный. – Боги отвернулись от старой жирной суки. А Сеетра наложила проклятье, которое не дает тебе спать по ночам, мучает кошмарами. Тяжело ли жить той, кто не различает лица?

Хара остолбенела.

Дживат спрыгнул с кобылы, подскочил к клетке и снял мешок с головы звереныша. Хара была убеждена, что сейчас увидит мерзкую морду демона с клыками, слюнявой пастью и сияющими черным светом глазами, как на древних фресках. Но, конечно же, не смогла рассмотреть лицо – лишь серая клякса. Клейменный обмяк и, потеряв сознание, распластался на деревянном настиле.

Ощущение кошмара, готового вот-вот раздавить сердце, исчезло.

Глава шестая. Релин

Город-спутник Юкнимея

Отпив терпкого вина из костяного бокала, он покачнулся, едва не потерял равновесие, но успел опереться локтями на мраморные перила балюстрады. Кажется, это не ускользнуло от взглядов не только охранников и Хжая, но и рабов внизу. Наплевать, он тут господин всего и вся! Имеет право выпить на вечер грядущий. К тому же в этой дыре все равно больше нечего делать, кроме как лакать вино.

– Тгон, может быть, вам стоит присесть, – завел привычную песню Хжай. – Выглядите...

– Паршиво? – спросил Релин, ничуть не злясь на помощника.

– Неустойчиво.

– Пожалуй, постою.

Он гордо выпрямил спину, осмотрел раскинувшийся перед ним городок. Отсюда, с господской открытой террасы второго этажа, всё выглядит презентабельно, даже богато: по обеим сторонам широкой дороги, вымощенной мраморными плитами, возвышаются двух- и трехэтажные здания, на их блестящих стенах нет ни единой трещины. Весь их вид будто говорит: здесь живут привилегированные люди, а не тупоголовая деревенщина. Домики тянутся до самых массивных городских стен, на которых от безделья маются стражники. Двустворчатые ворота закрыты. Впрочем, они всегда закрыты – в эти жаркие месяцы в пустыне не стоит ждать торговцев.

Идиллия, обосранные боги!

Вот только стоит свернуть с главной дороги налево или направо, как иллюзия презентабельности и лоска исчезает в мгновение ока. От сотен скособоченных хижин, сделанных из простой глины, защемит в груди, а при виде грязных рабов, коих здесь больше горожан в четыре раза, захочется оказаться за много стадий отсюда. Впрочем, жить в Юкнимее можно, хоть и сложно.

– Тгон, вы не должны отвлекаться. Командир ждет приказа.

– Я без тебя знаю! – бросил Релин, отхлебнув вина.

– В прошлый раз вы тоже так говорили. И заснули, когда рабов стали пороть!

– Я видел это сотню раз – ничего нового. К тому же это не помогает, люди только больше злятся.

Закатив глаза, Хжай сказал:

– Еще бы они не злились, великий тгон! Будь я на вашем месте, то всенепременно бы повесил двух-трех случайных илотов в назидание остальным. А еще лучше бы на глазах всего честного народа снял с них живьем кожу и повесил бы ребрами на крюки!

Релин с ног до головы оглядел мелкого помощника. И откуда столько злости в столь ничтожном лысеющем человечке? Весь такой из себя, щеки надул от напыщенности! Хжай – лишь слуга великого дома Льва, но одевается как господин: зеленый кафтан-халат, украшенный золотыми нитями, льняной тюрбан в тон, вычурные сандалии из тонкой кожи.

Выглядит он точно получше меня. Надо, что ли, рубаху-юбку надеть посвежее? А то на этой уже слишком много пятаков от вина и пованивает...

– Мы не варвары, чтобы устраивать столь изощренные пытки илотам, – сказал Ренай.

От количества выпитого всё расплывается и гудит в голове.

– Но они же хотят вас убить, тгон! – повысил голос слуга. – Напомнить, сколько они устраивали покушений за последние несколько месяцев? Четыре! И в последний раз им практически удалось добраться до вас! Если бы я не поднял тревогу, то неизвестно как бы всё обернулось, тгон! Немыслимо! Вы не должны быть столь беспечны! В конце концов, на кону ваша жизнь!

– Избавь меня от подробностей.

Солнечный шар, красный от жара, лениво ползет к закату, слепя глаза. Приходится щурииться, чтобы разглядеть происходящее внизу: на широком плацу, созданном на правой стороне от главного входа в дворец-башню, выстроились личные воины знатного дома. Яркие и броские доспехи полыхают огнем в свете уходящего дня, длинные копья направлены в небо. Солдаты как на подбор – мускулистые, подтянутые.

– И к чему все это представление? – недовольно спросил Релин, почесав кончик носа. – Нельзя было это сделать... хм, менее помпезно?

– Конечно, нет, тгон!

– Мы собираемся просто высечь провинившихся рабов! Это же выглядит смешно!

– Ничуть, – пробурчал слуга, убирая руки за спину.

В центре ряда воинов, в трех шагах впереди, стоит жилистый седой мужчина – боевой капитан. В левой руке у него скрученная черная плеть.

Капитан хмурится. Впрочем, у него всегда такое выражение, будто он командует не жалкой сотней воинов, а всеми аккаратскими фалангами. Релин однажды подслушал, как его личные стражники насмеялись над капитаном, говорили, что даже испражняться он ходит с хмурым лицом. Уж шуток капитан точно не понимает, да и задания выполняет грубо, в лоб. Приказано доставить на плац провинившихся рабов – значит будут избиты до полусмерти все, кто попадется на его пути, будут сожжены или разрушены несколько глиняных хибар илотов. *Но другого главнокомандующего у меня нет. Хорошо хоть отец расщедрился на такого.*

– Тгон, сделайте вид, что вам не противно, – посоветовал слуга.

– Эти люди, скорее всего, ни в чем не виноваты. Так почему они должны отвечать за проступки других?

– Аккаратские законы четко...

– Мы не в Аккарате, – резко перебил Релин.

Слуга бросил на него взгляд, полный укоризны.

– Посмотри на илотов, Хжай. Они истощены и замучены. День и ночь горбят спины на нас, а получают лишь крохи с барского стола. Неудивительно, что они обозлены и хотят убить меня.

В пяти шагах от капитана стоят пятеро полуголых рабов. Выглядят они как братья: жилистые, с широкими плечами, густыми спутанными бородами и с изможденными лицами. Если бы сейчас Релин спустился вниз, то уловил бы тяжелый смрадный запах, исходящий от них.

– Боги определили их судьбу, – высокопарно сказал слуга. – Не нам оспаривать их решения.

Релин ухмыльнулся, отпил из бокала и бросил:

– Давай начинать. Хочу быстрее вернуться в свои покои и спокойно напиться.

Хмыкнув, слуга вскинул над головой красный шелковый платок, тем самым давая знак, что господин полностью переключил внимание на «судебное разбирательство». Капитан тут же вытянулся в струнку, достал из-за пазухи туго скрученную плеть и начал:

– Один из вас, жалких псов, покусился на жизнь великого тгона, сына Нуаса, внука славного Мешатета, потомка самого Мантаса Льва... – Голос главнокомандующего грозно гремит, каждое слово, точно тяжелый булыжник, катится по плацу, отчего рабы вздрагивают и всё более сутулятся. – Когда ваш господин отдыхал на террасе, какой-то жалкий червь бросил камень в него и попытался скрыться!

Релин вспомнил сегодняшний день. Он, как всегда в последние два года, напивался, греясь на солнышке. Лежал на больших воздушных подушках, доставленных с Тошатханского Союза, и наблюдал за облачными барашками, плывшими по синеве неба. Рядом, подливая ему вино в бокал, был только Хжай. Затем, нарушив дневной покой, что-то стремительно влетело на террасу и едва не задело голову Релина. Этим «что-то» оказался небольшой камень. С

улицы послышалось ругательство, слуга подбежал к балюстрадам и, по его последующим словам, увидел, как в городские трущобы улепетывал раб. Подняли и бросили в погоню стражу...

Релин тяжело вздохнул. Скорее всего, настоящего преступника не нашли. Схватили первых попавшихся бедняг и притащили сюда. Из-за того, что Хжай не запомнил лица кидавшего камень, было принято решение наказать всех подозреваемых. Не очень-то честно.

– ...Именем великого тгона я объявляю наказание: сотня ударов плетью каждому! – закончил речь главнокомандующий, раскручивая кнут.

Релин скептически хмыкнул.

– Не слишком ли много? – спросил он слугу. – Раньше мы обходились двадцатью. У илотов на спинах живого места не останется!

– Не стоит беспокоиться, тгон, – ответил Хжай. – Как я уже говорил, необходимы жесткие меры. Если из рабов кто-то умрет, это даже хорошо. Остальные в следующий раз десять раз подумают прежде, чем решатся на отчаянный поступок.

– Мы лишь настраиваем людей против себя...

– Рабы должны знать свое место.

– Посмотрим, что ты скажешь, когда разъяренная толпа попытается разорвать тебя.

– До того не дойдет, тгон.

Противно свистя, плеть жалит спину раба. От каждого удара на коже бедняги остаются длинные кровоточащие раны. Капитан не жалеет сил, работает быстро и методично. Лицо красное, точно спелый помидор, но глаза горят яростью и удовольствием.

– Двадцать один... двадцать два... двадцать три... – громко считает Хжай.

Сжав зубы, илот молчит, хотя каждый удар кнутом причиняет невероятную боль. За несколько мгновений его спина превратилась в кровавое месиво. Ноги его подогнулись, и тот распластался на плацу. Но главнокомандующий и не подумал останавливаться, наоборот – принялся бить сильнее.

– ...Сто один... сто два...

Вздрогнув, Релин чуть не уронил бокал. Алая жидкость расплескалась, несколько крупных капель попали на тыльную сторону ладони. *Надо прекратить, боги их дер!* Он поднял руку. Кивнув, капитан перешел к следующему. К раненному илоту подошли двое воинов, схватили его за плечи и потащили к домику лекаря, оставляя за собой кровавую дорожку.

...Вскоре всё закончилось. Последнего раба унесли с плаца. По-военному отсалютовав плетью господину, главнокомандующий вместе с солдатами ушел в казарму. Откланявшись, убрался восвояси и слуга, ссылаясь на срочные дела на складе. Релин отпустил стражу и остался на открытой террасе один. Он попытался сосредоточиться на далекой линии горизонта, на алом солнце, на пустыне, властвующей за городскими стенами, но то и дело взор падает на алые следы на плацу. Кровь уже впиталась в песок – утром её засыпят слуги.

Релин скривился. *Почему в этом городе постоянно воняет дерьмом? Куда ни спрячешься, мерзкий запах достанет везде. Наверное, я сам уже им весь пропитался. Как и моя душа. Великие боги! Почему я еще не сдох? Почему кочевники не взяли итурмом город и не перерезали всех нас? Почему рабы не подняли бунт? Я так устал...*

Релин вышел через покои в коридор и направился в погреб, надеясь сегодня упиться вусмерть. Пусть даже бог-обезьяна, этот любитель пиров и чревоугодник, обзавидуется тому, как умеет развлекаться тгон маленького города-саттелита!

– Великий господин, постойте! – раздался голос за спиной.

Релин обернулся. Перед ним возник рослый детина в легких кожаных доспехах. Массивный, широкоплечий, со сломанным носом и пустыми рыбьими глазами.

– Чего тебе?

– Уважаемый Хжай велел не отпускать вас одного.

– Я что, здесь в тюрьме? – грозно спросил Релин.

Детина удивленно расширил глаза и вскинул руки:

– Нет, конечно, великий господин! Мне просто велели сопровождать вас везде, куда бы вы не пошли. Сами знаете, что так и не удалось поймать мятежников. Поэтому уважаемый Хжай перестраховывается и приставил меня.

– А если я направляюсь в уборную, ты тоже за мной последуешь?

– Да.

Тгон ухмыльнулся. В прохладе коридора ему стало получше, мысли больше не напоминают медлительных слизней. Настроение чуть улучшилось, и потому он не прогнал детину.

– Ладно, следуй за мной. Так даже лучше – будет с кем выпить.

Они пошли в конец коридора. Обычно к вечеру дворец-башня напоминает потревоженный улей: шум, гам, слуги носятся туда-сюда, порой даже не протолкнуться. Но сегодня Релин приказал не тревожить его, и потому на втором этаже царит абсолютная тишина.

Покой и прохлада. О чем еще можно мечтать после тяжелого дня? Возьму кувшин прохладного тошатханского вина, вернусь к себе, сяду за книгу – и все переживания уйдут прочь. По крайней мере, до завтрашнего утра или обеда. Буду валяться в кровати до тех пор, пока не надоест! Хм, а какой фолиант сегодня выбрать? "Диалоги о героях" Агамерля? Или "Закаты и рассветы" Тимелина? Или вообще перечитать "Костяные гимны" Квивата Слепого?

Погруженный в собственные мысли, Релин, продолжая идти, не заметил, как положил правую руку на стену, украшенную древними горельефами. Пальцы заскользили по каменным выемкам и впадинам, улучшая настроение, – как и всегда.

– Тгон, я хотел сказать, что мне запрещено пить.

– Глупости, солдат.

– Командир с меня шкуру спустит, – заметил охранник, бряцая доспехами. – К тому же это запрещено уставом.

– Я разрешаю на один день наплевать на устав. А с командиром разберемся. В конце концов, я здесь главный. Хотя у меня в последнее время ощущение, будто на деле все обстоит иначе.

– Как скажете, великий тгон.

Релин пренебрежительно махнул рукой.

Из-за угла показался слуга. Худой, сторбленный и низенький. На серой тоге ни единого пятнышка. В руках – незажженная масляная лампа. Больше всего бросается лицо илота – лошадиное, но с умными пронзительными глазами. Релин также подметил седеющие виски и довольно большую плешь.

– Я же приказал не беспокоить... – начал он.

Но договорить не успел.

– Да будь проклят тот день, когда вы явились в наш город! – воскликнул слуга. – Во славу Сеетры!

С этими словами он бросил масляную лампу под ноги и достал из-за пояса короткий нож. Блеснуло в сумраке коридора загнутое лезвие. И в тот же миг бок Релина обожгло. Поначалу ничего не понимая, тгон инстинктивно оттолкнулся от раба, больно ударился в стену и сполз на пол. Затем появился стражник, плечом сшиб плешивого. Выхватил короткий меч из ножен. Раздался крик, быстро сменившийся хлюпающим звуком.

Релин поднес дрожащую ладонь к лицу. Вся в крови. В чьей? *Неужели это моя?*

Прежде, чем провалиться в черное забытье, он услышал крик стражника:

– Лекаря! Быстрее!

– Как ваше самочувствие? – в сотый раз спросил Хжай, проверив тугую перевязку на животе тгона.

– Да хорошо всё со мной, хорошо!

– Благодарите богов, что лезвие не задело важные органы. Еще бы чуть-чуть – и вас бы ни один лекарь уже не спас.

Усаживаясь поудобнее на кровати, Релин прислонился спиной к стенке, украшенной витеиватой резьбой. В боку стрельнуло.

– Парня-стражника не наказывай, – сказал он. – Это не его вина.

– Он слишком поздно среагировал. Следует...

– Это приказ, – настоял Релин.

– Разумеется.

– И зажги побольше ламп и свечей: здесь темно, как в заднице!

Он закрыл глаза, позволяя всем мышцам расслабиться. Уловил приятный запах старых и новых книг, плотно подогнанных друг к другу на полках шкафов. Библиотека – единственное богатство, которое забрал из дома. Отец, несмотря на знатное положение, с трудом разбирается в иероглифах, поэтому ему фолианты и свитки ни к чему. А здесь, в забытом всеми, кроме редких торговцев, городишке, книги позволяют забыться. Даже "Основы" Стонтаса, в которых собраны самые известные на данный момент теоремы, интересно читать: ведь автор снабдил свитки историями из своей насыщенной жизни путешественника.

– Раб мертв? – спросил Релин.

– Да. Этот дуболом раз десять проткнул его мечом. Идиот! Козий сын! Сколько сведений мы могли выгащить из илота-предателя! Я бы сам лично начал пытки! Выдернул бы ему все ногти и снял кожу на ногах! А после того, как он бы раскололся, влил расплавленный металл в глотку.

– Жаль, конечно. Но повторяю: стражника не трогать. Собственнолично прослежу.

Хжай подал Релину бокал с вином.

– Лекарь разрешил вам пить, – сказал он. – Это притупит боль.

– Услада для моих ушей!

Сделав несколько больших глотков, он обвел взором покои. Вдоль стен стоят шкафы, забитые книгами и свитками, купленными и доставленными в Юкнимею практически со всех стран. Возле окна-бойницы простой, деревянный стол, сделанный руками самого Релина. Несколько шкафов возвышаются по левую сторону от двустворчатых массивных дверей, ведущих на единственную открытую террасу на втором этаже. Всё кажется таким незнакомым и пугающим...

Почему? Дело в покушениях? Или потому, что за все годы он так и не прижился на новом месте?

– Мы должны вернуться к нашему старому разговору, – начал Хжай, облизав губы. – Это неизбежно.

– Только не сейчас. Может, позже...

– Нельзя больше откладывать! – возразил слуга. – Давайте раз и навсегда покончим с мятежниками. И всего-то нужно отправить армию прошерстить трущобы.

– Если ты не заметил, Хжай, вся Юкнимея – трущобы. Ты предлагаешь мне проверить каждую лачугу? Хотя нет... Я задам другой вопрос: сколько солдат, их жен и детей в городе?

Хжай пожал плечами:

– Вы спрашиваете, сколько у нас всего свободных?

– Именно так.

– Сто, великий господин.

– А рабов? – поинтересовался Релин.

– Я понимаю, к чему вы клоните. Четыреста.

Отпив в очередной раз из бокала, тгон хохотнул:

– Один к четырем, Хжай. Если ситуация выйдет из-под контроля, то нам придется туго. Никакие солдаты не помогут против разъяренной толпы. Единственное, что мы сможем: убе-

жать. Но сам понимаешь, эта идея не из лучших. До ближайшего города далеко. Пустыня нас сожрет.

Из открытого окна-бойницы послышался стройный хор мужских и женских голосов. После того, как наступила глубокая ночь, рабы – в основном старики и старухи! – завели песню-молитву. Многие слова знакомы, однако смысл все равно ускользает. Релин копался в книгах, пытаясь понять, к какому народу принадлежат илоты Юкнimei, но у него ничего не получилось. Наверное, всего понемногу: капля крови нокронговцев, капля аккаратцев и тошатханцев. Может, даже есть что-то от предков, живших в горах Юшмандр.

– Опять поют, – зло бросил Хжай. – Надо запретить. Великая Сеетра видит: жалкие рабы испытывают мое терпение!

– Пусть поют. Это не многое, что у них осталось.

– Может, они в данный момент проклинают вас? В этой белиберде же ничего не понятно!

– Видимо, песнь на местном диалекте.

Со словами молитвы в покои ворвались запахи цветов и еще чего-то сладкого. Ноздри приятно затрепетали, даже боль в боку утихла.

– Господин, нам надо найти мятежников, – вернулся к первоначальной теме слуга. – Иначе до вас доберутся. Я не смогу вернуться к вашему отцу с печальными известиями. Мне придется перерезать себе горло ржавым ножом у вашего холодного тела!

– А если мятежники – все рабы? – спросил Релин. – Вдруг они меня все ненавидят? Что тогда? Казним всех?

– Вот тогда и будем думать, великий господин. Но сейчас нужно действовать!

Тгон мучительно выдохнул:

– Ладно, твоя взяла. Завтра отправлю солдат шерстить городок. Но чтобы ни одна хижина не сгорела! Ты понял?

Слуга часто-часто закивал.

– Конечно-конечно! Вы невероятно мудры, великий господин! Вы не пожалеете о своем решении! Я лично прослежу за ходом поисков! Пусть боги проклянут меня, если с жалких рабов упадет хотя бы один волос!

– Прежде, чем уйдешь, поставь графин с вином так, чтобы я мог до него дотянуться. Я должен был напиться еще вечером, но не сложилось. Не хорошо.

Засмеявшись, Хжай выполнил приказ, легко поднялся с огромной постели и направился к двери, ведущей в коридор. В шаге от неё остановился.

– Чуть не забыл! – воскликнул он. – Два дня назад в город вернулся наш шпион, великий господин. Караван из пяти торговцев движется к нам. Верблюды их столь нагружены тюками с товарами, что едва ноги перебирают! Думаю, можно будет содрать с них большую мзду! Других оазисов в наших окрестностях нет.

– С кого с "них"? – ехидно спросил Релин. – С верблюдов?

– Ваш юмор как всегда проницателен.

– Хорошо, я понял тебя. Встретим как подобает. Я даже натяну на себя одеяния тгона, возьму в руку скипетр власти и буду сидеть, как последний напыщенный дурак, на троне, дабы произвести впечатление на вонючих и глупых торговцев. И даже не напысь. Наверное.

Хжай отворил дверь и уже на пороге проронил:

– Мне кажется, ваш отец никогда не мог оценить вас, господин, по достоинству. Но в последний год вы слишком сильно изменились. Пьете так часто, пренебрежительно относитесь к своим обязанностям, распустили рабов... И сами не заметили, как стали походить на того, кого отец видел в вас. Пожалуйста, я взываю к вашему разуму.

– Закрой за собой дверь, – спокойно ответил Релин. – Дует.

Когда по спине пробежала очередная капля пота, он принялся недовольно барабанить пальцами по подлокотнику трона, бросил тихое проклятие в адрес нерасторопных торговцев.

Они уже давно должны были войти в город и прошествовать за тгонскими воинами в башню-дворец, чтобы преклонить колени. Но прошло не меньше четверти дня, а он сидит как болван и ждет! Весь в золотых одеждах, украшенных драгоценными камнями, с тяжелой короной на голове, от которой сводит шею! И практически один в огромном зале за исключением двоих стражников.

Обливаясь потом, Релин со скуки в миллионный раз осмотрел помещение, хотя давно пересчитал все трещины на плитах и даже падающие из окон солнечные лучи. Высокий потолок утопает в сумраке. Чтобы осветить его, понадобится не меньше десяти тысяч свечей. Лишь в очень редких случаях – например, когда приезжает отец Релина или царский сборщик налогов из столицы – слуги взбираются по лестницам наверх, ставят свечи в специальные металлические чашки и поджигают их. Во мраке потолка доносится радостное чириканье – случайные привезенные из Аккарата воробьи давно облюбовали весь первый этаж башни. Их периодически пытаются истребить, но проще реку повернуть вспять, чем выкурить этих тварей.

Взгляд опустил на пузатые колонны. Циклопичные, необъятные – рядом с ними даже самый могучий воин кажется мелким и незначительным, как муравей. На стенах – горельефы, на которых древние герои борются с мерзкими чудовищами. Отрезают мечами когтистые лапы, протыкают копьями чешуйчатые животы и отсекают великанскими топорами кривые конечности. Поначалу, когда Релин только-только приехал в городок, он терпеть не мог горельефы в центральном зале, но после того, как увидел, сколь сильное впечатление они производили на приезжих купчишек, полюбил их всем сердцем: есть некоторое особое удовольствие наблюдать, как напыщенные людишки неуютно вздрагивают и стараются смотреть на мраморные плиты под ногами.

Наконец, двустворчатые ворота открылись, в зал вошли пятеро мужчин в окружении воинов-стражников. Релин восторженно, едва не скинул корону. Сейчас еще гости будут целую вечность идти к трону.

Теперь я должен гордо сидеть, точно индюк, и бросать на всех надменные взоры, играя роль местного дурака-правителя. Почему нельзя встретить гостей в обычной одежде, в которой не обливаешься потом?

Когда гости остановились в тридцати шагах от трона, Релин заговорил:

– Приветствую вас, путники, в славной Юкнимее! Понимаю, что вы очень устали с долгой дороги...

Кретин! Ты же тгон! Почему же тогда оправдываешься перед грязными торговцами? За долгие годы он так и не научился вести себя как хозяин. И не было ни одной встречи, где он бы не ляпнул какую-нибудь глупость. Обычно рядом с ним Хжай, которому удается скрыть неловкость ситуации, но сегодня верный слуга вместе с пятьюдесятью воинами обыскивает город, чтобы найти изменников.

Повисла недолгая тишина. Релин продолжил будто ничего не случилось:

– Я Релин'тгон, сын Нуаса, внук Мешатета, потомок Мантеса Льва. Согласно всем правилам дам вам кров и еду, но хотел бы узнать, с каких земель вы прибыли, какой товар везете и куда держите путь... Также необходимо обсудить сумму... хм, налога, который должны заплатить, дабы находиться в моей башне под охраной самых лучших бойцов!

Гости опустили на колени и уважительно склонили головы. Все пятеро одеты одинаково: выцветшие кафтаны-халаты, шерстяные накидки и узкие серые штаны, заправленные в высокие кожаные сапоги. Один из них, седобородый и седовласый, поднялся, его глаза весело заискрились.

– Приветствую, о великий, – сказал купец. – Пусть в вашем доме никогда не кончится еда и вода, пусть боги не отвернутся в трудный миг, пусть годы не будут омрачены злом и болезнями. Долгие века славному роду потомков Мантеса Льва! Я – Жакерас, сын Хеша Одногла-

зого – простого воина, что верой и правдой служил своему господину до самой славной смерти в бою. Я вместе с братьями прибыл в Юкнимею из Аккарата.

Релин кивнул. Седобородый торговец вовсе не похож на своих спутников. Несмотря на незнатное происхождение, у него тонкие черты лица, как у аристократа. У остальных же морды бандитские, грубые – чего стоит шрам на лбу у того гиганта! И носы сломаны.

– Аккарат большая страна, – заметил Релин, широко улыбаясь. – Откуда вы? С какого города? Или быть может достопочтимый Жакерас живет в собственном особняке, построенном далеко за городом?

– Если быть честным, тгон, то я с братьями много путешествую. Очень много. У нас нет дома. Обстоятельства не позволяют.

Брови Релина поползли вверх.

– Тогда я ничего не понимаю! Как же ты торгуешь, купец? Где хранишь свой товар? Или все, что продаешь, висит на верблюдах?

Седобородый растянул губы в смиренной улыбке, отчего морщины на щеках стали глубже.

– А кто сказал, что я купец, о великий? – вопросом на вопрос ответил он.

– Предупреждаю сразу: не води меня за нос, Жакерас. Если ты сейчас начнешь жаловаться на свою несправедливую жизнь, я не поверю. По нашим местным дорогам ходит лишь торговый люд, чтобы переждать в башне некоторое время и отправиться в Карадеш.

Облизав пересохшие губы, Релин нахмурился. Перед мысленным взором возник графин с вином – ледяной, с капельками конденсата на глиняной поверхности. Горло тут же светло. Похоже, выпить удастся не скоро. Этот худой старик задумал остаться в Юкнимее, не заплатив и медной монетки.

– Я не собирался никого обманывать, о великий, – промолвил Жакерас. – Ваш разведчик, коего мы видели несколько дней назад, что-то напутал. И пусть не смущают вас обвешенные тюками верблюды, ничего ценного у нас нет – ни золотой посуды, ни мечей, ни пряностей, ни заморской одежды. Лишь старое тряпье, еда для долгого путешествия да несколько разваливающихся книг.

– То есть в Юкнимее вы оказались случайно? – ехидно спросил тгон.

– Нет, о многомудрый. Мы пришли сюда, ведомые священной целью...

– И какой же?

– Мы пришли забрать вас.

Последовавшее за этими словами молчание затянулось. Командир дворцовой охраны переглянулся с Релином, его рука легла на эфес сабли, висящей в ножнах на поясе.

– Повтори, – с нескрываемым смешком сказал Релин. – Я что-то плохо расслышал.

– Мы пришли забрать вас, о великий. Вместе нам предстоит тяжелый, опасный путь через пустыню, но истинное просветление иначе не получить – только через боль и страдания.

Релин прислонился боком о подлокотник золотого трона, поинтересовался:

– Ты жрец, Жакерас? И какому богу поклоняешься?

– Только тому, что сейчас стаптывает ноги в кровь в этом мире, чтобы спасти миллионы ни в чем неповинных душ. Тгон, я и мои братья – бессмертные. И вместе мы пришли в Юкнимею, дабы убедить вас отправиться с нами. Как только пройдете все испытания, вы тоже станете жить вечно и войдете в наше братство.

Седобородый так сильно вскинул руки, что четки на его кистях шелкнули.

Подняв указательный палец вверх, тгон дал знак командиру стражи быть начеку. Тон, с которым говорит старик, не предвещает ничего хорошего.

– Ты перегрелся на солнце, Жакерас. Или сошел с ума. Впрочем, одно не мешает другому. И спешу тебя огорчить: твоё безумие не избавит тебя от уплаты налога. Или ты отдашь тридцать золотых талантов, или проваливай! В пустыне сейчас как никогда жарко.

– Мы лишь гости, – сказал седобородый, поглядывая на братьев. – И не будем нарушать устоявшиеся правила. Заплатим столько, сколько надо. К тому добавим сверху еще сто золотых талантов.

Релин едва не раскрыл рот от удивления.

– Это... щедрое вознаграждение, старик. И на сколько ты с братьями хочешь у нас остаться?

Седобородый пожал плечами.

– Не знаю, мудрый тгон, – сказал он. – До тех пор, пока вы не согласитесь отправиться вместе с нами.

Релин расхохотался.

– А если я никогда не захочу?

– Боюсь, скоро начнутся события, которые или сметут вас, о великий, или заставят изменить точку зрения.

Не выдержав, командир стражи со звоном высвободил саблю из ножен, молниеносно оказался возле старика и приставил клинок тому к горлу.

– Ты посмел угрожать самому тгону? – спросил он.

Седобородый, продолжая смотреть на Релина и делая вид, что ничего не произошло, сказал:

– В моих словах нет угрозы, о великий. Скоро вы всё сами поймете. Пусть боги испепелят меня сейчас, если я вру! – Он закрыл глаза, устало выдохнул. – Позвольте остаться мне с братьями. Мы многого не попросим: простая еда, крыша над головой. А поселить нас можно в рабских покоях, если места в башне нет совсем.

Релин поерзал, подпер подбородок кулаком. Нужно потянуть время, изобразить, будто размышляет, хотя он все уже решил, когда озвучили сумму налога. Сто тридцать золотых талантов! На эти деньги можно жить безбедно полгода. Никакой сборщик налогов из столицы не страшен! Подумаешь, старик сошел с ума и возомнил себя бессмертным – да пусть хоть Баамона изображает.

– Я принял решение, – начал тгон. – Ты, Жакерас, вместе со своими людьми остаешься в городе. Но с некоторыми условиями. Во-первых, все ваши вещи осмотрят мои стражники: вдруг ты не столь безумен и везешь товары нашим заклятым врагам? Во-вторых, я выделю три комнаты, но все они будут находиться рядом с комнатами моих воинов. Я всё сказал, можете идти.

Еще раз низко поклонившись, седобородый и его «братья» покинули зал. Следом ушли и стражники. Командующий хотел что-то сказать, но, видя сколь хмур тгон, последовал за остальными.

В абсолютной тишине и одиночестве Релин откинулся на спинку трона. Последние слова старика ни на шутку испугали его. Сердце до сих пор гулко стучит, а кишки сжимает невидимая рука. О каких событиях шла речь? *Неужели псевдокупец как-то причастен к мятежным илотам? Нет, глупости. Он только прибыл. А если я ошибаюсь? Надо переговорить с Хжаем. Ох, чую, устроит он горячую встречу седобородому! Любо-дорого будет посмотреть!*

В конце зала послышался шум, из приоткрытых врат вылетел юноша в легких кожаных доспехах.

– Господин, беда! – закричал он, не жалея глотки. – Беда!

– Говори уже.

– Управляющий Хжай вместе с пятидесятью воинами осматривали рабские лачуги, – затараторил долговязый, смахнув тыльной стороной ладони пот со лба, – когда на них напали. Бунт, господин! Все илоты в городе восстали.

На миг Релин забыл как дышать.

– Что? Я... С Хжаем всё в порядке?

– Никак не знаю, господин. Именно сейчас управляющий с солдатами пытается добраться до нашей башни. Я...

– Отведи меня на открытую террасу.

– Но это небезопасно...

– Живо! И передай командиру: надо начать оборону дворца. Все ворота закрыть, кроме центральных, дожидаться возвращения Хжая и остальных, но на помощь никого не отправлять. Ты меня понял?

Юноша часто закивал. *Я же ему только что приказал сопроводить меня до второго этажа! Болван.*

– Отправляйся к командиру и передай ему мои слова. Для охраны я найду другого. Иди уже!

...Стоило выйти из главного зала, как его оглушили тысячи звуков. Солдаты с луками и мечами бегут на второй этаж, чтобы занять позиции у узких окон-бойниц. Громят панцирными доспехами, отчего дрожит пол. Пока центральные ворота распахнуты, илоты, служившие верой и правдой еще до того, как Релина отправили в ссылку в Юкнимею, пытаются перенести весь ценный скарб с открытой площадки в башню. И выглядят даже спокойнее стражников, словно бунты у них случаются каждый день. Двое главнокомандующих кричат и бранятся на солдат, изредка обрушивая плеть на самых нерадивых.

Расталкивая плечами толпу, Релин поднялся по лестнице на второй этаж, посмотрел в окно. Угол обзора здесь ограниченный, видна лишь маленькая часть улицы.

Илоты, точно бурная и беспокойная река, обрушиваются на армию солдат, отправившихся сегодня в город. Бульжники летят на щиты, отскакивают от них. Хвала богам, что Хжай приказал всем надеть тяжелые доспехи и вооружиться до зубов, иначе бы грязные выродки быстро смели их. Шум и гвалт, на некоторых рабах красуются доспехи – то ли взяли с убитых, то ли украли со складов, – практически у всех есть оружие – сабли, копыя, топоры, кинжалы.

В центре боевого построения, Релин разглядел Хжая. Слуга выделяется ярким тюрбаном и шелковым платком. Он что-то кричит, при малейшей опасности прячется под большими прямоугольными щитами.

– Господин, здесь не безопасно! – воскликнул один из воинов.

Проигнорировав его слова, тгон вбежал в свои покои, отворил двери и оказался на открытой террасе. В лицо ударил сухой ветер с крупными песками, пришлось зажмуриться.

Между тем, солдаты во главе с Хжаем выбрались каким-то чудом из лабиринта глиняных лачуг, застряли на центральной дороге – у элитных двухэтажных особняков. В их сторону полетели камни и стрелы. Один из бульжников угодил в голову воина, тот покачнулся, выронил шлем и упал на колени. Ему помогли подняться, увели в центр построения.

Из окон самого близкого к стене дома повалил густой черный дым, показались языки пламени. Ликуя, грязные оборванцы режут, поджигают и убивают. Если восстание не подавить, к вечеру весь и без того небольшой квартал знати будет разграблен.

– Величайший, вы должны уйти отсюда, – послышался грубый низкий голос.

Рядом с Релином появился командир стражи. На бороде блестят капли пота, лицо злое, не предвещающее ничего хорошего, глаза горят яростью. На черных доспехах видны вмятины, левая рука сжимает костяную рукоять сабли, с кончика клинка на плиты срываются алые капли.

– Величайший, некоторые из слуг залезли во внутренний двор и попытались открыть задние ворота.

– Они мертвы?

– Да.

– Там достаточно людей, чтобы держать оборону?

– Более чем. Врагу не удастся наскоком взять башню.

Релин кивнул.

– Вы здесь легкая мишень, – сказал капитан. – Рано или поздно вас попытаются убить.
– Думаешь, у Хжая и главнокомандующего есть шансы отбиться? – спросил Релин, проигнорировав опасения воина. – Не хотелось бы закрыть центральные ворота раньше времени...
– Всё упирается лишь в то, готовы ли вы рискнуть жизнью.
– Время у нас еще есть.

Рабы, подгоняемые ненавистью, ринулись бурным потоком на стражников. Те мгновенно сомкнули щиты и ошетились копьями. Первые ряды илотов, видя, что движутся напрямик на убой, попытались остановиться, но поздно – людское течение понесло их на смерть. Послышались вопли. Грязные голодранцы, подстегиваемые запахами крови и криками, бросились на острия копий, неистово замахали ржавыми мечами и топорами по щитам. На какой-то миг показалось: толпа одолеет бывалых вояк, затопчет их, перемелет. Его люди падают, истекая кровью от страшных ран, на их места тут же встают следующие.

На открытой террасе появились стражники, заняли позиции у балюстрады, вскинули луки, готовые по приказу стрелять.

– Где прибывшие торговцы? – спросил Релин. – Не вижу их на улице.
– Я исполнил ваш приказ и поместил их в покоях рядом с нашими. На время боя запер «бессмертных». – На последнем слове командующий саркастически растянул губы в улыбке. – Самостоятельно выбраться они не смогут, даже если попытаются выломать дверь.

В едином порыве воинам на улице удалось откинуть илотов, боевое построение, воспользовавшись моментом, двинулось в сторону распахнутых центральных ворот. У ног солдат корчатся раненые рабы, умоляющее поднимают руки, цепляясь окровавленными пальцами за щиты и доспехи тех, кого несколько мгновений так ненавидели. Точно не они бросались с оружием, желая разорвать, заколоть, исполосовать...

– Приготовиться, – приказал командующий.

Его люди натянули тетивы, вены на их шеях и руках страшно вздулись. Кончики стрел уставились на взбесившихся рабов. Воздух зазвенел от напряжения. Релин ощутил, как нервная дрожь охватила руки.

Капитан и Хжай вырвутся... Еще немного... Еще чуть-чуть. Ну, давайте же! Противник слаб и не обучен.

Как только бойцы под предводительством Хжая приблизились к воротам башни, командующий вскинул окровавленную саблю, заорал во всю мощь глотки:

– Огонь!

Град стрел, пронзительно звеня, устремился вверх и на мгновение тучей закрыл солнце. Два быстрых удара сердца – и воздух разорвали вопли. Десятки рабов, точно подкошенные, рухнули в пыль. Те, кто понял, что бесполезно сейчас штурмовать башню, тут же растворились в переулках. Но многие побежали к воротам.

Предчувствуя скорое спасение в тени массивных двустворчатых врат и подгоняемые проклятиями Хжая, которые без труда можно услышать и на открытой террасе, воины ускорились.

– Огонь!!

И вновь на врага обрушился смертоносный ливень. Стрелы бьют в головы, в лица, с легкостью пронзают кожу, мясо и кости. Раненые инстинктивно прикрываются ладонями, но им это мало помогает. Падают, бьются в конвульсиях, бегущие за ними спотыкаются. Над городом стоит многоголосый крик боли.

Наконец, спасающимся воинам удалось войти в башню. Тяжелые центральные ворота мигом за ними закрылись. Релин облегченно перевел дух, будто сам был в страшной заварушке, и направился вниз, поговорить с Хжаем. Слуга, наверное, будет несказанно рад увидеть его – небось, уже с жизнью попрощался.

– Дела у нас, величайший, идут очень хорошо, уж поверьте старому слуге! Оазис обнесен такой стеной – ни одному жалкому рабу не пробраться. А еды на складе так много, что можем держать осаду хоть несколько лет! У илотов же всё гораздо хуже: источников воды у них вообще нет! Дней семь – и приползут на коленях, умоляя пощадить их. И на вашем месте я бы с ними не стал сюсюкаться! Половину бы извел, на крюки повесил, чтобы остальным неповадно было.

Хжай идет чуть впереди, высокомерно вздернув подбородок. За несколько дней, проведенных в башне-дворце, он похудел еще сильнее, под глазами появились черные круги. Но ничего больше в нем не выдает усталости. Удивительно, как быстро он восстановился после случившегося кровопролития в городе, даже закалился, стал жестче и увереннее.

– Острая нужда рано или поздно припрет людей, Хжай, – сказал Релин. – И они попытаются взять дворец штурмом. Справимся ли мы?

– Конечно! Другого варианта и быть не может! Ваша власть – священна и одобрена богами. Высшие силы никогда не позволят случиться страшному. Грязные оборванцы обречены, просто пока не понимают этого, но мы их убедим!

Тгон пожал плечами. Узкий мрачный коридор петляет; в висках стучит и нечем дышать от спертого воздуха.

– А ты знаешь, почему рабы ненавидят меня? – спросил Релин, мельком глянув на догорающую свечу в специальном углублении в стене. – Истинную причину.

– Они не ненавидят вас, – ответил Хжай, понял, что сказал глупость, и сконфузился. – То есть... Я имею ввиду... Ну...

– Илоты просто желают посадить меня на пику на глазах всего честного народа.

Смешок слуги прозвучал неестественно громко, прокатился эхом по коридору.

– Грязные оборванцы глупы, величайший. Им отчего-то взбрело в голову, будто вы не сын своего отца и что вас надо убить, тем самым освободив место для истинного правителя города-сателлита. Боги! Какой вздор! Они не понимают: если отец узнает про вашу смерть, то в Юкнимею пришлют не нового тгона, а отряд карателей. И снимут живьем кожу со всех – с детей, женщин, стариков и мужчин.

– Ты не договариваешь, Хжай. Рабы считают меня приносящим беды. Две мои жены умерли здесь, так и не родив мне наследника. Однажды город чуть не сгорел. Помнишь, как два месяца мы остались фактически без еды?

– Страшный был голод, – согласился слуга. – Но ведь это не ваша вина. Как нет вины и в набегах орд нокронговцев.

Они свернули направо, принялись спускаться по узкой крутой лестнице. Щербатые ступени встретили их черными жирными пятнами и тяжелым гнилостным запахом, от которого защипало в носу. На стенах поблескивает белая плесень.

– Я устал что-то доказывать, – сказал Релин. – Люди не видят моей доброты, а для строгости я не создан – слишком мягок и добросердечен. Ты сам обо всем знаешь! Даже на порках стараюсь поменьше глазеть на плац. Отец послал меня на верную смерть, знал: я погибну здесь, среди песков и жалящего солнца. Правда, не рассчитывал, что протяну так долго.

– Сейчас не время думать об этом, господин. Нуас'тгон находится слишком далеко. И не представляет угрозы. А вот рабы... рабы проблема, с которой необходимо разобраться.

– А ты разговаривал с нашими гостями? – решил сменить тему Релин.

Слуга поправил тюрбан на голове:

– Очень уж подозрительно они явились в тот момент, когда началось восстание. Но пока нет никаких доказательств, можно строить любые догадки. В остальном: всего лишь подозрительные купцы. И странные.

Держась рукой за булыжники на стене и стараясь ступать по лестнице осторожно, Релин сказал:

– Они не купцы.

Хжай махнул рукой.

– Я в это слабо верю, величайший. Иначе бы откуда у них появилось столько золотых талантов? Не-е-ет, наверняка чем-нибудь приторговывают. Возможно, драгоценностями. Или наркотиками. Слышал Малый Коат опять наводнил весь мир какой-то дрянью.

– Верблюдов и тюки обыскивали – и ничего не нашли. Впрочем, меня смущает не их профессия, а то, о чем они говорят, Хжай. Их речи пугают до дрожи.

– Жреческие бредни, господин. Нахватались всяких историй про древнее зло и грядущий конец света от какого-нибудь бродячего проповедника. Тот за несколько золотых монет сказал, что сделал их бессмертными, и отправил исполнять несуществующую волю несуществующего бога – вот и вся история.

Спустившись на первый этаж, они направились в центральный зал. Воины, завидев их, склоняют головы, в обычной ситуации они должны припадать на одно колено, но Релин отказался от ненужных формальностей. Слуги, приехавшие из Аккарата, провожают тгона испуганными взглядами – мало ли казнят за проступки городских рабов. Пытаются всячески угодить: то падают на пол и начинают восхвалять величие владыки башни, то пытаются поцеловать его руку, то и вовсе делают неглубокий разрез на руке, тем самым исполняя древний священный обряд – я хороший, господин, видите, я показываю вам свою кровь и дарю душу!

Избавившись от навязчивого внимания черни, Релин и Хжай вошли в зал. Сегодня здесь мрачно, тьма по углам помещения плотная, вязкая, но центральный путь к трону освещен свечами, вставленными в треножники.

– Совсем обленились бестолочи, – пробурчал Хжай. – Я с них три шкуру спущу. Это же надо: тгонский зал превратили в такое... такое состояние! Ни в какие рамки не лезет. Живи они во дворце вашего отца, им бы уже живьем скормили псам или утопили в коровьем навозе!

– Не вини их, – сказал Релин. – Сейчас и без того хватает забот.

– Позволю не согласиться, величайший. А вдруг враги подошлют к вам убийц? Зал для этого идеальное место. Нет, я определенно зол. В конце концов, я тоже виноват! Недостаточно слежу за этими ленивыми собаками, чей удел слушаться своего господина!

Хохотнув, тгон пошел к трону.

– Постой-ка... – сказал он удивленно. – Неужели глаза меня не обманывают?

Возле дальних колонн и треножника со свечами стоит Жакерас-псевдокупец. Руки сложены в молитве, голова чуть склонена, тюрбан высоко приподнят – из него вывалились несколько белых прядей. Позади седобородого, распевая несложный речитатив, возвышается его «брат». Заинтригованный, Релин переглянулся с управляющим. Все-таки странный этот Жакерас. Неужели не нашел более подходящего места для молитвы? Уединился бы в покоях... За дни осады старик вместе со своими людьми показывался редко, лишь вечерами, по словам Хжая, заходил в общую кухню, брал у слуг миски с самой простой едой и возвращался к себе.

Тем удивительнее его сейчас видеть в зале.

– Уж не пытаешься ли ты, псевдокупец, вызвать злого духа, который убьет меня в ночи? – как можно громче спросил Релин и, пригладив тунику, уселся на трон.

Жакерас перестал молиться, по-отечески улыбнулся. В его глазах ни тени злобы, пальцы спокойно перебирают шарики четок. В дрожащем свете он, кажется, словно принадлежит другой реальности – той, в которой нет места боли, нет жестокости, осад и разгневанных рабов.

– Я, как и все, мудрейший, – начал старик, – пытаюсь возвать к милости великого Баамона, проглотившего наш несовершенный мир. Надеюсь, когда-нибудь я достучусь до сердца верховного бога, и он одарит меня ответами. Пока же ощущаю лишь его незримое присутствие.

Его голос мягок, тягуч, без какой-либо примеси снисходительности или высокомерия. По крайней мере, седобородый не пытается задеть, напомнить о цели своего приезда.

– Ты так говоришь, старик, будто это ты тут тгон, – заметил управляющий. – Предупреждаю: следи за языком, жалкий пёс!

– Хжай, не надо оскорблять нашего гостя, – спокойно сказал Релин.

Старик аккуратно снял с кистей четки, бережно, точно держит только вылупившегося птенца, положил их в широкий карман халата.

– Вы так добры, – вымолвил он. – Вижу, вы сегодня в простой одежде. Добрый знак.

– Почему? – спросил тгон. – Есть какие-то скрытые смыслы в складках моей туники? Или предсказываете будущее по пятнам от вина?

– Вовсе нет. Обыкновенная житейская наблюдательность: вам, о мудрейший, гораздо комфортнее ходить в обычном балахоне, чем щеголять в золотых украшениях.

– Не забывайся, собака! – воскликнул управляющий.

Релин бросил хмурый взгляд на него, махнул рукой, призывая успокоиться. Затем повернул голову в сторону седобородого.

– Как устроились? – спросил он.

– Хорошо, господин, – ответил Жакерас, продолжая тепло улыбаться. – Жаль лишь наших верблюдов – бедные животные служили нам верой и правдой долгие месяцы. И так бесславно закончили...

– Как только в ближайшие дни бунт подавят, я возьму потери, – сказал тгон.

– Это очень благородно с вашей стороны, о величайший.

Одна из свечей на ближайшем треножнике погасла, оставила после себя космы седого дыма. Тьма тут же воспользовалась случаем и пожрала часть колонны. В груди Релина разлился холод, схватил ледяными скрюченными пальцами сердце. Чувство ирреальности происходящего усилилось. Будто, кроме главного зала, теперь больше ничего не существует. Стоит только войти во мрак – и всё, навсегда затеряешься. Не нащупаешь двери, не наткнешься на стены, не услышишь шум толпы.

Озноб прокатился по телу.

– Вы хорошо себя чувствуете? – спросил седобородый.

– Да... Я... вспомнил кое-что, – соврал тгон. – Из далекого прошлого.

– Я не буду ходить вокруг да около, о величайший: мы с братом не просто так ждали вас здесь. Дело неукоснительной важности. Об этом стоило поговорить еще раньше, но, к сожалению, обстоятельства выше нас.

Хжай сложил руки на груди:

– О чем вы?

– В первую нашу встречу, уважаемый, я сделал довольно громкое заявление, – сказал старик. Серые глаза блеснули, как звезды. – И не подкрепил их доказательствами. Мне кажется, стоит исправить это.

Релин не успел и слово вставить: Жакерас вытащил из-за пазухи длинный кривой кинжал и скользнул острием лезвия по шее «брата». Кровь из широкой раны брызнула тугой мощной струей, испачкала мраморные плиты пола. Великан даже не вздрогнул, вызывающе смотрит на него, губы искривлены в подобие улыбки. Релин вжался в трон, едва удержался от звериного желания убежать как можно подальше от сумасшедших.

– Надеюсь, таких доказательств, о величайший, будет достаточно, – сказал седобородый, вытирая лезвие кинжала платком.

– Что... вы... сделали?.. – спросил управляющий, тяжело дыша.

– Вам не о чем беспокоиться, господа.

Гигант рухнул на колени в лужу крови, лицо стало неестественно бледным, как лист тошатханской бумаги. Но вдруг вырезанный на шее алый рот с хлопаящим звуком начал затягиваться. Релин не поверил глазам, посчитал за игру воображения. Прошло еще немного времени – и рана исчезла, не осталось даже шрама.

– Этого просто не может быть... – прошептал пораженный Хжай.

– Какой-то сложный фокус? – спросил Релин, разлепив сухие губы.

– Нет, величайший. Если вы хотите, можете повторить подобное со мной. Я даже согласусь на более изощренные, скажем так, пытки. Попробуйте отрубить мне голову или руку – сделайте всё, на что способна ваша безграничная фантазия. И вы поймете: в моих словах нет ни капли безумия. Я и братья – бессмертные.

Натекшая на плиты кровь свернулась. Брызнула яркой белой вспышкой, от которой пришлось зажмуриться. Как только зрение вернулось, Релин хмыкнул: пол и одежда гиганта чисты, ни следа алых пятен.

– Довольно неожиданное... хм... представление, – сказал тгон.

Дальние ворота открылись, и в ярком свете коридора показалась фигура капитана.

– Рабы штурмуют башню, повелитель! – пророкотал он густым басом.

Началось...

Интерлюдия. Вор и ускользящая реальность

Встав в шаг от обрыва, я сложил руки за спиной. Ветер, как любовница, нежно проводит теплыми невидимыми пальцами по лицу. Ноздри щекочут запахи леса, манящие, сладостные, успокаивающие. На языке горечь сосновой смолы, едва ощутимая сладость кипарисового масла... Отсюда, с огромной высоты гор, открывается отличный вид на равнину.

Я буду единственным зрителем на предстоящем представлении.

Ждать осталось недолго: внизу уже выстроились воины, готовые напоить кровью мечи, топоры и копья. Фаланги против фаланг, пехотинцы против пехотинцев, конница против конницы. Блестят надраенные бронзовые доспехи, прокатываются по равнине ревы сигнальных рогов. Если прислушаться, можно услышать даже грозные крики капитанов, подгоняющие солдат.

Две армии вот-вот сойдутся в бою.

Я скинул капюшон – все равно меня никто не увидит. Внутри борются два желания: одно просит поскорее убраться подальше от этого места, ведь еще предстоит многое сделать, а другое, глубинное, животное, просит остаться, запечатлеть в памяти мельчайшие детали.

Низкий раскатистый смех вырвался из моей глотки.

Боги, какое сегодня чистое голубое небо – ни облачка! Прекрасный день, чтобы жить. Я сосредоточился на своих ощущениях, пытаюсь найти нечто новое внутри себя, неизведанное. Порой сочетания разных чувств вместе с яркими событиями оставляют в памяти неизгладимый след. Я немного голоден, побаливает спина от тяжелой заплечной сумки, гудят ноги от долгого пути. Все мысли об одном: необходимо как можно скорее добраться до монастыря Серых Троп.

Достаточно ли этих ощущений, чтобы сделать сегодняшний день особенным?

Одна из армий, та, в которой воины носят черные панцирные доспехи и черные шлемы, выдвинулась в атаку. В первых рядах, как единое существо, идут закованные в тяжелую броню харист-пехотинцы – большие прямоугольные щиты вскинута, блестят на ярком солнце огромные, способные рассечь даже конного воина клинки.

Лучники противоположной стороны натянули луки, наконечники стрел уставились в небо. И через двадцать ударов сердца смертоносный дождь полился на неприятеля. Я поморщился: капитан слишком рано приказал начать стрельбу. Никто из черных пехотинцев не погиб, лишь у части щиты превратились в ошетилившихся ежей. Впрочем, такие щиты станут тяжелее и ими будет неудобно сражаться. Все равно глупо.

Лучники скрылись за спинами тяжеловооруженных товарищей. Те, издав победный клич, выставили перед собой массивные щиты и приготвились хорошенько встретить врага. Две армии, черная и золотая, сшиблись в бою. С моей высоты все люди кажутся жалкими букашками, а потому подробностей не разглядеть, но представляю, какое месиво там.

Не силах больше смотреть на поле битвы повернулся к горной тропе. Дела не ждут...

Неужели я опять запутался?..

Вспышка на миг ослепила. Но руки знают свое дело: меч крутится смертоносным вихрем, разит врагов налево и направо. Барабанные перепонки разрывают миллионы звуков: крики боли, хруст костей, звон железа, ржанье коней и грохот магический заклятий, от которых дрожит земля под ногами. Я захохотал – и лицо окропила чужая теплая кровь. Фаланги своих и чужих смешались, поле битвы представляет собой единую бурлящую человеческую реку. Ты сам по себе – спину никто не прикроет.

Как только вернулось зрение, огляделся, давая себе небольшую передышку. Передо мной лежат груды тел. Перерубленные руки, разорванные шеи, глубокие колотые раны... По левую сторону от меня устало отбивается от вражеских копий мальчишка лет семнадцати. Шлем чуть повернут на бок, левое ухо превратилось в кровавое месиво, кожа приобрела мертвенный оттенок, на плече висит на одном ремешке оторвавшаяся пластина доспеха. Бедняга едва стоит на ногах, одна ошибка – и ему конец. Свои на него совершенно не обращают внимание.

Я побежал на помощь. И не заметил, как на меня набросился шогрий-пехотинец. Его тяжелый меч обрушился на мое плечо, разрезал, точно горячий нож масло, доспех и вошел в тело, перерубая плоть и кости. Через миг пришла боль – настолько сильная, ревушая, опустошающая, что я, забыв обо всём, заорал. Слепляющий свет брызнул из моей раны. Бросив ненужное оружие, я голыми руками обхватил вражеский клинок и вытащил его из себя. Затем пригнулся, левой рукой достал из-за пазухи припрятанный кинжал. Два быстрых вдоха – и острое лезвие впилось в яремную вену пехотинца. Тот, продолжая тупо смотреть на меня, сначала повалился на колени, а затем рухнул в грязь, где и издох, как собака.

Я мельком осмотрел рану – уже затянулась. Кто-нибудь видел мое маленькое представление? Вроде нет, все заняты выживанием. Развернулся к пареньку – и остолбенел. Его изуродованное, искореженное тело лежит вдавленное в землю. Яркие зеленые глаза невидяще смотрят в затянутое серыми тучами небо, из живота торчит древко копья, по пластинам бронзового доспеха стекают струйки крови.

Подняв валяющийся меч и легкий квадратный щит, оставленный кем-то из «наших», я мысленно прошептал слова молитвы великому Баамону, хотя знаю, что никакой бог не отзовется.

Воздух загудел, кончики пальцев закололи сотни невидимых иголок. Я встрепенулся. Сражение продолжается: ржанье коней, звон клинков, дикий смех победителей, кому повезло сохранить жизнь в схватке... Но что-то не так. В животе разлился холод, по спине словно пробежали острыми коготками. Взгляд зацепился за ближайшую кровавую лужу. В алой воде сначала появился один пузырь, затем – еще и еще один. Лопаясь, они выбрасывают в воздух миниатюрные фиолетовые звезды.

От страшной догадки я рванул что было сил в обратную сторону от лужи.

– Тай-Арун! Тай-Арун! – заорал во всю глотку.

Замелькали лица, доспехи, кони. Ноги разъезжаются на мокрой грязи, легкие разрывает от боли, а сердце, кажется, ушло к горлу. Быстрее-быстрее! Если сейчас не отбежать, если потерять хотя бы один ценный миг, то... Я врезался плечом в тунолар-пехотинца из нашей армии, потерял равновесие и шлепнулся на землю, подняв целую тучу брызг. С ужасом повернул голову в сторону кипящей лужи. Чудовищно грохнуло – пришлось зажать уши ладонями.

А затем сотни людей и коней медленно взмыли в воздух.

Те, кто не прислушался к моим крикам, неуклюже дрыгают ногами, руками, пытаясь за что-нибудь ухватиться. Я увидел на их лицах ужас и страшное понимание того, что же с ними случится. Кто-то попытался выбросить меч и снять доспехи, но те зависли рядом с ним; кто-то заорал, призывая на помощь всех богов; кто-то молчаливо взирает на то, как его все дальше и дальше уносит от земли.

Битва на некоторое время затихла. И свои, и чужие вскидывают головы. Далекий раскатистый гул, точно биение гигантского сердца, отдается в напоенной кровью земле. Из-за прорехи в тучах показался кривящийся в жадной улыбке диск солнца. Люди, поднятые заклинанием, всё выше и выше летят к самим небесам...

Всё произошло в мгновение ока: магическая сила иссякла, ушла в землю, откуда и появилась.

И несчастные рухнули вниз.

Я закрыл глаза. Так нельзя. Неправильно. Враг ввел магов, – и те, пока кипело сражение, сплели запрещенные заклинания. Тай-Арун лишь начало, дальше в ход пойдут вещи страшнее.

До ушей докатился громкий лязг сминаемых доспехов, хруст человеческий костей и предсмертные крики. Я вздрогнул всем телом, как можно сильнее сжал рукоять меча, поднялся и тяжело поплелся вперед, стараясь не смотреть на то, что осталось от упавших с небес воинов.

– Нам надо бежать! – закричал гушарх-капитан со шрамом на щеке. – С Золотыми Посо-
хами не справиться!

– Лучше я глотку себе перережу, чем кинусь на магов! – отозвался другой по левую сторону от меня. – Уходим!

Мне наплевать. Продолжаю идти вперед – по трупам людей и лошадей, лужам крови, брошенным клинкам и копьям. Послышался гул рогов, низкий, протяжный, от которого съ-
жились и завибрировали внутренности. Враги победно заорали и нестройными рядами кину-
лись на убегающих. Сопrotивление им почти не оказывают – застывший глаза страх перед
магами сильнее инстинкта выживания. Многие из моей армии просто стоят и ждут, когда их
порубят на куски.

Я прикинул, где скрываются отряды колдунов. На холме? Или за фалангой лучников, готовящейся вот-вот обрушить град стрел? Или за разномастной толпой пехотинцев в тяжелых черных доспехах? Ухмыльнувшись, доверился чутью и направился к холму – магам нужен хороший обзор.

Пятеро вражеских мезитаств-пехотинцев встали в двадцати шагах от меня, один из них метнул копье. Я лишь немного повернулся корпусом, и оружие просвистело мимо, легкий ветерок коснулся моего разгоряченного лица. Растягивая губы в улыбке безумца, атаковал пехотинцев. Еще никогда раньше клинок не рассекал с такой легкостью плоть. Всего за сто ударов сердца всё закончилось: у моих ног лежат пять тел.

Холм! Вот куда нужно добраться! Вперед-вперед!

Под правым ребром кольнуло, желудок будто сжала невидимая рука, а в горле запершило. Весь мир расплылся в неясных кляксах, я даже замотал головой, пытаюсь прогнать морок. Хотя всё понял в первый миг: маги опять колдуют, и в этот раз Тай-Арун покажется смешным и неопасным заклинанием.

Боги, неужели они хотят выпустить Охотников Боли?

Комки земли под ногами зашевелились, в носу зашипало от тяжелого запаха, точно кто-то выкопал из могилы свежего мертвеца. Воздух над головой задрожал, подернулся разноцветной рябью. *Раз.* Лужи вновь забурлили, по равнине прокатился тяжелый гул. *Два.* Заметил, как враги тоже озадаченно стали переглядываться. *Три.* Я ускорил бег – до холма осталось совсем ничего, нужно только поднажать, собрать силы и... *Началось!*

Из земли вырвались мириады фиолетовых огоньков и, жужжа точно потревоженные злые осы, устремились ко мне. Сознание едва не померкло от невероятной боли. Магические искры насквозь пронзили доспехи, вгрызлись в плоть, я хотел было заорать, но в глотку влетел огонек. Из множества мелких ран тут же вырвались лучи белого света.

Преодолевая нечеловеческую боль, я продолжил подъем на холм.

Плюю на то, что внутри меня ломаются кости.

Беззвучно смеюсь обожженными губами над тем, с каким остервенением фиолетовые огоньки пытаются спалить мою плоть.

Доберусь...

Дойду...

На холме появились четыре фигуры в длинных черных плащах. Низко надвинутые капюшоны скрывают их лица. Каждый держит в руке по длинному, неестественно сверкающему, золотому посоху, на груди и на поясах висят серебряные бляшки с изображениями тогеров – священных полулюдей-полуслонов.

Я поднял меч высоко над головой.

Неужели я опять запутался? Потерял путь?..

От карканья гудит голова. Крылатые бестии черным облаком повисли над полем прошедшей битвы. Вороны садятся на мертвецов, пытаются выклевать такие сочные, вкусные глаза; ребяшня пытается их отогнать, но – тщетно. Взрослые – в основном священники – ходят среди трупов и ищут чем поживиться. Я пытаюсь казаться одним из своих: вчера украл у какого-то бедняка дырявый плащ-накидку юродивого, брожу среди тел, сутулясь и опираясь на деревянный посох.

– Это я нашел! – донесся до меня мальчишеский голос. – Мой золотой зуб!

Чумазый пацан одет в одну дырявую тунику.

– А вот и неправда! – закричал в ответ другой ребенок – конопатый и с огромной копной рыжих волос.

– Я здесь раньше стоял!

– Отдай!

– Не отдам!

– Я сейчас тебе глаз выбью, а зуб все равно отберу!

Я скривился. Оба мальчишки тощие, замученные, кожа да кости. А глаза у них старческие, пустые, блеклые. Таков удел всех служек. В храмах, в которых они живут, их практически не кормят. Пропитание, согласно всем правилам, они должны найти сами, потому нередко можно увидеть на рынках Геткормеи попрошайничающих мальчиков и девочек с клеймами их священнослужителей. Порой беднякам приходится идти на крайности ради медяка – продавать свое тело, грабить и даже убивать.

Чумазый бросил взгляд на меня, умоляюще сказал:

– Хромой, подтверди, что я первым нашел золотой зуб!

Пожав плечами, я развернулся и побрел как можно подальше от маленьких спорщиков, намеренно тяжело ступая на правую ногу. В мою сторбленную спину полетели проклятия.

Сражение закончилось огромным поражением вторгшейся армии Зигира еще вчера утром, но любителей поживы пустили только сегодня. Будь воля генералов они бы вообще закрыли вход для всех, кроме царя, однако заветы отцов и дедов не пристало нарушать – священники, их служки и юродивые должны проверить, что все души храбрых воинов стали частью плаща Сеетры. На деле же, помимо храмовников, на поле битвы попали бедняки, бандиты и прочая шваль.

Я иду аккуратнo, стараясь не наступить на мертвых. Лица-маски провожают меня пустыми стеклянными взорами. Из их раскрытых ртов не доносится ни звука. Смерть никогда не выглядит красиво, как бы ни убеждали в сказках или на площадях. Боль, омерзение, ненависть, страх – вот, что чувствуешь, когда идешь по полю трупов. Сотни жизней сгинули в пустоте. Ради чего? Отечества? Ха-ха, знали бы эти блажные, как к ним относятся цари и их свита, может быть, тогда поменяли точку зрения.

Слева от меня раздался стон. Вздвoгнув, я осмотрелся. Один из мертвецов пошевелился, поднял дрожащую скрюченную руку. Да никакой это не мертвец – живой! Бедняге здорово досталось: панцирный доспех во многих местах погнулся от ударов, тут и там на бронзовой поверхности зияют дыры.

– Помогите... – зашептал солдат. – Пожалуйста, помогите... Я... я жить хочу... Помогите...

– Тише-тише, – успокоил я, склонился над ним. – Сейчас разберемся.

– Я ничего не вижу... Кругом чернота! Я ослеп!

На лице воина запеклась толстым слоем корочка крови, отчего сразу же стало понятно, почему несчастного приняли за мертвеца и оставили умирать.

Хмыкнув, я сказал:

– Сейчас тебе станет лучше.

Достал с пояса косяную флягу, быстро открутил крышку, налил воды на лицо солдата и принялся смывать кровь. Через несколько мгновений тот вдруг счастливо улыбнулся.

– Я вижу!

– Конечно, – отозвался я. – Ничего страшного не произошло. Что-нибудь болит?

Воин попробовал пошевелиться, скривился:

– Ноги...

– Похоже, кости сломаны, – сказал я, осмотрев его. – И с ребрами что-то не так... Но в целом ни одного колотого ранения, насколько могу судить. Ты легко отделался, парень, – жить будешь, по крайней мере. Наложат тебе гипс, повалешься в кровати месяц – и будешь лучше прежнего. Девки не перестанут любить.

Я поправил кожаные перчатки на руках.

– Где все? – спросил парень.

Я помог снять ему тяжелый шлем с наносником, ответил:

– Недалеко от поля битвы. Сейчас здесь только священники да грабители. Что на помощь-то не звал вчера? Давно бы уже валялся у лекаря.

– Не знаю... не помню... Помогите мне! Мне нужно к своим.

Поднявшись, я тяжело вздохнул. И что теперь делать? К лекарям в лагерь мне нельзя – сразу же раскусят. А вблизи на юродивого не тяну.

– Боюсь, парень, тебе придется выкручиваться самому, – сказал я.

– Вы не можете меня оставить! Сами же сказали: тут грабители ходят! Меня убьют!

– А ты предложи им взамен что-нибудь ценное.

– Нет у меня ничего ценного! – чуть ли не плача воскликнул солдат.

– Ладно-ладно, разберемся, – сказал я, обдумывая, как поступить. – Сможешь без меня тут повалиться некоторое время?

– Вы... вы куда?

– До ближайшего священнослужителя. Он поможет дотащить тебя до лагеря.

– Не уходите... Пожалуйста...

– Как же я тогда смогу тебе помочь?

Поерзав, парень попытался кивнуть, но получилось плохо. От страха он еще сильнее побледнел, дрожащими руками коснулся нагрудного доспеха. Я развернулся и направился в ту сторону, где, как мне показалось, видел храмовника.

Вскоре наткнулся на худошавого старика в черной рубахе-юбке и того же цвета хламиде с вышитым золотыми нитями глазом Баамона. На лбу переливается драгоценными камнями серебряный обруч, на шее – большой медальон.

– Пусть вечным будет сияние солнца!

Несколько раз оглядев меня с ног до головы, старик наконец ответил:

– ...И озаряет путь заблудшим. Что привело тебя ко мне, калека? Если ты ждешь подачек, то спешу огорчить – в правилах четко указано...

– Вы можете пойти за мной, старче? – перебил я без излишнего пиетета.

Слева от нас загалдели вороны, некоторые из них, испуганные нашими голосами, поднялись в воздух.

– Зачем? – подозрительно спросил священнослужитель и нахмурился, отчего его морщины на лице показались еще более глубокими.

– Я наткнулся на раненного.

– Неужели?

– Да, старче, – сказал я, сутулясь как можно сильнее. – И ему срочно нужна ваша помощь. У меня не получится дотащить его до лагеря в одиночку. У вас же есть маленькие помощники, которые без труда доволокут выжившего.

– Ну, веди, калека. Если же солгал, то пеняй на себя.

– Как можно, господин?!

Нам пришлось немного поплутать прежде, чем я нашел раненного парня. Он умудрился как-то развязать ремни и снять с себя панцирный нагрудник. Его щеки слегка покраснели, в глазах исчез испуг.

– Вот, старче, полюбуйтесь, – сказал я, махнув рукой в сторону воина.

Храмовник потер пальцами щетину на подбородке, пожевал нижнюю губу.

– Интересно... – вымолвил он после недолгих раздумий.

Сел на корточки возле парня. Тот попытался было приподняться, но поморщился от боли в груди и откинулся назад.

– Парень родился под счастливой звездой, – принялся тараторить я, изображая дурачка. – Не встретил бы меня, так и провалялся бы до завтрашнего утра здесь – может быть, и издох. Но сам Баамон направил меня к нему! Я брожу, значит, среди мертвяков, мелочь всякую собираю, а тут слышу – у-у-у! Я поначалу испугался, чуть в штаны не навалил, а потом – глядь! – и вижу: паренек кричит, руку тянет ко мне. Ну, и подошел к нему. Я бы его и сам до лагеря дотащил, да только спина у меня искореженная да нога правая совсем не сгибается...

Храмовник вытащил из-за пазухи кривой нож и всадил по рукоять клинок в шею воину. Тот вздрогнул, дернулся всем телом в тщетной надежде вырваться. Из его рта хлынула густая кровь, потекла по подбородку. Расширенные от ужаса глаза уставились на меня. «Зачем?» – безмолвно спросил парень, слабея. Через несколько мгновений всё кончилось.

Пронзенный ужасом я застыл не в силах произнести и слово.

– Это был не человек, калека, – спокойно сказал храмовник. – Демон вселился в него, попытался ворваться в мир живых, но мы ему не позволили.

Вранье.

– Ты поступил правильно, калека, что позвал меня. Но теперь можешь идти. Дальше я сам: необходимо провести обряд и направить душу бедняги к Сеетре. Тебе воздастся в храме...

Закипая от гнева, я снял перчатки и коснулся шеи старика.

Неужели я опять запутался? Потерял путь? Я в прошлом, в настоящем или в будущем?

– И сколько золотых талантов вы, господин, хотите дать жалким слугам, чей удел – служение своему народу? – подобострастно спросил помощник настоятеля.

– Пока еще точно не решил, – ответил я. – Может, десять тысяч, а может, двадцать. Война пришла в наши края неожиданно, – и нельзя оставаться в стороне, когда многих постигло неопишное горе.

– Да-да, вы правы, господин. Никто не ожидал от проклятых кочевников столь дерзкого нападения! Я слышал, на границах с Великой Стеной погибло уже больше ста тысяч наших доблестных воинов!

Мы неспешно идем по узким мрачным коридорам обители, заглядывая то в один зал, то в другой. Везде одно и то же: бесчисленные ряды коек, стонущие раненные, не выспавшиеся лекари и... дети. Они крикливыми стайками носятся от одной кровати до другой, играют в авву, ловя с помощью самодельной деревянной кружки большой шерстяной шарик на ниточке. Их гоняют маги и служки, но всё без толку – шум и гам не смолкает.

– Детей в обители много? – спросил я, поправив на лбу серебряный обруч. Жуть какая неудобная и непривычная штука, но необходимо достоверно играть роль богатого купца.

– Их никто не считал, господин, – ответил помощник настоятеля, нервно поглаживая жидкую бороденку.

– Скажите хотя бы приблизительно.

– Я честно не знаю. Наверное, больше тысячи. У большинства родители погибли на войне и только мы да священники можем приютить их.

– Все из них станут магами?

Старик тяжело вздохнул:

– Конечно нет, господин. Многие, к сожалению, годны лишь быть конюхами и уборщиками. Я надеюсь, консисторий и совет старейшин распределят их по нужным местам – кого отправят нам служить, кого запишут в солдаты, а кого отпустят на все четыре стороны.

Даже в коридорах ноздри щиплет от едких запахов лекарств, крови и отходов человека. Из-за влажного сырого воздуха, естественного для здешнего климата, слегка кружится голова, отчего постоянно кажется, будто двигаешься под водой. Одежда липнет к коже, каждый шаг сопровождается противным покалыванием в спине и в ногах. Уже десять раз пожалел, что не оделся полегче. Сандалии, шелковая туника спасли бы положение.

Помощник настоятеля выглядит куда лучше меня: шагает бодро и легко, на лице ни капли пота, глаза радостно блестят, даже его мерзкий бронзовый обруч на голове горит точно золотой.

– Будьте уверены, господин: ваши деньги пойдут на благое дело! На них мы купим бинты и необходимые лекарства. Вы спасете много жизней, солдаты будут боготворить вас.

– Не сомневаюсь.

По коридору прокатился душераздирающий крик боли – то ли женский, то ли детский. Помощник настоятеля вздрогнул, словно ему дали под дых, скривился и остановился.

– С вами всё хорошо? – спросил я.

– Да-да, господин... Просто я... просто до сих пор не привык к таким крикам. Лекари и мы день и ночь пытаемся спасти жизни, вы бы только видели, кто к нам попадает. Избитые, изломанные, потерявшие из-за постоянной боли разум... Хотел бы я всё это забыть. К сожалению, не получается. Да и долг...

Он замолчал.

– Кочевники ответят за свои зверства, – не очень убедительно сказал я. Положил ладонь на плечо старика. В свете горящих масляных ламп кольца с алмазами на моих пальцах ярко переливаются.

– Может быть, и ответят, господин. Но месть не излечит раненных солдат, не вернет мужей и честь изнасилованных жен, не подарит детям ласку убитых матерей. Я уже шестой десяток топчу эту землю, многое повидал, но так и не привык к войне.

Я впервые за вечер нахмурился. Мой четко выстроенный план дал первую трещину. *Спокойно. Ты еще не принял решение.*

– Я ведь понимаю, что вы не по доброте душевной пришли расставаться с деньгами, – сказал старик, уставившись мне прямо в глаза. – Указ царя однозначен: все купцы, эвпатриды и эпаты обязаны отдать десятую часть своего имущества магам. Я вижу в этом некоторую несправедливость, но будьте уверены, господин: деньги пойдут на благое дело.

Я напустил на себя оскорбленный вид. *Знал бы ты, старик, зачем действительно стою перед тобой, наверняка бы уже обделался.*

Мы в полном молчании дошли до центрального зала. Я в очередной раз застыл, любуясь работой архитекторов прошлого. Круглое помещение – даже без намека на углы! – потрясает размерами, будто его создавали для великанов. С высокого потолка свисают сотни мешков: по преданию в них покоятся тела первых старейшин магической школы. Горельефы на стенах изображают сцены из давно минувших эпох – появление Великого Ясновидца, рождение Неживого младенца, строительство Золотого собора...

– Вы определились с суммой пожертвования? – нарушил молчание старик. Эхо его голоса разлетелось по залу.

– Пока еще нет, – запрокинув голову, ответил я не в силах оторвать взор от скульптур.

– Все-таки, господин, вы отличаетесь от других купцов.

Внутри всё сжалось, я посмотрел на помощника настоятеля.

– В каком смысле?

– Ну... Мне сложно сформулировать, но я попробую. Вы словно и не торговый человек: озвучивайте конкретные суммы, не юлите и не ведете себя так, будто делаете огромное одолжение обители. Слишком внимательны, подмечаете здешнюю суровую красоту. А дети... я видел, как смотрите на них. Вам искренне жаль сирот. Все купцы, что побывали здесь, оставляли... гадостное чувство. Им абсолютно наплевать на всё и вся, кроме своего кармана.

Из дальнего коридора вышла троица магов – все в черных плащах и с золотыми посохами за спинами. Заметив меня и старика, направились к нам. Я мысленно выругался, но не показал вида.

– Уж не знаю, комплимент ли это, – сказал я, растянув губы в широкой улыбке.

– Наверное, в молодости вы были разбойником, господин. Впрочем, винить вас за проступки горячей юности не могу и не буду – просто отметил, что это оставило отпечаток на характере.

– Вы недалеки от истины.

– Тогда прошу прощения, господин. Мне не стоило совать нос не в свои дела.

Маги остановились в шаге от нас. Один из них, бородатый мускулистый гигант, увидев меня, едва склонил голову в знак приветствия, а затем обратился к помощнику настоятеля:

– Сиятельный, к нам поступили еще пятеро мальчишек. Все в очень плохом состоянии: переломаны кости, задеты внутренние органы, в сознание так и не приходили.

Старик хмыкнул, погладил бородавку, спросил:

– Их привезли с линии боев? Обычно такие до нас не добираются.

– Нет, дети местные. Играли в заброшенном доме, когда пол под ними провалился. Все упали с большой высоты. Их крики услышал местный пастушок, именно он позвал на помощь крестьян. А те, недолго думая, притащили ребятишек к нам. Так как время поджимало, сиятельный, я перевел их сразу же в целительский зал к остальным. Сейчас там Звенья начнут сеанс излечения, я подумал, вы захотите на это посмотреть.

Кивнув, помощник настоятеля перевел взор на меня:

– Желаете увидеть настоящее чудо, господин? Правила, конечно, запрещают посторонним присутствовать в целительских залах, но ради вас я готов пойти на небольшое преступление. Так как?

– Для меня это будет честью, – сказал я, поправляя полы шелкового халата.

– Тогда пройдемте. – Старик повернулся к гиганту-магу. – Веди нас, Каерчин!

Изрядно поплутав по узким коридорам, где порой от тяжелого смрада и жары желудок болезненно крутило, мы оказались в просторном зале, заставленном кроватями. На грубо сколоченных койках лежат дети – тощие и изломанные. Похоже, здесь положили всех тяжело раненных мальчишек и девчонок. Некоторые ребятишки в болезненной агонии дрожат и бормочут околесицу, кто-то держится за окровавленные повязки и плачет, а кто-то просто лежит без сознания.

– Бедные, бедные дети, – сказал помощник настоятеля, прислонившись спиной к массивной каменной стене. – Враг и болезни не знают пощады. Столько боли в одном месте. Я еще могу стерпеть, как страдают взрослые, но малыши... Многим, насколько знаю, даже не исполнилось пяти. Можете в это поверить, господин?

Проглотив тяжелый ком в горле, я пожал плечами. Приметил, что в дальнем конце зала на специально расчищенном полу, сидя на коленях и раскачиваясь из стороны в сторону, шепчут

заклинания татуированные, на жаргоне Золотых Посохов – Вторые Звенья. Из их ртов вместе с непонятными и загадочными словами вырываются сияющие голубые облачка энергии, воздух вокруг их фигур дрожит и едва заметно искривляется, витиеватые татуировки, покрывающие всё свободные участки тела, испускают ровный желтый свет.

– Вторые Звенья так сидят уже четвертый день без еды и воды, – сообщил помощник настоятеля, заметив, куда я смотрю. – Скоро они достигнут первого просветления. И тогда в дело вступят уже настоящие маги. Впрочем, вы, господин, всё увидите сами, я не буду вдаваться в ненужные подробности. Просто посмотрите, на что пойдут ваши золотые таланты.

– Все дети излечатся? – спросил я.

– Когда как. Мы до сих пор не понимаем до конца, как работают наши заклинания. Надеюсь, исцелятся все, но нельзя быть до конца уверенным.

– Я...

– Давайте оставим слова на потом, – резко перебил старик. – После чуда.

Верзила вместе со своими напарниками двинулся к татуированным, старательно обходя кровати с малышами.

Я тяжело вздохнул, пытаясь не показывать волнения. Весь план полетел к демонам бездны! Кто бы мог подумать, что в обычной обители магов столь много раненных? Этого я совершенно не учел.

– Начинается! – воскликнул помощник настоятеля, показывая пальцем в дальний конец зала.

Спиной к татуированным в один длинный ряд встали маги. Каждый держит в обеих руках длинный, сверкающий золотой посох. На груди испускают слабый алый свет серебряные бляшки с изображениями полулюдей-полуслонов. Верзила, стоящий в центре ряда, принялся что-то шептать на грубом, изобилующим согласными языке, остальные колдуны подхватили его речитатив.

Мое сердце тяжело ухнуло, на миг остановилось, а затем учащенно забилося, эхом ударов отдаваясь в грудной клетке. В животе разлился холод, принялся медленно растекаться по всему телу, словно вместо крови у меня потек жидкий лёд. Тело показалось чужим и непослушным. Я поднес к лицу левую ладонь, не понимая, откуда возникло покалывание в кончиках пальцев.

Надеюсь, я не раскрою себя. Не хватало еще перерезать всю обитель.

Дети, словно управляемые невидимым кукловодом, как один страшно изогнулись в кроватях и завизжали. Их маленькие тщедушные тельца крутит, конечности изгибаются под невообразимыми углами. Желтый свет – свет мертвецов! – вырвался из распахнутых глаз магов, начал растекаться по залу. Яркая вспышка – и всё потонуло в ослепительном сиянии. Лишь многоголосый речитатив божественным гласом врывается в уши, рвет барабанные перепонки, сносит барьер мыслей и оголяет дикий животный страх.

Я едва не закричал от ужаса.

Свет исчез. Всё кончилось быстро, в один миг. Пока глаза привыкали к сумраку зала, я понял – сижу на полу, прижимаясь спиной к холодной стене. Не без труда поднялся, хотя икры сводит судорога.

Старик одарил меня снисходительной улыбкой. Сам он крепко стоит на ногах.

– Сейчас усталость пройдет, господин, – сказал помощник настоятеля. – Поздравляю: вы хорошо держались. Многие на вашем месте кричат и даже гадят в штаны.

– Вы же говорили, что правила запрещают посторонним находиться в целительском зале?

Тот лишь шире растянул губы в ухмылке. *Ублюдох. Все вы одинаковые.*

Дети на кроватях неуверенно переглядываются, многие из них касаются перевязок, непонимающе трут больные места. Но никто не кричит, не стонет, не трясется от боли. Когда вошел в зал, я заметил малыша со страшно изрезанным лицом. Сейчас же он здоровый: на милой

мордашке даже шрамов не осталось. Его яркие голубые глазюхи с интересом осматривают помещение, а маленькие пальчики скользят по толстым милым щекам.

– Сегодня хороший день, – заявил старик. – Все исцелились. Чудо произошло.

Зал огласил детский смех. Я расслабился – план отменяется. Если сейчас попытаюсь захватить обитель, отнять магию, то погибнет слишком много ни в чем неповинных людей. Время, конечно, подгоняет, но смерть малышей... Нет, не могу – нужно найти другое место.

– Так что вы решили, господин? – спросил старик. – Дадите нам десять тысяч золотых талантов или двадцать тысяч?

– Пожалуй, обитель заслуживает тридцать тысяч, – ответил я. – Ждите в ближайшие два дня моего курьера. Он принесет деньги.

– Щедрый подарок.

Даже не представляешь, насколько.

Неужели я опять запутался? Потерял путь? Я в прошлом, в настоящем или в будущем? Мысли привычно разбегаются, как потревоженные в подвале крысы. Бездна демонов! Пытаюсь сосредоточиться. Прочь, прочь переживания! Вот по правую сторону от тропы растут фруктовые деревья. Большие сочные плоды персиков и абрикосов впитали в себя столько солнечного света, что тонкая кожура сейчас лопнет и капли сладкого сока потекут на траву. Вот слабый теплый ветер щекочет кожу. Его нежные прикосновения приносят покой и ясность разума. Вот в голубом небе плывет единственный облачный барашек. Он плывет к высям далеких гор.

Я в настоящем, я в настоящем...

Лица тусклые, сухие, измятые. Одежда у большинства – грязные жалкие обноски. От вони немых тел слезятся глаза. Злые ухмылки, пустые рыбы взгляды, желчные фразы, что бросают в спину... В огромной, как океан, толпе нельзя себя чувствовать комфортно. Продвигаясь к центру площади, я толкаюсь плечами, извиняюсь, прикидываюсь своим, бранюсь, дерусь, если надо. Наверное, ничем не отличаюсь от остальных. Перед тем, как прийти себя, измазал лицо и руки грязью.

– Куда прешь? – ругательства сыплются со всех сторон.

– Осторожнее, сучий сын!

– С жизнью проститься хочешь, остолоп?!

– Мразь, я тебе сейчас морду набью!

Измученная толпа ждет начало ежегодного обряда слёз, когда храмовники после долгого скучного служения даруют тысячам голодных городских жителей прощение и излечение от тяжелых недугов. Помимо бедняков на площадь явились богатые купцы и знать – все те, кем так славен Аккарат. Они сидят на резных деревянных стульях под специально натянутым навесом. Наспех сколоченный помост находится в двадцати шагах от них – самый лучший вид на представление.

Я остановился. Отсюда вроде хорошо всё видно, дальше люди толкаются так плотно, что у меня нет шансов пробиться – надают тумачков и просто выкинут. Надо было приходиться пораньше. Рядом со мной стоит и прижимает к груди сверток худая женщина. Глаза у неё ввалились, болезненно блестят, кожа сильно обтягивает скулы – вот-вот порвется точно старый пергамент, густые черные волосы собраны в аккуратный пучок на затылке, костлявые руки и плечи изуродованы паутиной синих вен. Замызганная бесцветная туника порвана во многих местах.

– Че уставился? – спросила женщина, нервно качая сверток.

Улыбаясь, я подмигнул. Остальные мои «соседи» – беззубый паренек с копной рыжих волос, едва держащийся на ногах старик и лысый толстяк. В толпе невыносимо жарко, пот

стекает с меня ручьями, дышать нечем. Открываешь и закрываешь рот, точно рыба, а воздуха все равно не хватает.

Площадь окружают плотным кольцом дома – конусообразные здания-чудовища с множеством окон и балконов. Побелка на стенах обвалилась, оголяя древние красные кирпичи; позолота на маленьких крышах потемнела и приобрела темно-коричневый оттенок; миниатюрные мраморные скульптуры возле домов испачканы птичьим дерьмом. Давно прошли те времена, когда Аккарат поражал воображение богатством.

Вдали тянутся к небу башни мертвых – легендарные места, где тысячелетиями знать хоронит усопших. На фоне обедневшего города гранитные черные столпы кажутся непоколебимыми и величественными, словно создавали их не люди, а сами боги. Взгляд даже отсюда приковывают огромные причудливые барельефы, изображающие мерзких на вид монстров.

Где-то неподалеку от меня в толпе началась ругань. Голодранцы бросались оскорблениями, припоминали матерей друг друга и сыпали угрозами. Затем началась драка. С моего места ничего не видно, однако, судя по звукам, потасовка разрастается. Не хватало еще, чтобы началась давка из-за двух идиотов! К тому же городские стражники охраняют только знать и купцов. Если что-то начнется...

Протрубили рожки, толпа успокоилась. Повисла абсолютная тишина. Из-за угла дома-чудовища вышла процессия из пятерых храмовников. Золотые мантии ярко блестят на солнце; в глаза бросаются дорогие украшения – алмазные цепочки, кольца, головные обручи. Я приметил красные сапоги из тонкой оленьей кожи – такие стоят как маленький дом. Несмотря на повальную нищету в Аккарате, священнослужители живут богаче некоторых купцов.

Прошестввав на помост, храмовники выстроились в ряд. Их внимательные суровые взгляды окинули разномастную толпу. Многие люди тут же понурились, принялись шептать слова молитвы; кто-то заплакал. Я же едва не рассмеялся: грубый наспех сколоченный помост не сочетался с роскошными одеждами священнослужителей. Дешевый фарс!

Один из седых храмовников с толстым золотым обручем на голове вышел вперед и вскинул руки. Его властный голос громогласным эхом прокатился по площади:

– Баамон велик, ибо он проглотил наш мир!

Тишина стала абсолютной.

– Тысячи лет прошли с того момента, когда первые люди, созданные из глины и воды, прятались в священных горах Юшмандр от мерзких страшных чудовищ, что населяли землю! И если бы не милость богов, мы бы не стояли сейчас здесь! Если бы мудрейший Баамон не ниспослал нам царицу Жаатру, мы бы не построили город и не защитили своих детей! Нас бы сожрали, изгрызли, порвали, растерзали! Очистите мысли от дурных помыслов, ибо начинается обряд слез!

Храмовник поначалу говорил тихо, но постепенно его голос становился всё громче. Нахмурившись, я постарался сохранить образ этого человека у себя в памяти. На вид ему пятьдесят, жилист, седина давно посеребрила коротко стриженные волосы. Держится как воин, а не книжный червь. Спина прямая. Лицо же... что-то с ним не так. Дело в глазах... Словно бездонные черные провалы, белков совсем не видно.

– Сегодня мы собрались здесь, чтобы почтить память предков! – воскликнул храмовник. – Слезами смыть боль их душ! Забудьте про все насущные дела, забудьте про все страдания, забудьте про разницу между нами – сейчас мы равны. Богатые и бедные, здоровые и калеки. Почувствуйте связь! Откройтесь!

Тысячи невидимых иголок закололи мою спину. Волосы на голове зашевелились, по телу прокатилась горячая волна. Неужели кто-то колдует? Нет, я бы почувствовал.

– Мы – жалкие и ничтожные в глазах могучих сил! – надрывается священнослужитель. – Нас легко растоптать! Войны уносят наших детей, отчего горе родителей становится столь невыносимым, что они начинают пить хмельную воду! Наши матери и отцы погибают от чер-

ных хворей. Наши мужья и жены становятся жертвами эпидемий, что каждые десять лет выкашивают сотни тысяч людей. Но спасение есть! Оно прячется в вере. Боги не оставят нас! Всегда, в каждый миг бытия они помогают нам, дарят счастье, его нужно просто взять – только протяните руку!

С каждым брошенным, точно булыжник, словом храмовник становится всё больше и больше, его руки испускают слабое золотистое свечение, а с кончиков пальцев срываются искры – они медленно падают на помост и исчезают, не причиняя вреда деревянным доскам.

Я нахмурился сильнее, окинул толпу. На площади собралось не меньше десяти тысяч людей, и все благоговейно смотрят на пятерых священнослужителей и жадно ловят каждую фразу седого.

– Боги любят вас, люди! – надрывает горло храмовник, гордо вскинув голову. – И отец сущего Баамон, и великий змей Виистеп, развоплощенный Сипуун, и многоликий Теетоп, и дух Бронзовой Царицы Жаатры, и многие-многие другие – все они видят, как вы страдаете и жаждете поскорее попасть к ним! Страшные болезни и страдания пожирают всех нас! Но спасение есть! – Храмовник ударил себя в грудь. – Оно в наших сердцах, в пламени наших душ! Каждый из нас по отдельности не стоит ничего, но вместе мы сила!

Каким образом вокруг седого горит золотистый ореол? Сила убеждения? Наркотики? Я ел что-нибудь перед тем, как пошел к площади? Несколько персиков, купленных на рынке...

Напряженное гневное лицо храмовника разгладилось, появилось выражение невероятной печали. Он после нескольких мгновений абсолютной тишины продолжил речь:

– Давайте прочтем молитву и начнем обряд слез. Вы ждали этого мига целый год, и вот он пришел. Боги спустились к нам, они в толпе. Чувствуете легкость и умиротворение? Чувствуете, как сердце радостно бьется в груди? Чувствуете присутствие Силы? Оставьте переживания и боль в прошлом. Чудеса рядом!

Он вскинул руки к людям, и золотистый орел вокруг него сменился на ярко-фиолетовый.

Позади меня словно встало циклопическое существо. Я вздрогнул, ощутил не только его присутствие, но и изливающуюся могучую силу, способную в миг превратить в пыль, в ничто. Мое сознание съежилось.

– Кто первым вступит на помост? – спросил седой. – Кто больше всех жаждет искупления? – Он принялся смотреть в лица толпы. – Ты? Ты? А может, ты? Вижу, вижу боль, но её сможет выдержать любое человеческое сердце. Мне нужен тот, кто устал, тот, кто сохнет душой...

Вдруг его взгляд остановился на мне. Целую вечность священнослужитель, не моргая, смотрит на меня. Его губы растянулись в широкой, хитрой улыбке.

А затем он перевел взор.

– Во-о-от! Чувствую страдания! Вижу израненное сердце! Как же можно жить с такой невероятной ношей? Нет, нет – боги не потерпят подобного! Они говорят: поднимись на помост и преклони колени перед слабым старым служителем! Прошло время слез, сейчас наступит чудо! Ничего больше не бойся, ведь тебя заметили!

Худая девушка со свертком рядом со мной встрепенулась, склонила голову. Не знаю как, но люди, окружающие её, – в том числе и я! – поняли, к кому обратился храмовник и расступились перед несчастной. Та, дрожа и всхлипывая, направилась к помосту.

– Иди же ко мне, милая, – принялся подбадривать её седой. Его голос эхом разлетается по площади. – Не бойся слез, ибо они смывают старую корку разочарований. Все беды позади. Теперь в будущем – только радость и яркий свет внутри. Впусти жизнь в себя. Боги – ты можешь себе представить? – умоляют тебя перестать бояться. Они рядом, они внимательно следят. Всё хорошо, милая.

Девушка, как мне показалось, идет целую вечность. Её худая нескладная фигурка дышит страхом. Чем ближе она к помосту, тем больше сутулится, словно тяжесть многолетней боли

давит на спину неподъемным булжником. Люди, возле которых идет мимо, кладут ей ладони на плечи, бросают в спину можжевеловые веточки, пытаются подбодрить добрыми словами. Толпа ведет себя иначе, чем в самом начале обряда – злые, омерзительные мужчины, женщины, дети, старики изменились. Их лица светятся счастьем и покоем; даже грязь и обноски воспринимаются по-другому.

– Ты прелестна, – сказал храмовник, по-отечески улыбаясь. – Ближе, подойди ближе...

Безмолвно плача, девушка поднялась на помост, опустилась на колени в двух шагах от седого, прижала к груди сверток, точно последнюю ценность в жизни. На щеках блещут грязные дорожки от слез, в волосах путаются оливковые листья. В странном фиолетовом свете она действительно выглядит прекрасной: ушли черные круги под глазами, синие вены больше не видны под кожей. Худоба показалась привлекательной.

– Как твое имя? – спросил храмовник, нежно глядя девушку по голове.

– Сай...

– И сколько же тебе лет?

– Ше... шестнадцать.

– Хорошо, Сай. А ты дашь посмотреть, что в твоём свертке?

– Я... я не могу...

– Я прошу тебя – боги просят! Позволь взглянуть. Обещаю: ничего плохого не случится.

Та тяжело вздохнула и медленно протянула сверток.

– Умница, Сай. Ты как цветущая роза, как восход в ясный день, как звездная ночь. И мне нравится твой запах – смесь яблок и мёда. Да-а-а, в тебе много жизни, много воли. Со мной ты в безопасности. Слышишь голоса? Это боги общаются с тобой.

– Да, господин, слышу...

– Я не господин, милая Сай. Лишь проводник.

Он раскрыл сверток и протянул к толпе, чтобы все могли в подробностях разглядеть его. Люди разом ахнули, кто-то из женщин и стариков громко заплакал. Я стиснул зубы. В свертке – мертвый ребенок. При виде синего сморщенного тельца всё внутри сжалось, а горло стянул невидимый обруч. Ввалившиеся глаза, раскрытый беззубый рот, в котором даже с моего расстояния видна черная плоть языка...

Седой нежно погладил тыльной стороной ладони восковой лоб малыша, глаза наполнились слезами – как и у всей толпы. Затем он дрожащим слабым голосом обратился к людям:

– Нельзя передать словами ту боль, что все мы сейчас чувствуем. Перед нами – ужаснейшая несправедливость. Мать стоит на коленях и плачет, умоляет, требует! Уверен, она проклинает богов, спрашивает себя: почему не она? Почему *он*? Чем заслужил столь суровую кару? Ведь он даже не вкусил этой жизни, чистая душа пропала, стала частью страшного плаща богини смерти. – Седой гордо выпрямился. – Но хватит попусту нам сотрясать воздух! Настал миг обряда! Сами боги признали свою ошибку!

Он начал медленно качать сверток и что-то неразборчиво шептать. Священнослужители, до того молчаливо стоявшие в стороне, окружили его, опустились на колени. Солнце точно увеличило яркость, распухая на глазах. Птицы, сидевшие на крышах домов, с громким хлопанием крыльев и криками вспорхнули черной тучей. Я ощутил, как по телу разлилось приятное тепло. Мне стало хорошо, уютно, спокойно, будто оказался в старом знакомом месте, где всегда рады. И без того счастливые лица людей осветились широкими улыбками.

– Именем Баамона, проглотившего этот мир, – громогласно начал перечислять храмовник, раскрывая сверток с мертвым ребенком, – именем Фаарона, ястребиным взором способным проникать в глубины наших душ, именем Джуумон, навечно сидящей в высокой башне, где длинными пальцами перебирает нити судеб... Приказываю: вернись, младенец! Открой глаза! Пусть жизнь вновь наполнит тебя! Мать ждет!

Я ожидал яркого шумного представления, характерного для магического действия, – с энергетическими лентами, плясками световых искр, дрожанием воздуха и вскипающими камнями. Но всё произошло быстро, тихо и незаметно. Я лишь моргнул – и в свертке оказался здоровый ребенок. Тишину площади нарушил громкий детский плач. *Этого просто не может быть!*

– Чудо, чудо, чудо... – зашептала толпа. – Смотрите, как он прекрасен... Какой милый мальчик... Пусть благословенны будут боги...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.